

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО
И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ**

материалы Международного научно-практического круглого стола

(Москва, 29 мая 2019 года)

Москва, 2019

УДК 343
ББК 67.408
А 43

А 43 Актуальные проблемы совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства России: материалы Международного научно-практического «круглого стола» (Москва, 29 мая 2019 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. – 274 с.

ISBN 978-5-6041504-9-8

Редакционная коллегия:

Багмет А.М. – исполняющий обязанности ректора Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Почётный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции.

Бычков В.В. – проректор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Почётный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Дмитриева Л.А. – ученый секретарь Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент, полковник юстиции.

Саркисян А.Ж. – руководитель редакционно-издательского отдела Московской академии СК России, кандидат юридических наук, капитан юстиции.

УДК 343
ББК 67.408

Сборник сформирован по материалам, представленным на Международный научно-практический «круглый стол», проведенной в Московской академии СК России 29 мая 2019 года.

Форум организован Московской академией СК России при участии ведущих вузов России и Республики Азербайджан.

Сборник представляет интерес для юристов – учёных и практиков.

Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы и идейные взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов.

ISBN 978-5-6041504-9-8

© Московская академия СК России, 2019

**Круглый стол на тему: «Актуальные проблемы совершенствования
уголовного и уголовно-процессуального законодательства России»
в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
29 мая 2019 года**

В рамках Всероссийской научной конференции «Уголовный процесс: законность, объективность, справедливость», организованной Институтом государства и права Российской академии наук, Московской академией Следственного комитета Российской Федерации, совместно с ИГП РАН, организован и 29 мая 2019 года проведен «круглый стол» № 2 «Актуальные проблемы совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства России».

В конференции приняли участие ученые ИГП РАН, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Академии управления МВД России, Смоленского государственного университета, Саратовской государственной юридической академии, Тамбовского государственного технического университета, следователи органов внутренних дел, сотрудники территориальных подразделений Следственного комитета, профессорско-преподавательский состав Московской академии.

Кроме того, в работе форума принял участие заместитель начальника управления по надзору за исполнением законов в следствии, дознании и оперативно-розыскной деятельности Министерства юстиции, Министерства налогов и Государственного таможенного комитета Генеральной прокуратуры Республики Азербайджан, старший советник юстиции **Джамалов Рамин Вагиф оглы**.

В качестве ведущих круглого стола выступили: проректор Академии, кандидат юридических наук, доцент **Бычков Василий Васильевич** и главный научный сотрудник Института государства и права Российской Академии наук, доктор юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, член-корреспондент РАН **Габов Андрей Владимирович**.

В ходе конференции обсуждались различные вопросы уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права, организации расследования и рассмотрения уголовных дел.

С докладами выступили:

Николаева Юлия Валентиновна – ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, доцент, полковник в отставке;

Кобзарев Федор Михайлович – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Быков Виктор Михайлович – профессор кафедры «Безопасность и правопорядок» Юридического института Тамбовского государственного технического университета, доктор юридических наук, профессор;

Голик Юрий Владимирович – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Борис Яковлевич – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Минязева Татьяна Федоровна – профессор кафедры предварительного расследования преступлений в сфере экономики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации;

Радченко Владимир Иванович – ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации;

Собенин Андрей Анатольевич – старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук;

Валов Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент;

Кожухарик Дмитрий Николаевич – декан факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Дармаева Валентина Дашеевна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, полковник юстиции.

Современное состояние карательной политики в Российской Федерации и его социальные последствия

Аннотация. В статье рассматривается карательная политика как часть уголовно-правовой политики государства, сложность определения понятия данной правовой деятельности, а также ее состояние на сегодняшний день. Автор анализирует ключевые исторические примеры и уголовное законодательство Российской Федерации, чтобы проследить тенденцию смягчения или ужесточения карательной политики, оценить ее современное положение и состояние, а также вывести и изучить возможные социальные последствия жесткой карательной политики.

Ключевые слова: карательная политика, социальные последствия, жесткая, уголовное законодательство, нововведения, совершенствование законодательства.

В данной статье предметом нашего исследования будет такая правовая деятельность государства как карательная политика.

В начале исследования мы считаем необходимым дать определение термину «карательная политика». Карательная политика будет рассматриваться нами как часть уголовной политики государства, многоаспектная правовая деятельность, обеспеченная силой государственного принуждения и направленная на защиту граждан и общества от преступных посягательств и преступлений в целом.

Колоссальная роль карательной политики в качестве регулятора общественных отношений определена специфическим воздействием ее инструментария на поведение людей в социуме. Наказание, являясь принудительной формой воспитательного воздействия, выполняет три функции одновременно: карает (возмездная функция), предупреждает нарушение общественных норм (профилактическая функция) и воспитывает уважение к общепринятым правилам поведения, установленным в социуме.

Государство как сложный институт, в том числе защищающий юридические права и свободы граждан, порядок и соблюдение правовых норм и правил, установленных в обществе, имеет огромный инструментарий и возможности применения наказания к членам общества, попирающим данные правила и нормы.

Если говорить о сути, главной цели и смысле наказания, то нам наиболее близко мнение В.К. Дуюнова: «сущность наказания состоит в его свойстве быть материализованным выражением (формой) реагирования государства на акт преступного поведения виновного и совершенного им преступления... Иными словами, уголовное наказание является по своей сути не принуждением, а карой. Оно служит одной из форм реализации кары – осуждения, порицания осужденного и совершенного им преступления. Следовательно, и определить

уголовное наказание надо не через понятие «принуждение», а через понятие «кара»¹.

Однако, нам бы не хотелось ограничить такое относительное и широкое понятие, как «наказание» только лишь узкими рамками слова «кара». Ведь, как уже было сказано выше, помимо карательной функции на наказание сегодня возложены также функции предупреждающие и исправительные. Так что вернее было бы обозначить наказание как форму карательного государственного принуждения, целью которой является профилактика преступности в обществе и восстановление социальной справедливости.

Ф. Лист, сказавший, что «лучшая уголовная политика – это политика социальная»², невероятно метко обратил внимание на тот факт, что уголовная политика неотрывно связана с обществом, на которое она воздействует. Наказание само по себе без соответствующих социальных реформ не может способствовать сокращению преступности.

Наказание всегда было отражением социальных перемен в обществе, соответствовало его экономическому и политическому строю, взглядам правящей элиты на средства государственного принуждения. Вместе с классовыми, социальными, экономическими и идеологическими переменами в обществе наказание также изменилось и эволюционировало.

Именно поэтому решение о введении или отмене уголовного закона может приниматься только после социологического анализа отношений, которые будут либо защищаться законом и влечь наказание, либо, напротив, выводиться за рамки уголовного законодательства и декриминализироваться. Лишь когда количественный анализ тех или иных событий и взаимосвязей показывает, что воздействие на эти явления будет обеспечено наказанием, только в таком случае введение уголовного закона может быть оправдано.

Ярким примером тут может послужить декриминализация ст. 116 УК РФ «Побои», которая вызвала огромный общественный резонанс.

Закон о декриминализации рукоприкладства в семье принят 27 января 2017, окончательно утвержден 7 февраля. Полное его название – Федеральный закон 8 ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации». Из названия следует, что это не отдельный правовой акт о декриминализации, а поправки, редактирующие существующие положения законодательства.

На данный момент эта поправка принесла больше вреда, чем пользы. Можно предположить, что основной причиной, по которой ст. 116 была декриминализована это то, что мировые судьи были чрезвычайно загружены делами по данной статье. Из-за ограниченности процессуальных сроков, которые отводятся для рассмотрения уголовных дел обвинения частного порядка, судебные участки мирового судейства были переполнены заявлениями о привлечении лиц к уголовной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 116 Уголовного кодекса

¹ Дуюнов В.К. Наказание в уголовном праве России – принуждение или кара // Государство и право. 1997. № 11. С. 66.

² Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1903. С. 76.

РФ "Побои". Законодатель проанализировал статистические данные и разработал Федеральный закон № 323-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" (Федеральный закон № 323-ФЗ). Ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации была частично декриминализована, что повлекло за собой распределение санкции между ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и ст. ст. 116 и 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Чем навредило данное нововведение самим мировым судьям, для облегчения работы которым, казалось бы, все это и было сделано? Во-первых, обязанность рассмотрения дел об административных правонарушениях, ответственность за которые установлена ст. 6.1.1 КоАП, согласно ст. 23.1 КоАП возложена на мировых судей. Во-вторых, так как санкциями в ст. 116 и 116.1 УК РФ, максимальное наказание установлено менее трех лет, то согласно ст. 31 Уголовно-процессуального кодекса РФ они тоже отнесены к подсудности мировых судей. В итоге мы получили, что до декриминализации ст. 116 УК РФ мировыми судами рассматривалась только одна категория дел, а теперь находящихся в производстве мирового судьи материалов увеличится вдвое.

Еще одна причина, по которой, вероятно был поднят вопрос о декриминализации ст. 116 УК РФ, это уровень общественной опасности данного преступления. По мнению законодателя, он не настолько высок, чтобы совершивший данное преступное деяние гражданин сразу нес уголовную ответственность. По сути, статья 116 УК РФ не столько декриминализована, сколько переведена на двухэтапную ответственность, допускающую административное наказание для первого случая. Казалось бы, что теперь супругу, перенесшему побои, будет гораздо легче обратиться в данной ситуации в правоохранительные органы за защитой, однако случаи обращения по указанным категориям дел все еще невелики, бытовые побои все также остаются довольно латентным преступным деянием, за которое семье придется платить штрафы, а, следовательно, обращение в правоохранительные органы с заявлением о причинении одним из супругов или близким родственником бытовых побоев экономически невыгодно в том числе для самого потерпевшего (по статистике, более 50% семей в России имеют общий бюджет).

Данным примером мы хотим показать, что происходит, когда правовые реформы оторваны от социальной действительности. Именно для более точной и правильной методики, без которой невозможно полноценное функционирование карательной политики в Российской Федерации необходимо сочетать юридический анализ последствий введения или отмены уголовного закона с социологическим исследованием отношений, на которые будут направлены вносимые изменения.

Анализируя изменения и ключевые моменты в истории карательной политики России, а также их влияние на общество, считаем необходимым рассмотреть два особенно ярких и показательных периода в истории Российского государства.

Для начала мы рассмотрим эпоху Петра I, состояние и тенденции карательной политики на то время.

Правовые институты 18 века имели все характерные черты Средневековья, из которого они брали свое начало: неопределенность и сословность наказаний, их колоссальную жестокость и несоразмерность с тяжестью преступлений. Правонарушение воспринималось как покушение на определенный свыше порядок. Самым действенным средством борьбы с преступностью на тот период считалось физическое устранение преступников, либо их надежная изоляция, и, по возможности, из труда заключенных старались извлечь максимальную экономическую выгоду. Исправление преступников не стояло целью карательной политики той эпохи.

Пик открытой репрессивности карательных мер Российского государства, характерной для всего 18 века, приходится на петровскую эпоху. Чрезвычайно расплывчатые формулировки санкций норм и такие же неопределенные положения приговора способствовали откровенному произволу в практике применения наказаний.

В эпоху Петра I законодательство было крайне сурово. Смертная казнь в виде наказания устанавливалась воинскими артикулами Петра I за 123 преступления, при этом был ряд преступлений, за совершение которых даже не допускалось помилование.

Назначенные строгие наказания постоянно отменялись актами помилования, приуроченными к значимым событиям (светские праздники, рождение, похороны и болезни в царской семье и т.д.). Петр I вместо смертной казни широко использовал помилованных преступников на каторжных работах, строительстве галерного флота и других видах работ. Все помилования зачастую были рассчитаны на пропагандистский эффект и только создавали видимость милосердного суда.

Еще один яркий пример для нашего исследования представляет собой карательная политика в Советский период.

Уголовная политика и уголовное законодательство, принятое в конце 1920-х - 1930-х носили ярко выраженный репрессивный характер, который выражался в широком применении уголовного закона по аналогии, уголовная ответственность не была индивидуализирована (к примеру, по статье 581в УК РСФСР 1926 года совершеннолетние члены семьи изменника Родины лишались избирательных прав и подвергались ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет), законам, устанавливающим преступность деяния, придавалась обратная сила, а нормы, защищавшие интересы государства, имели гораздо более жестокую санкцию, чем, например, нормы о преступлениях против личности.

Санкции принимаемых уголовных законов зачастую были несоразмерно суровы. Например, по, так называемому, «закону о колосках» 1932 года в качестве единственной меры «социальной защиты» (санкции) за хищение грузов на транспорте, кооперативного и колхозного имущества предусматривался расстрел с конфискацией всего имущества независимо от размера данного хищения (который заменялся при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией имущества), а в это же время за умыш-

ленное убийство при отягчающих обстоятельствах (ст. 136 УК РСФСР 1926 года), в качестве санкции, предусматривалось лишение свободы на срок не более 10 лет.

Также был резко снижен минимальный возраст уголовной ответственности. Законом «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 года уголовная ответственность за насильственные преступления, кражи и убийства устанавливалась с 12 лет.

Ужесточались и нормы Общей части уголовного законодательства, касающиеся наказаний. Это выразилось, к примеру, в увеличении максимального срока лишения свободы увеличен с 10 до 25 лет и в отмене условно-досрочного освобождения от наказания.

В послевоенный период развитие уголовного законодательства развивалось в двух противоречивых направлениях: с одной стороны, нормы о экономических и имущественных преступлениях ужесточались в части санкций (так, за хищение государственного имущества Указами Президиума Верховного Совета СССР 1947 года устанавливалась уголовная ответственность сроком до 25 лет лишения свободы), а с другой – одновременно с ужесточением норм реализовывались амнистии, отмена военного положения и действовавших на военный период норм уголовного законодательства. Смертная казнь была отменена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года, однако ее восстановления не пришлось долго ждать – уже в 1950 году смертная казнь была восстановлена за наиболее тяжкие государственные преступления: измену Родине, диверсию и шпионаж.

В 1953 году репрессивные институты уголовного законодательства постепенно подвергались изменениям, имевшим более гуманный характер. В марте 1953 года была объявлена массовая амнистия, а с 1954 года началась колоссальная работа по пересмотру уголовных дел и реабилитации необоснованно осуждённых.

Казалось бы, после таких суровых, порой, необоснованно строгих наказаний, преступность должна была сойти на «нет» в Советский период, однако, этого не произошло. Более того, в 60-70-е. годы наблюдается резкое ухудшение криминологической обстановки, что вынудило законодательные органы власти внести многочисленные поправки и дополнения, задачей которых являлось усиление уголовной репрессии.

Историки, юристы, политики до сих пор не имеют однозначного мнения в данном парадоксальном вопросе: почему два, пожалуй, самых строгих по видам и мерам наказаний периоды истории Российского государства, не прославились невероятным снижением преступности? Почему предупрежденные и напуганные демонстрациями возможных последствий противоправного поведения граждане все равно шли на преступления?

На наш взгляд, для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратить внимание на две крайности карательной политики: смертную казнь и помилования.

Анализируя указанные исторические периоды, мы приходим к выводу, что массовые помилования и амнистии – далеко не лучший способ корректировки

строгой карательной политики, так как у правоохранительных и судебных органов (как и у населения) может складываться впечатление ненужности и бесперспективности их работы по пресечению, раскрытию преступлений и доведению их до судебного разбирательства. Зачастую амнистии не решают тех проблем, на решение которых они были направлены. Например, самая массовая амнистия после 1953 г. была проведена в 2000 г. и была направлена на снижение количества содержащихся под стражей граждан, было освобождено свыше 206 тыс. человек. Однако уже к окончанию ее проведения данной амнистии численность лиц, содержащихся в следственных изоляторах стала иметь тенденцию к росту, который продолжался и в 2001 году, что потребовало проведение новой амнистии (на этот раз в отношении осужденных женщин и несовершеннолетних).

Если снова обратиться к Советскому периоду за примерами, то можно отметить, что строгая уголовная политика зачастую была полностью обесценена уголовно-исполнительной политикой в части условий отбывания наказания в исправительно-трудовых лагерях, которые мало отличались от жизни на свободе, объявлениями массовых амнистий, а также массовым пересмотром приговоров в 1933 году в отношении лиц, отбывавших наказание в виде лишения свободы. Наряду с вышеуказанными смягчающими наказание факторами до 1939 года широко использовалось условно-досрочное освобождение от наказания. Противоречие между уголовной и исправительно-трудовой политикой все обострялось.

Демократизация российского общества в 90-х годах обернулась ужесточением уголовной политики. Появились такие сроки лишения свободы как 20 и 25 лет, а затем 30 лет и к тому же еще пожизненное лишение свободы. В то же время на таком фоне таких тенденций, Минюст, после передачи мест лишения свободы в августе 1998 года из МВД, проводит ежегодные амнистии, аргументируя это необходимостью бороться с перенаполнением исправительных учреждений. Такие решения обесценивают наказание как форму государственного реагирования на противоправное поведение и вызывают недовольство у граждан, страдающих от разгула преступности, освобожденной из заполненных до отказа тюрем и колоний.

Верно утверждение, согласно которому устрашение наказанием как средство превенции не потеряло своего значения, но главное в сфере борьбы с преступностью – это такое воздействие на общественное сознание, в особенности на сознание неустойчивых в криминогенном отношении граждан, которое убеждало бы в «невыгодности занятия преступной деятельностью».¹ Профессор В.И. Добреньков отмечает: «Результаты «гуманизации» правоохранительной системы в условиях глубокого социального кризиса воистину удручают. Современная система наказаний, действующий уголовный кодекс защищают не обще-

³ Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Указ. соч. С. 34.

ство от преступников, а скорее, преступников от заслуженного и справедливого наказания. Это настоящая трагедия для российского общества¹.

Анализ юридической литературы и законодательных актов советского и современного российского государства позволяет сделать вывод о том, что либерализация карательной политики без соответствующей теоретической, практической базы и подготовки, отсутствие стабильности в карательной политике, ничем не обоснованное ее смягчение или ужесточение не могут способствовать воспитанию у граждан уважения к закону, а значит и бороться с преступностью в обществе.

На наш взгляд, корректировка карательной политики при помощи амнистий и широкого применения практики помилования должна быть прекращена, как несостоятельная и неэффективная политика в отношении осужденных. Карательная политика государства с соответствующей юридической базой должна быть рассчитана только на долгосрочную перспективу применения, и в этом случае наказание сможет выполнять свои функции в обществе.

По нашему мнению, полностью отказаться от репрессивной модели уголовной политики Российская Федерация, как и многие другие государства в ближайшее время, скорее всего, не сможет. Это обусловлено рядом факторов: а) преступность все еще имеет тенденции к росту, в частности, в сфере преступлений против личности и собственности; б) вероятно, российское общество пока не готово к либерализации карательной политики; в) отсутствует необходимая научная, теоретическая, исследовательская база, которая дала бы тенденциям карательной политики (будь то направление в сторону ужесточения или, напротив - смягчения) более глобальную и масштабную концепцию, которой она бы следовала в долгосрочной перспективе; г) зачастую отсутствие реальной возможности применять меры наказаний, не связанные с лишением свободы, следовательно, необходимо совершенствование не только уголовной политики и законодательства в целом, но и практики применения наказаний, уголовно-исполнительного законодательства в частности, так как частым явлением становится техническая, практическая и даже физическая невозможность реализовать конкретные изменения в уже существующих нормах или применение новых норм уголовного закона.

В.А. Ализаде

Право на жизнь в уголовном судопроизводстве: некоторые аспекты международно-правовой регламентации и закрепления в УПК РФ

Аннотация. Автор анализирует некоторые аспекты правового закрепления права на жизнь. Рассмотрены международно-правовые аспекты регулирования права на жизнь и его закрепление в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. С учетом Замечаний общего порядка № 36 о статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах о праве на жизнь, принятых в октябре 2018 г.

¹ Добренков В.И. Российское общество: современное состояние и перспективы (от социологии кризиса к социологии надежды) // Общество и право. 2004. № 1. С. 12.

Комитетом по правам человека ООН, сформулированы дополнения в УПК РФ, направленные на совершенствование всестороннего закрепления гарантий права на жизнь в уголовном процессе.

Ключевые слова: право на жизнь; Замечания общего порядка № 36; международные стандарты уголовного правосудия; смертная казнь; произвольное лишение жизни; уголовное судопроизводство.

В международном праве и внутригосударственном законодательстве право на жизнь понимается традиционно как запрет на произвольное лишение жизни. Так, *Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод* (1950 г.) определяет право на жизнь как запрет на намеренное лишение жизни, за исключением ряда особо оговоренных случаев, среди которых, кроме исполнения смертного приговора, называются случаи «применения силы, не более чем абсолютно необходимой» при защите любого лица от противоправного насилия, а также при осуществлении законного ареста или мер пресечения.

Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (далее – Пакт)¹ в ст. 6 также содержит толкование права на жизнь. Пакт является международным договором и имеет обязательную силу для 172 государств-участников (по состоянию на 01.02.2019 г.), в т.ч. для Российской Федерации в силу его ратификации СССР 16 октября 1973 года. Осуществляя надзор за выполнением Пакта, Комитет по правам человека ООН (далее – Комитет), рассматривает индивидуальные сообщения о нарушении прав, предусмотренных Пактом, и по результатам принимает соображения (*Views*) или сообщения (*Communications*), периодические доклады (*Concluding Observations*) о прогрессе, достигнутом в реализации этих прав отдельными государствами (ст. 40 Пакта), а также осуществляет толкование отдельных статей Пакта путем издания Замечаний общего порядка (*General comment*) – самостоятельных и важных правовых источников, которые хотя и не являются источниками права², но путем толкования Пакта вносят существенный вклад в формирование и укрепление международных стандартов уголовного правосудия и их реализацию в праве государств-участников³.

В октябре 2018 года на сто двадцать четвертой сессии Комитета по правам человека были приняты *Замечания общего порядка № 36 о статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах о праве на жизнь* (далее –

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. - № 17. - Ст. 291.

² Косолапов М.Ф. Замечания общего порядка как источники международных стандартов в области прав человека / М.Ф. Косолапов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 5. С. 166-176.

³ Волеводз А.Г. Границы свободы и неприкосновенности в уголовном судопроизводстве: Замечание общего порядка № 35 Комитета по правам человека ООН / А.Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3(32) С. 32-41; Волеводз А.Г. Международные стандарты заключения под стражу: позиции Комитета по правам человека ООН / А.Г. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 3. С. 3-7.

Замечания № 36)¹, которыми дано толкование различным элементам права на жизнь.

Напомним, что ст. 6 Пакта следующим образом закрепляет право на жизнь:

«1. Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни.

2. В странах, которые не отменили смертной казни, смертные приговоры могут выноситься только за самые тяжкие преступления в соответствии с законом, который действовал во время совершения преступления и который не противоречит постановлениям настоящего Пакта и Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Это наказание может быть осуществлено только во исполнение окончательного приговора, вынесенного компетентным судом.

3. Когда лишение жизни составляет преступление геноцида, следует иметь в виду, что ничто в настоящей статье не дает участвующим в настоящем Пакте государствам права каким бы то ни было путем отступать от любых обязательств, принятых согласно постановлениям Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

4. Каждый, кто приговорен к смертной казни, имеет право просить о помиловании или о смягчении приговора. Амнистия, помилование или замена смертного приговора могут быть дарованы во всех случаях.

5. Смертный приговор не выносится за преступления, совершенные лицами моложе восемнадцати лет, и не приводится в исполнение в отношении беременных женщин.

6. Ничто в настоящей статье не может служить основанием для отсрочки или недопущения отмены смертной казни каким-либо участвующим в настоящем Пакте государством».

Из приведенного ясно, что в значительной мере нормы ст. 6 отражают особые гарантии соблюдения права на жизнь в связи с наказанием в виде смертной казни, назначаемым по приговору суда. Вместе с тем, п. 1 этой статьи обязывает государства-участников Пакта рассматривать и обеспечивать соблюдение права на жизнь в качестве неотъемлемого права каждого человека и, как следует из контекста, в любых условиях деятельности государства и его взаимодействия с каждым человеком.

В том числе и в уголовном судопроизводстве, о чем прямо свидетельствует комментарий, содержащиеся в Замечаниях № 36.

Прежде всего в них указывается, что ст. 6 Пакта признает и защищает право на жизнь каждого человека, как неотъемлемое и наиболее важное право, из которого недопустимы никакие исключения, даже в случаях вооруженного конфликта или иной чрезвычайной ситуации, которая угрожает жизни нации. Право на жизнь имеет решающее значение, как для человека, так и для общества в целом, поскольку без его эффективной защиты невозможно соблюдение иных

¹ Human Rights Committee: General comment №. 36 (2018) on article 6 of the International Covenant on Civil and Political Rights, on the right to life // Document UN CCPR/C/GC/36, 30 October 2018. Original: English. Далее по тексту приводится без дополнительных ссылок.

прав человека.

Особо в Замечаниях подчеркнуто, что право на жизнь не следует толковать в узком смысле: это не только право отдельных лиц быть свободными от действий и бездействий, которые направлены или могут стать причиной их насильственной или преждевременной смерти, но и право вести достойную жизнь. Статья 6 Пакта гарантирует это право всем людям без каких-либо различий, в том числе лицам, подозреваемым или осужденным даже за самые серьезные преступления. Никто не может быть произвольно лишен жизни, а само право на жизнь защищается законом. Данное положение лежит в основе обязательства государств-участников уважать и обеспечивать право на жизнь, реализовывать его посредством законодательных и иных мер и предоставлять эффективные средства правовой защиты и возмещения всем жертвам нарушений, касающихся права на жизнь¹.

Согласно Замечаниям, право на жизнь должно уважаться и гарантироваться без дискриминации какого-либо рода, вне зависимости от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных взглядов, национального и социального происхождения, любого статуса, в том числе касты, этнического происхождения, сексуальной ориентации, социального и экономического статуса, возраста и иных оснований. Защита законом права на жизнь должна в равной степени распространяться на всех лиц и предоставлять им эффективные гарантии от всех форм дискриминации.

Государства-участники, которые еще не отменили смертную казнь, должны применять ее лишь в исключительных случаях, с учетом строго установленных пределов при совершении лицами самых тяжких преступлений. Запрет на произвольное лишение жизни, содержащийся в п. 1 ст. 6 Пакта, еще больше ограничивает возможность государств-участников по применению смертной казни. Государства-участники Пакта должны уважать право на жизнь и обязаны воздерживаться от поведения, которое может привести к произвольному лишению жизни. Они должны также обеспечить право на жизнь и проявлять должную осмотрительность для защиты жизни отдельных лиц от лишений, проистекающих от физических или юридических лиц, деятельность которых никоим образом не относится к государственной. Обязательство государств-участников уважать и обеспечивать право на жизнь распространяется на обоснованно предсказуемые угрозы и угрожающие жизни ситуации, которые могут привести к гибели людей. При этом государства-участники могут быть признаны нарушителями ст. 6, даже если такие угрозы и ситуации не приводят к гибели людей². Государства-участники Пакта должны принимать надлежащие меры для защиты лиц от лишения жизни другими государствами, международными организациями и иностранными корпорациями, действующими на их территории или в других районах, находящихся под их юрисдикцией.

¹ CESCR General Comment №. 14: The Right to the Highest Attainable Standard of Health (Art. 12), para. 1 // URL: <https://www.refworld.org/docid/4538838d0.html>.

² Communication №. 821/1998, Chongwe v. Zambia, Views adopted on 25 Nov. 2000, para. 5.2. Cf. İlhan v Turkey, Judgment of the ECtHR of 27 June 2000, para. 75-76; Rochela Massacre v Colombia, I/A CHR Judgment of 11 May 2007, para. 127.

Однако в Замечаниях особо подчеркивается, что право на жизнь не является абсолютным. Пакт не содержит перечень допустимых оснований для лишения жизни, однако требуя, чтобы лишение жизни не было произвольным, косвенно допускает существование некоторых случаев непроизвольного лишения жизни. Государства, которые не отменили смертную казнь, и которые не являются участниками Второго Дополнительного протокола к Пакту или иных международных договоров, предусматривающих отмену смертной казни, могут применять смертную казнь не произвольно, а лишь в исключительных случаях с учетом строго установленных пределов при совершении лицами самых тяжких преступлений.

От государств-участников Пакта ожидается принятие всех необходимых мер, направленных на предотвращение произвольных лишений жизни со стороны сотрудников правоохранительных органов, включая лиц, которым поручены миссии по обеспечению соблюдения законов. Эти меры включают в себя наличие: соответствующего законодательства, регулирующего допустимость применения силы со смертельным исходом сотрудниками правоохранительных органов; процедур, предназначенных для обеспечения надлежащего планирования действий правоохранительных органов в соответствии с необходимостью минимизировать риск, который они могут представлять для жизни человека; обязательных отчетов; надзора и проведение расследований убийств и других опасных для жизни инцидентов, а также обеспечение сил, ответственных за противодействие массовым беспорядкам, эффективными «менее смертоносными» средствами и надлежащим защитным оборудованием для того, чтобы устранить необходимость применения силы со смертельным исходом.

Обязанность защищать право на жизнь также требует от государств-участников координации деятельности всех государственных органов и структур управления, уважать и обеспечивать право на жизнь, в том числе путем создания в соответствии с законом надлежащих институтов и установления процедур в целях предотвращения лишения жизни, проведения расследований и судебного преследования при наличии случаев незаконного лишения жизни, назначения наказания и предоставления полного возмещения.

От государств-участников требуется принятие специальных мер защиты в отношении лиц, находящихся в уязвимом положении, чья жизнь подвергается особому риску из-за конкретных угроз или уже существующих форм насилия. К таким лицам относятся правозащитники, чиновники, борющиеся с коррупцией и организованной преступностью, сотрудники гуманитарных организаций, журналисты, видные общественные деятели, свидетели преступлений, а также жертвы бытового и гендерного насилия и торговли людьми.

Кроме того, обязанность защищать право на жизнь требует от государств-участников принятия специальных мер защиты в отношении лиц, лишенных свободы государством, поскольку посредством ареста, задержания, заключения под стражу или лишая лицо свободы иным способом, государство принимает на себя ответственность за защиту жизни и личной неприкосновенности таких лиц и не может снизить уровень своей ответственности, ссылаясь на недостаточность финансовых ресурсов или иные проблемы. Обязанность защищать

право на жизнь задержанных лиц обязательно должна включать в числе иного оказание необходимой медицинской помощи, а также охрану здоровья, защиту от насилия среди заключенных, предотвращение самоубийств и обеспечение разумных приспособлений для инвалидов.

Замечания общего порядка признают в качестве необходимого элемента защиты права на жизнь обязанность государств по проведению расследования и уголовного преследования в случаях незаконного лишения жизни, в том числе и в случаях чрезмерного применения силы со смертельным исходом.

Расследования обвинений в нарушении права на жизнь, предусмотренного ст. 6, всегда должны быть независимыми, беспристрастными, незамедлительными, тщательными, эффективными, заслуживающими доверия и прозрачными, а в случае выявления нарушения должно быть обеспечено полное возмещение. Кроме того, с учетом обстоятельств дела, должны быть приняты надлежащие меры для компенсации, реабилитации и встречного удовлетворения. Государства-участники обязаны принимать меры для предотвращения повторения подобных нарушений в будущем.

Особо в Замечаниях оговаривается необходимость установления со стороны государств гарантий не только уважать, но и обеспечивать право на жизнь при международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства. В этой связи:

- с учетом предписаний ст. 2 Пакта государства обязаны обеспечивать соблюдение права на жизнь всех лиц, находящихся на его территории, а также всех лиц, находящихся под его юрисдикцией;

- учитывая то, что при задержании лицо подпадает под эффективный контроль государства¹, последнее обязано уважать и защищать право на жизнь всех лиц, задержанных или находящихся под арестом на его территории, а также задержанных за пределами его территории граждан страны и лиц, депортированных, выданных или иным образом перемещенных в страну²;

- государства-участники должны воздерживаться от депортации, выдачи или иного перемещения лиц в страны, если имеются серьезные основания полагать, что в них существует реальный риск нарушения права на жизнь;

- с учетом практики применения Пакта следует обращать внимание на неукоснительное соблюдение требований о праве на жизнь и гарантий этого права на всех стадиях уголовного судопроизводства, в том числе на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Фактически, обязательность и всесторонность обеспечения и соблюдения права на жизнь в уголовном судопроизводстве с учетом того внимания, которое уделено этому в международно-правовых документах, ныне представляется од-

¹ Human Rights Committee: General Comment № 31 [80] The Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant // URL: <https://www.refworld.org/docid/478b26ae2.html>; para. 10.

² Communication № 12/52, Saldías de López v. Uruguay, Views adopted on 29 July 1981, paras. 12.1-13; Communication № R.13/56, Celiberti de Casariego v. Uruguay, Views adopted on 29 July 1981, para. 10.1-11; Communication № 623/1995 Domukovsky v. Georgia, Views adopted on 6 April 1998, para. 18.2.

ним из международных стандартов уголовного правосудия.

Сопоставляя положения Пакта, Заключения № 36 и отечественного законодательства об уголовном судопроизводстве, можно указать, что Российской Федерацией в целом обеспечена имплементация норм о праве на жизнь и других корреспондирующих обязательств согласно Пакту и другим международным договорам.

Прежде всего об этом свидетельствует фактический отказ от применения Российской Федерацией в качестве наказания за совершенные преступления смертной казни. Хотя УК РФ предусматривает смертную казнь как один из видов наказания за ряд особо тяжких преступлений (убийство, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, геноцид), уже более 20 лет наказание в виде смертной казни в РФ не применяется.

Во-вторых, согласно ст. 9 УПК РФ, закрепляющей принцип уважения чести и достоинства личности в уголовном процессе, «в ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, ..., а также обращение ..., создающее опасность для его жизни и здоровья. При этом, никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению».

В-третьих, согласно принципу неприкосновенности личности, закрепленному в ст. 10 УПК РФ «лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью».

В-четвертых, реализация принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве предполагает, что при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации (ч. 3 ст. 11 УПК РФ).

В-пятых, общим правилом отечественного уголовного процесса является недопустимость при производстве следственных действий применения насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц (ч. 4 ст. 164 УПК РФ). Согласно ч. 3 ст. 169 УПК РФ в труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей, следственные действия, предусмотрен-

ренные частью первой настоящей статьи, могут производиться без участия понятых, о чем в протоколе следственного действия делается соответствующая запись. При получении образцов для сравнительного исследования не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека (ч. 2 ст. 202 УПК РФ).

Вместе с тем, в УПК РФ нашли отражение не все принципиальные положения Пакта, особенно если рассматривать их с учетом правовых позиций Комитета по правам человека ООН, отраженных в Замечаниях № 36.

Остановимся на одном из них, касающемся необходимости воздерживаться от депортации, выдачи или иного перемещения лиц в страны, если имеются серьезные основания полагать, что в них существует реальный риск нарушения права на жизнь, т.е. в первую очередь, если к ним может быть применено наказание в виде смертной казни.

В отечественном законодательстве закреплена норма, согласно которой смертная казнь не назначается лицу, выданному Российской Федерации иностранным государством для уголовного преследования в соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаимности, если в соответствии с законодательством иностранного государства, выдавшего лицо, смертная казнь за совершенное этим лицом преступление не предусмотрена или неприменение смертной казни является условием выдачи либо смертная казнь не может быть ему назначена по иным основаниям (ч. 2.1 ст. 59 УК РФ).

Базовым принципом международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства (как в рамках заключенных международных договоров, так и при их отсутствии между странами) является взаимность, предполагающая, с одной стороны, паритет принимаемых на себя его участниками обязательств и прав, а с другой – взаимность прав и обязанностей каждой из сторон.

С учетом этого, поскольку в УК РФ закреплен запрет (а фактически – обязанность) не применять в отношении выданных лиц смертную казнь, постольку наша страна вправе требовать этого и от государств, взаимодействующих с РФ по вопросам выдачи.

Практика международного сотрудничества в уголовном процессе ныне уже идет по этому пути: как с использованием толкования норм широкого круга международных договоров (в сфере прав человека), поскольку, в частности, большинство договоров РФ о выдаче такого основания для отказа в ней не со-

держат, так и со ссылкой на соответствующие нормы международных договоров, где такое основание для отказа в выдаче предусмотрено¹.

Между тем, международное сотрудничество по уголовным делам без национального законодательства осуществляться не может, поскольку реализация международных договоров по их же условиям возложена на процессуальное законодательство государства. В силу этого именно национальное законодательство является основой для создания и движущей силой для применения международного права².

Для реализации этого и, тем самым, всеобъемлющего обеспечения гарантий соблюдения права на жизнь в уголовном судопроизводстве согласно букве и духу ст. 6 Пакта, представляется необходимым дополнить уголовно-процессуальное законодательство нормой о недопущении выдачи лица если имеется реальная угроза нарушения его права на жизнь в запрашивающем государстве. Это может быть сделано путем дополнения ч. 1 ст. 464 УПК РФ (отказ в выдаче лица) новым пунктом 7, о том, что выдача лица не допускается «если в соответствии с законодательством иностранного государства, направившего запрос о выдаче, за совершенное этим лицом преступление предусмотрено наказание в виде смертной казни, либо смертная казнь может быть назначена этому лицу по иным основаниям, а равно если имеются веские основания полагать что его право на жизнь будет нарушено иным образом».

Одновременно норма об отказе в выдаче вследствие угрозы применения смертной казни, а также иного возможного нарушения права на жизнь, должна занять свое постоянное место и в перечне договорных оснований для отказа в выдаче в новых международных договорах Российской Федерации.

¹ Например, в Договоре между Российской Федерацией и Республикой Зимбабве о выдаче, подписанном 15.01.2019 г. подпунктом 6 п.1 ст. 3 предусмотрено, что выдача не осуществляется если преступление, в связи с которым запрашивается выдача, подлежит наказанию в виде смертной казни в соответствии с законодательством запрашивающей Стороны, кроме случаев, когда эта Сторона предоставит достаточную, по мнению запрашиваемой Стороны, гарантию, что к лицу, выдача которого запрашивается, не будет применена смертная казнь. Пункт 3 ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Республикой Филиппины от 13.11.2017 г. предусматривает: «Если преступление, в связи с которым запрашивается выдача, влечет наказание в виде смертной казни в соответствии с законодательством запрашивающего Договаривающегося Государства и законодательство запрашиваемого Договаривающегося Государства не предусматривает такого наказания за такое преступление, в выдаче может быть отказано, за исключением случаев, если запрашивающее Договаривающееся Государство представит такие гарантии, которые запрашиваемое Договаривающееся Государство сочтет достаточными, что приговор в виде смертной казни, если таковой будет вынесен судом запрашивающего Договаривающегося Государства, не будет приведен в исполнение». Однако такие положения предусмотрены далеко не во всех действующих договорах РФ о выдаче. И как видно из приведенных формулировок, они касаются лишь смертной казни, но не нарушения права на жизнь в широком смысле, хотя к этому обязывает Пакт.

² Волженкина В.М. Применение норм международного права в российском уголовном процессе (проблемы теории и практики): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 93.

Литература

1. Волеводз А.Г. Границы свободы и неприкосновенности в уголовном судопроизводстве: Замечание общего порядка № 35 Комитета по правам человека ООН // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3(32) С. 32-41.
2. Волеводз А.Г. Международные стандарты заключения под стражу: позиции Комитета по правам человека ООН // Международное уголовное право и международная юстиции. 2017. № 3. С. 3-7.
3. Волженкина В.М. Применение норм международного права в российском уголовном процессе (проблемы теории и практики): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
4. Косолапов М.Ф. Замечания общего порядка как источники международных стандартов в области прав человека // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 5. С. 166-176.

С.С. Белый

Квалифицированные виды незаконной добычи водных биологических ресурсов

Аннотация. Браконьерство в России на сегодняшний день одна из основных и актуальных проблем в сфере экологических преступлений. В своем исследовании мы делаем упор именно на незаконную добычу водных биологических ресурсов, поскольку водное браконьерство развито в нашей стране в большей степени. В данной статье автор рассматривает проблемы возросшей экологической преступности, в частности речь идёт о незаконной добыче (вылова) водных биологических ресурсов. Автор статьи определяет специфику предмета незаконной добычи (вылова) водных биоресурсов. В статье дана классификация водных биологических ресурсов. Автором рассмотрены различные точки зрения, касающиеся предмета преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ (Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов). Рассматриваются проблемы, возникающие при привлечении к уголовной ответственности за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов по российскому уголовному праву и предлагаются пути совершенствования уголовно правовой нормы.

Ключевые слова: предмет незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов; рыбы; водные беспозвоночные; водные млекопитающие; водоросли; другие водные животные и растения; ареал обитания.

Актуальность темы очевидна: в результате незаконной добычи водных биологических ресурсов наносится серьезный ущерб экологии нашей страны, а это, как правило, ведет к более серьезным последствиям. Цель работы - подробно рассмотреть состояние российского законодательства в сфере незаконной добычи водных ресурсов. Исходя из цели, формируем задачи исследования: выявить объект и предмет правонарушений, связанных с водным браконьерством; оценить состояние современного законодательства в сфере данного вида экологи-

ческих преступлений. При написании данной работы использовались методы анализа и синтеза научной литературы, нормативных правовых актов, научных статей.

Непосредственным объектом рассматриваемых правонарушений являются общественные отношения по охране и рациональному использованию водных животных, ресурсов, находящихся в естественных условиях обитания.¹ Предметом данных правонарушений являются водные природные ресурсы - все виды рыб, морские млекопитающие, ракообразные, моллюски, иглокожие и морские растения. Объективная сторона ст. 256 УК РФ заключается в незаконной добыче, осуществляемой с несоблюдением времени, мест и сроков добычи, с превышением норм добычи, с использованием орудий лова и приемов лова, запрещенных законодательством.² Наиболее распространенными видами незаконной добычи водных биоресурсов является установка запрещенных орудий лова на путях миграции и перегораживание ими большей части ширины водоема.

Приведем примеры статистических данных относительно незаконной добычи водных биоресурсов и экологических преступлений. Статистические данные с официального сайта Министерства внутренних дел Российской Федерации показывают, что:

- в январе-декабре 2014 года зарегистрировано 24,73 тыс. экологических преступлений, что на 10,4 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года;

- в январе-декабре 2015 года зарегистрировано 25,53 тыс. экологических преступлений, что на 3,2 % больше, чем за аналогичный период прошлого года;

- в январе-декабре 2016 года зарегистрировано 24,74 тыс. экологических преступлений, что на 3,1 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года;

- в январе-декабре 2017 года зарегистрировано 23,7 тыс. экологических преступлений, что на 4,7 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным уголовным делам) составил 405,03 млрд р.;

- в январе-октябре 2018 года зарегистрировано 20,759 тыс. экологических преступлений, раскрыто из них всего 9,978 тыс., что составляет меньше половины преступлений данного рода. Из них незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов составляет около 5,250 тыс. случаев по России. Данная статистика показывает незначительный спад экологической преступности в целом.³

Добыча водных биологических ресурсов признается незаконной, если она осуществляется:

- 1) без разрешения (путевки), когда такое разрешение является обязательным;
- 2) с нарушением условий действия разрешения (например, вылавливается большее количество рыбы, вылов других пород рыб, не указанных в путевке);
- 3) в запретное время (время нереста), в запрещенных местах;

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации [федер.закон: принят Гос. Думой 13 июня 1996 г.: по состоянию на 01 окт. 2017 г.]. - М.: Норматика, 2017. - 288 с.

² Кодекс РФ об административных правонарушениях [федер. закон: принят Гос. Думой 20 декабря 2001 г.: по состоянию на 21 января 2018 г.]. - М.: Эксмо, 2018. - 512 с.

³ Статистика и аналитика МВД России [Электронный ресурс].

- 4) запрещенными орудиями и способами лова;
- 5) переуступка права в виде передачи путевки другому пользователю водных биологических ресурсов.

Проблематика данной темы заключается в отсутствии единой практики применения по стране. Несмотря на то, что состав ст. 256 УК РФ относится к формальным, то есть для наступления общественно опасных последствий наличие материального ущерба не является обязательным, тем не менее, анализ рассмотрения уголовных дел в судах первой инстанции говорит о том, что при вынесении приговора учитывается размер причиненного ущерба водным биологическим ресурсам государства.¹ Но, учитывая размеры нашего государства и особенности отдельных субъектов, сделать это далеко не просто. Для каждого региона характерно свое неповторимое водное пространство и, соответственно, ущерб, нанесенный вследствие браконьерства, будет разным.

Правовое регулирование охраны водных биоресурсов и порядка рыболовства регламентируется многочисленными законодательными и нормативными правовыми актами, основными из которых являются:

- 1) Федеральный закон от 20.12.2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»;
- 2) Уголовный кодекс Российской Федерации;
- 3) Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»;
- 4) Приказ Минсельхоза РФ № 133 от 28.07.2005 г. «Об утверждении Типовых правил рыболовства» и многие другие. Из выше сказанного следует, что ст. 256 УК РФ по конструкции объективной стороны является отсылочной так как, применяются не нормы уголовного права, а иные нормативно правовые акты.

В уголовном праве нет единого мнения относительно предмета незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов. Большинство ученых к предмету преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ, относят рыб, пресноводных и морских млекопитающих, водных беспозвоночных животных (моллюски, а равно ракообразные, иглокожие, кишечнополостные водные организмы), промысловые морские растения (например, морская капуста).²

По-прежнему крайне незначительно количество уголовных дел (от двух до двадцати четырех в год в масштабах всей Российской Федерации) возбуждается по таким статьям как ст. 246 УК РФ «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ», ст. 250 УК РФ «Загрязнение вод», ст. 251 УК

¹ Постановление Правительства РФ от 19.01.1998 № 55 (ред. от 23.12.2016) «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации» // СПС Консультант Плюс.

² Жевлаков Э. Проблемы применения нормы об ответственности за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации // Уголовное право. 2014. № 1.

РФ «Загрязнение атмосферы», ст. 252 УК РФ «Загрязнение морской среды», ст. 253 УК РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации».

В этой связи не случайно законодатель обратился к совершенствованию статьи 256 Уголовного кодекса РФ. По сравнению с предыдущей редакцией изменению подверглись санкции этой статьи. Так, в новой редакции в частях 1 и 2 статьи 256 Уголовного кодекса РФ предусмотрено лишение свободы на срок до 2-х лет. До этого санкции этих частей не предусматривали лишения свободы. Часть 3 стала относиться к преступлениям средней тяжести. Как представляется, ужесточение наказания позволит указанной статье более эффективно выполнять функцию общей превенции, будет способствовать реализации принципа справедливости.

Законодателем в части 3 статьи 256 Уголовного кодекса РФ введен новый особо квалифицирующий признак - «совершение деяния с причинением особо крупного ущерба». Следует позитивно оценить это нововведение, поскольку правоприменитель получил возможность дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от причиненного ущерба.

Для решения вопроса о размере взыскания за ущерб, причиненный водным биоресурсам правоприменителю необходимо обращаться к Постановлению Правительства Российской Федерации от 26 сентября 2000 г. № 724 «Об изменении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный водным биологическим ресурсам». Представляется, что Правительство РФ должно пересмотреть таксы, установленные для исчисления ущерба водным биоресурсам. Дело в том, что эти таксы не соответствуют ни рыночной стоимости указанных водных объектов, ни сумме затраченных государством средств на их восстановление. С момента принятия упомянутого Постановления Правительства РФ прошло 16 лет. За этот период существенно изменился масштаб цен на водные биоресурсы, ещё более ухудшилась ситуация с численностью представителей водного мира, обострилась социально-экономическая ситуация в стране, сохраняется стабильно высокий уровень экологической преступности в целом и браконьерства в частности.

Данное примечание определенно выполняет прогрессивную роль, устраняет разногласия в отнесении того или иного ущерба к разным категориям. Данный признак перестал быть оценочным, что, безусловно, способствует правильной квалификации содеянного. Такое положение дало возможность дознавателям, следователям и судьям исключить субъективизм в своей деятельности в случаях, когда необходимо точно квалифицировать деяние, подпадающее под признаки преступления, предусмотренного статьей 256 Уголовного кодекса РФ.

Несмотря на то, что указанное примечание явилось существенным шагом на пути совершенствования отечественного уголовного законодательства, оно не смогло в полной устранить имеющиеся пробелы в главе 26 Уголовного кодекса РФ. Например, статья 258 Уголовного кодекса РФ «Незаконная охота» не снабжена подобным комментарием.

По моему мнению, в целях устранения разночтений и унификации правоприменительной практики по статьям главы 26 Уголовного кодекса РФ целесообразно выработать единое примечание определяющее размер ущерба для всей этой главы. Тем самым, законодатель подчеркнет, тот факт, что одинаково строгой уголовно-правовой охране подлежат все без исключения компоненты окружающей среды.

Следует отметить отдельные положения статьи 256 Уголовного кодекса РФ, которые, на мой взгляд, оказались недостаточно эффективными.

Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов, совершенная группой лиц по предварительному сговору и организованной группой, относятся к преступлениям средней тяжести. Считаю обоснованным использовать аналогию разделения ответственности по формам соучастия и за совершение рассматриваемых нами деяний.

На основании вышеизложенного предлагаю предусмотреть дифференцированную ответственность за рассматриваемые деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. К квалифицированным составам необходимо отнести деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, в особо квалифицированные составы необходимо преобразовать деяния, совершенные организованной группой, соответственно изменив размеры санкций. В профилактике преступлений чрезвычайно велико значение уголовного законодательства. Оно выступает средством общей превенции преступлений.

Проведённые исследования позволили выделить некоторые проблемы, возникающие при применении нормы, предусмотренной ст. 256 УК РФ. Эти проблемы связаны с определением крупного ущерба и отсутствием разграничения форм соучастия как квалифицирующего признака состава преступления. Главной проблемой, отмечаемой и учёными в области уголовного права, и практическими работниками, является отсутствие чётко установленного размера ущерба, при котором сам размер ущерба будет считаться крупным.

К числу недостатков законодательной формулировки состава преступления относится отсутствие разграничения разных по степени общественной опасности форм соучастия в ч. 3 ст. 256 УК РФ группы лиц по предварительному сговору и организованной группы.

Максимальное наказание за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 256 УК РФ, составляет два года лишения свободы, то есть даже при наличии квалифицирующих признаков это преступление относится к категории небольшой тяжести, что не соответствует общественной опасности преступления. Необходимо переосмыслить ст. 256 УК РФ с целью конкретизации диспозиции и улучшения защиты данного правоотношения.

На мой взгляд является неудачным объединение законодателем в ч. 3 ст. 256 УК РФ таких квалифицирующих признаков, как «группа лиц по предварительному сговору» и «организованная группа».

Признаки, характеризующие организованную группу, позволяют сделать вывод о том, что незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов для организованной группы является видом ее деятельности. Соответственно

ущерб, который причиняется рыбным запасам, просто колоссален. В связи с вышеизложенным, мы полагаем, что необходимо дополнить ст.256 УК РФ частью 4 в которой будет закреплён особо квалифицированный состав, подразумевающий более строгое наказание.

Таким образом, основными направлениями совершенствования уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов видится в усилении уголовной репрессии в целях повышения общей превенции рассматриваемых составов преступлений, дополнение главы 26 Уголовного кодекса РФ «Экологические преступления» единым примечанием, определяющим размер ущерба для всей этой главы. Необходимо привести Постановление Правительства Российской Федерации от 26 сентября 2000 г. № 724 «Об изменении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный водным биологическим ресурсам» в соответствие с реалиями сегодняшнего дня.

Резюмируя вышеизложенное, предлагаю:

- диспозицию части 3 ст.256 УК РФ изложить в следующей редакции: «3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору»;
- дополнить ст. 256 УК РФ частью 4: «4. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой».

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [федер. закон: принят Гос. Думой 13 июня. 1996 г.: по состоянию на 01 окт. 2017 г.]. - М.: Норматика, 2017. - 288 с.
2. Кодекс РФ об административных правонарушениях [федер. закон: принят Гос. Думой 20 декабря 2001 г.: по состоянию на 21 января 2018 г.].-М.: Эксмо, 2018. - 512 с.
3. Постановление Правительства РФ от 19.01.1998 № 55 (ред. от 23.12.2016) «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Джунусова Д. Н. Экологическая преступность и ответственность за экологические преступления М., 2012.
5. Жевлаков Э. Проблемы применения нормы об ответственности за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ

- и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации // Уголовное право. 2014. № 1.
6. Ильина Е. П. Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (по материалам Камчатского края): дис... канд. юрид. наук. М., 2014.
 7. Козаченко И. Я., Новоселов Г. П. Уголовное право. Особенная часть: учебник. М., 2014.
 8. Лопашенко Н. А. Экологические преступления. Комментарий к главе 26 УК РФ. СПб., 2002.
 9. Неудахина О. М. Водные животные и растения как предмет преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ // Экологическое право. 2006. № 3.
 10. Канубриков В. А. Проблемы определения крупного ущерба при квалификации незаконной добычи вылова водных биологических ресурсов // Юридические науки. - 2015. - № 4. - 214 с.
 11. Статистика и аналитика МВД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvd.ru/folder/101762/item/7755683>.

М.В. Бобовкин
М.В. Зубанова

Тактико-психологические особенности предъявления для опознания трупа

Аннотация. Статья посвящена одному из наиболее распространенных и эффективных видов предъявления для опознания – предъявления для опознания трупа. Отмечается, что предъявление для опознания трупа является наиболее оптимальным средством криминалистической идентификации личности погибшего. Обращается внимание на то, что при предъявлении для опознания трупа следователь и опознающий сталкиваются с рядом проблем, существенным образом усложняющих его производство.

Подчеркивается, что с психологической точки зрения особую сложность для опознающего представляют необратимые изменения, произошедшие с трупом после смерти. Отмечается, что предъявление для опознания трупа становится еще более сложным в психологическом и этическом плане следственным действием, многократно усложняющемся, когда в нем принимает участие несовершеннолетний. Вносятся предложения и рекомендации по совершенствованию тактики производства предъявления для опознания трупа.

Ключевые слова: опознание, труп, предъявление для опознания трупа, тактико-психологические особенности предъявления для опознания трупа, мысленный образ, идентификация личности погибшего.

Одним из наиболее распространенных и эффективных видов предъявления для опознания является предъявление для опознания трупов. Данный вид опознания характеризуется своей специфической целью, объектом и процессуальной формой, а также психологическими особенностями производства.

Целью предъявления для опознания трупа является установление личности погибшего. Предъявление для опознания трупа проводится только при обнаружении трупа неустановленного человека, либо если существует объективная

потребность в доказывании, того что документы, которые были обнаружены при трупе, принадлежат этому погибшему. В подобных ситуациях, в качестве опознающих, зачастую выступают близкие родственники, друзья и знакомые погибшего.

Поскольку родственники, друзья, знакомые надеются и испытывают непреодолимый страх, так как неопределенность судьбы близкого им человека может быть разрешена в момент опознания. Зачастую в ходе производства предъявления, для опознания трупа опознающие впадают в истерику, обморочные и прочие эмоциональные состояния, уклоняются от того, чтобы внимательно посмотреть на труп¹.

В подобных ситуациях, следовательно надлежит проявить особое внимание и чуткость в отношении опознающего, поскольку испытываемое им волнение и переживание могут привести к тому, что недостаточно внимательно осмотрев приметы и сопоставив их опознающий может высказать ошибочное суждение относительно тождества между трупом и погибшим.

Как отмечают в своем исследовании Д.А. Бурыка и Е.В. Егоров «зачастую опознающие не способны четко обозначить признаки, но при этом заверяют следователя о том, что при непосредственном восприятии трупа смогут опознать его по ним»².

Как справедливо отмечает в своем исследовании Т.А. Сорокина при установлении признаков, по которым опознающий способен опознать предъявляемый для опознания труп, следователь должен применять избирательный подход к каждому допрашиваемому³.

В уголовно-процессуальной доктрине допустимость предъявления для опознания трупа является объектом острых научных дискуссий⁴.

Так, многие авторы высказывают мнение о необходимости проводить предъявление для опознания трупа и в ситуации, когда свидетель предварительно не способен описать признаки внешности погибшего, хотя уверяет, что сможет опознать его по ним, так и в ситуациях, когда свидетель не только не способен обозначить признаки погибшего, но и утверждает, что проведение опознания бессмысленно, поскольку не может узнать погибшего⁵.

Принимая во внимание мнения ученых, мы считаем недопустимым проводить предъявление для опознания трупа, в условиях, когда опознающий в ходе предварительного допроса не смог назвать признаки (приметы, индивидуализи-

¹ Дубягин Ю.П. Проблемы криминалистического отождествления человека в обычных условиях расследования и чрезвычайных ситуациях: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2000. – С. 286.

² Бурыка Д.А., Егорова Е.В. О психологических проблемах и особенностях предъявления трупов для опознания [Электронный ресурс]: URL: <https://wisela/poleznoe/65951-psikhologicheskikh-problemakh-osobennostyakh-predyavleniya-trupov-dlya-opoznaniya> (дата обращения: 10.05.2019).

³ Сорокина Т.А. Тактико-психологические приемы получения, проверки и оценки показаний свидетелей и потерпевших: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2001. – С. 9.

⁴ Кунник Ю.С. Проблемы предъявления трупа для опознания: психологические и тактические аспекты // Молодой ученый. – 2017. – №48. – С. 254.

⁵ Бурыка Д.А. Правовые, организационные и тактические основы предъявления для опознания: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 65.

рующие признаки), запомнившиеся ему и по которым он способен опознать погибшего. Представляется, что в противном случае высока вероятность смешения признаков искомого и проверяемого», что находит подтверждение, как в следственной практике, так и в результатах многочисленных психологических экспериментов.

Следователь может столкнуться с трудностями при подборе понятых, которые могут быть привлечены к участию в производстве предъявления для опознания трупа исключительно с их согласия. В связи с этим, представляется необходимым привлекать в качестве понятых технический персонал моргов (патологоанатомических отделений) и работников кладбищ.

С психологической точки зрения особую сложность для опознающего представляют необратимые изменения, произошедшие с трупом после смерти. Использование при установлении личности по неопознанному трупу морфологических признаков внешности имеет ряд специфических особенностей, которые должны быть учтены как следователем, производящим предъявление для опознания, так и самим опознающим. Рассмотрим эти особенности более подробно.

Первой особенностью является то, что объект опознания ранее воспринимался опознающим как живой человек, с присущими ему динамическими признаками, в движении. С наступлением смерти существенно ограничиваются возможности опознания лица по функциональным признакам, поскольку значительная часть из них (осанка, походка, особенности голоса, речи, мимика, жестикация и т.д.) в принципе не могут использоваться в подобной ситуации для достижения целей идентификации¹.

Не представляется возможным оставить без внимания тот факт, что существенные психологические трудности возникают в связи с тем, что в процессе опознания при осмотре трупа в сознании опознающего возникает мысленный образ наблюдаемого объекта, но одновременно он вынужден сравнивать этот образ с образом, сохранившимся в его памяти применительно к живому человеку с присущими ему функциональными признаками.

Как справедливо отмечает А.В. Попов «в процессе опознания трупа опознающий видит перед собой только некую «оболочку» человека, с которым ему ранее приходилось сталкиваться»².

Другая особенность предъявления для опознания трупа заключается в том, что опознающий вынужден сравнивать признаки внешности трупа с признаками внешности живого лица, ранее им наблюдаемого.

К примеру, основу отождествления в ходе предъявления для опознания живого лица или предмета составляют внешние признаки, значительная часть которых неизменны в течение продолжительного времени, то при отождествле-

¹ Бурька Д.А., Решняк М.Г. Предъявление для опознания: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты: Монография – М.: Международный юридический институт, 2011. – С. 57.

² Попов А.В. Некоторые криминалистические и психологические вопросы опознания трупов // Юридические науки (Казанский государственный университет). – Вып. 3. – Алма-Ата, 1973. – С. 66.

нии трупа по мысленному образу, поздние, а чаще всего и ранние трупные явления осложняют, а зачастую исключают возможность использования большей части внешних признаков.

В подобных ситуациях, опознающему необходимо сравнить отличные признаки (внешние признаки трупа, подвергшиеся серьезным качественным изменениям вследствие посмертных явлений с внешними признаками живого человека, образ которого сохранился в памяти опознающего).

Очевидно, что большая часть опознающих не знакомы с закономерностями изменения признаков внешности. По этой причине в ходе предварительного допроса либо непосредственно перед предъявлением трупа для опoznания следователь обязан самостоятельно, либо с участием судебного медика оказать помощь опознающему, посредством разъяснения ему особенностей изменения внешних опознавательных признаков, происходящих под влиянием трупных явлений.

Вместе с тем, на практике достаточно часто возникают ситуации, в которых опознающий даже при длительном и внимательном рассмотрении лица погибшего не способен сделать вывод относительно тождества, поскольку этот процесс усложняется психологической нагрузкой и мысленной идентификацией – моделирование и трансформация 2-х образов (живого человека и мертвого тела с произошедшими посмертными изменениями). В подобной ситуации в ходе подготовки и проведения предъявления для опознавания возникает необходимость применять методику «оживления» соматических признаков внешности трупа посредством «теплого» гипсового раствора.

Обозначенный метод в правоприменительной практике достаточно продуктивен, поскольку позволяет проявить в опознаваемом облике внешние признаки, приближенные к прижизненным, которые наблюдались им ранее, либо напротив, он убеждался в их случайном общем сходстве.

При применении рассматриваемого метода в ходе предъявления для опознавания трупа возникает проблема, обусловленная недопустимостью повторного предъявления трупа для опознавания тем же опознающим по тем же признакам, так как труп сначала предъявляется до, а затем после его «туалета», до и после применения методики «оживления» лица погибшего.

Безусловно, подобных случаев следует избегать посредством производства «туалета» и «оживления» лица трупа на стадии подготовки и только после этого предъявлять его для опознавания. Полагаем, что при повторном предъявлении трупа после «оживления» его лица не происходит нарушения положений ч. 3 ст. 193 УПК РФ, так как при его производстве опознающим наблюдаются те же признаки, но находящиеся уже в качественно ином состоянии, более близком к прижизненному.

В контексте изложенного мы не разделяем точку зрения Г.С. Воропаева, по мнению которого, «повторное предъявление для опознавания трупа допустимо, так как оно оказывает влияние только на установление личности, но не влечет

никаких уголовно-правовых последствий при доказывании обстоятельств по уголовному делу»¹.

Подобное утверждение противоречит положениям действующего уголовно-процессуального законодательства РФ (ст. ст. 74, 75, 83, 86, 88 и т.д.), нивелирует доказательственное значение предъявления для опознания, приводит к утрачиванию его уголовно-процессуального смысла, приравнивает предъявление для опознания к оперативно-розыскному опознанию, игнорирует тактические и психологические основы предъявления для опознания.

Принимая во внимание приведенные обстоятельства, полагаем, что повторное предъявление для опознания трупа будет считаться допустимым только в исключительных случаях, когда необходимо применить метод придания трупу вида близкого к прижизненному виду.

Обозначенная проблема является весьма актуальной. Представляется, что ее решение даст возможность помочь опознающему справиться с трудностями, которые возникают при сравнении признаков погибшего и мысленного образа живого лица, чтобы он мог более уверенно и обоснованно прийти к выводу о тождестве, а следователю – дать правильную оценку результатам проведенного опознания.

Примечательно, что, несмотря на актуальность существующей проблемы, она по-прежнему остается недостаточно теоретически разработанной, а существующие практические рекомендации носят только общий, фрагментарный характер. В подобной ситуации достижения современной криминалистики, прежде всего теории криминалистической идентификации, судебной медицины, анатомии и антропологии дают возможность хотя бы частично приблизиться к решению данной проблемы, посредством того, что процесс предъявления для опознания и его результаты становятся более обоснованными, а влияние субъективного фактора сужается.

В криминалистической литературе рекомендуется предъявлять труп для опознания обнаженным, прикрыв туловище простыней либо другим материалом, оставив возможность рассмотреть только голову². В случае необходимости могут быть продемонстрированы и другие части тела, указанные опознающим.

На этот случай отдельные ученые-криминалисты высказывают противоположное мнение.

К примеру, по мнению Г.С. Воропаева при наличии на трупе одежды обеспечивается полнота восприятия образа человека, запечатлевшегося в памяти опознающего. По этой причине необходимо предъявлять труп в одежде, которая

¹ Воропаев Г.С. Проблемы идентификации неопознанных трупов в криминалистике: дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2001. – С. 40.

² Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. проф. Р.С. Белкина. – М., 2000. – С. 658;

9. Руководство по расследованию преступлений: Учебное пособие / Рук. авт. колл. А.В. Грищенко. – М.: Изд-во «Норма», 2007. – С. 658; Руководство по расследованию преступлений: Учебное пособие / Рук. авт. колл. А.В. Грищенко. – М.: Изд-во «Норма», 2007. – С. 540.

была на нем. Целесообразно предъявлять отдельно от трупа только предметы, не относящиеся к одежде (к примеру, зонтик, рюкзак, чемодан»¹.

Указанные рекомендации первоначально представляются достаточно аргументированными и целесообразными. В то же время, представляется, что в них заложена существенная опасность, поскольку в случае их соблюдения может возникнуть ситуация, в которой произойдет опознание или неопознание только одежды трупа, а не самого трупа». Одежду необходимо предъявлять отдельно, так как это обусловлено вероятностью опознания одежды, а не личности умершего. В этом случае совпадение признаков одежды не может повлиять на опознающего.

Предъявление для опознания трупа становится еще более сложным в психологическом и этическом плане следственным действием, многократно усложняющемся, когда в нем принимает участие несовершеннолетний.

По общему правилу, предъявление для опознания трупа рекомендуется проводить в условиях морга. В подобных условиях, сам факт посещения морга для несовершеннолетнего будет являться сложным психологическим испытанием, в особенности, если погибший был его родственником или знакомым. В подобных случаях, целесообразно предъявлять несовершеннолетнему, опознающему фотографии тела погибшего, что позволит исключить его визуальный контакт с неживым объектом, претерпевшим динамические изменения вследствие усилившихся трупных явлений².

При производстве предъявления для опознания трупа с участием несовершеннолетнего обязательно следует привлекать к участию законного представителя несовершеннолетнего, педагога и психолога, а в случае, если он является подозреваемым, то еще и защитника.

Представляется необходимым на законодательном уровне закрепить правовой запрет на участие в производстве предъявления для опознания лицам, не достигшим возраста семи лет, а лиц, не достигших четырнадцати лет допустить к участию только в исключительных случаях, при отсутствии сведений об иных лицах, которые могут опознать погибшего.

Учитывая тактико-психологические особенности предъявления для опознания трупа, следует признать допустимым видом участия в данном следственном действии для лиц, достигших четырнадцатилетнего возраста, но не достигших восемнадцатилетнего возраста только опознание по фотографии. В данном случае изображение трупа на фотографии не должно носить натуралистического характера, акцентирующего внимание на прижизненных повреждениях. Фотографирование трупа следует производить только после проведения туалета трупа; при этом считаем необходимым использовать черно-белое, а не цветное изображение.

Демонстрацию фотографии, на которой изображен труп, следует производить только после предварительного допроса об обстоятельствах, при которых

¹ Воропаев Г.С. Указ. соч. - С. 127.

² Асташов М. А. Тактические особенности предъявления для опознания живых лиц / М. А. Асташов // Территория науки, 2015. – №2. – С. 152.

несовершеннолетний наблюдал погибшего живым, об отношениях между ними, о наличии фактора страха.

С целью снижения вредного воздействия на психику несовершеннолетнего, считаем необходимым провести диагностику его психологического состояния до производства предварительного допроса. Диагностика психологического состояния несовершеннолетнего должна осуществляться посредством личной беседы с психологом, в отсутствие следователя и других должностных лиц органов предварительного расследования. Соблюдение указанных условий позволит достичь соответствия тактики предъявления для опознания трупа требованиям информационной безопасности, действующим в отношении несовершеннолетних детей и исключить излишнее негативное воздействие на их психику.

Представляется, что обозначенные рекомендации позволят обеспечить информационную безопасность детей, снизить риск доступа к информации, наносящей вред их нормальному нравственному, духовному и психическому развитию.

С.В. Валов

Правовые и организационные проблемы производства органами внутренних дел неотложных следственных действий

Аннотация. В статье систематизированы правовые и организационные проблемы производства органами внутренних дел неотложных следственных действий, предложены варианты их решения.

Ключевые слова: организация, неотложные следственные действия, орган внутренних дел, начальник, орган дознания, руководитель следственного органа.

Одним из полномочий, которые возложены на органы дознания (ч. 2 ст. 40 УПК РФ), является выполнение (производство) неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, в порядке, установленном ст. 157 УПК РФ. Современная правовая модель производства органами дознания неотложных следственных действий является результатом совместного действия нескольких факторов: достижений уголовно-процессуальной науки, взаимодействия и достигнутого компромисса между различными концепциями досудебного производства, проявившимися в уголовно-процессуальном законе, складывающейся правоприменительной практики и моделей организационно-структурного построения правоохранительных органов, действующих в сфере уголовной юстиции. Вместе с тем, действенность существующей правовой модели и отношение к ней правоприменителей все чаще заставляет задуматься о том, чем является производство органами дознания неотложных следственных действий – рудиментом предшествующих моделей уголовного процесса или неиспользованным в полной мере потенциалом для оперативного реагирования на совершенные преступления? Полагаем, что в силу специализации правоохранительных органов, а также комплекса правовых и организационных проблем органами дознания не в пол-

ной мере используются возможности производства неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия является обязательным.

К числу правовых проблем нами отнесены следующие:

1) терминологическая неопределенность в уголовно-процессуальном законе, являющаяся следствием использования понятия «неотложные следственные действия» (п. 19 ст. 5 УПК РФ) для определения разных видов процессуальной деятельности, отличающихся по субъектному составу, порядку, срокам, формам начала и окончания производства (ч. 3 ст. 40, ч. 4 ст. 146, п. 3 ст. 149, ч. 5 ст. 152, ст. 157 УПК РФ). Помимо основания для многочисленных научных дискуссий указанная проблема порождает связанные с ней недостатки в регулировании уголовно-процессуальных отношений между должностными лицами органа дознания. Так, согласно ч. 1 ст. 41 УПК РФ на дознавателя могут быть возложены только те полномочия органа дознания, которые предусмотрены в п. 1 ч. 2 ст. 40 УПК РФ. Вместе с тем, и начальник подразделения дознания (п. 1 ч. 1 ст. 40¹ УПК РФ), и начальник органа дознания (п. 1 ч. 1 и ч. 2 ст. 40² УПК РФ) уполномочены поручать дознавателю выполнение неотложных следственных действий, указание на которые содержится не в п. 1, а в п. 2 ч. 2 ст. 40 УПК РФ;

2) неопределенность субъектного состава органов дознания, который в силу п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ может быть расширен без изменения текста УПК РФ посредством внесения изменений в ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Сравнительный анализ норм указанных законов позволяет отнести к неупомянутым в УПК органам дознания федеральный орган исполнительной власти в области государственной охраны, Службу внешней разведки РФ и орган внешней разведки Министерства обороны РФ. Помимо этого, в силу отсутствия законодательного определения понятия «органы внутренних дел Российской Федерации» в их состав (помимо территориальных органов МВД России) включены центральный аппарат МВД России, образовательные, научные, медицинские (в том числе санаторно-курортные) организации системы МВД России, окружные управления материально-технического снабжения системы МВД России, заграничный аппарат МВД России, организации культуры, физкультурно-спортивные организации, редакции печатных и электронных средств массовой информации, а также иные организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел¹. Буквальное толкование взаимосвязанных правовых норм указывает на существенное расширение субъектного состава органов дознания, уполномоченных на производство неотложных следственных действий в соответствии со ст. 157 УПК РФ;

¹ Ст. 13, 14 Указа Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации». СЗ РФ. 2016. № 52. Ч. V, ст. 7614.

3) порожденное предшествующей проблемой несовершенство модели закрепления компетенции органов дознания, имеющей при этом и свои недостатки способа установления правовой связи между субъектом и предметом процессуальной деятельности. Компетенция территориальных органов МВД России ограничена положениями п. 1 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, норма которого (наряду с указанием конкретных статей УК РФ) сформулирована по принципу исключения¹. Для того, чтобы иметь представление о перечне преступлений, по которым предварительное следствие обязательно и по которым территориальные органы МВД России имеют право принять решение о возбуждении уголовного дела и провести неотложные следственные действия, начальник органа должен из перечня преступлений, подследственных следователям всех правоохранительных органов, исключить преступления, по которым предоставленные ст. 157 УПК РФ полномочия реализуют иные органы дознания, перечисленные в последующих пунктах части второй данной статьи. Наибольшую трудность на практике вызывает определение компетенции иных должностных лиц, которым предоставлены полномочия органов дознания. Во-первых, потому что субъектный состав иных должностных лиц с учетом п. 4 ч. 2 ст. 157 УПК РФ сводится к перечню, содержащемуся в ч. 3 ст. 40 УПК РФ. Во-вторых, в силу сложившейся в отечественной доктрине уголовного судопроизводства концепции тождества органа и должностного лица применительно к органам дознания перечень может быть расширен иными органами исполнительной власти, наделенными полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности². Во-третьих, следуя буквальному толкованию п. 1 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, пункт 6 ч. 2 данной статьи кодекса не содержит перечня уголовных дел, которыми (а не органами) ограничена компетенция территориальных органов МВД России. На практике сложность правовой конструкции распределения компетенции между органами дознания приводит к тому, что значительная часть начальников территориальных органов МВД России не знает перечня преступлений, при обнаружении признаков которых они в силу ч. 2 ст. 21 УПК РФ обязаны применить ст. 157 УПК РФ.

4) множественность в составе территориальных органов МВД России должностных лиц, обладающих тождественными полномочиями начальников органов дознания, но занимающих различное иерархическое положение в системе управления. Помимо трудностей, вытекающих из моделей организационно-структурного построения данных органов, речь о которых пойдет ниже, УПК РФ расширил применительно к органам внутренних дел Российской Федерации перечень таких должностных лиц заместителями начальника полиции (ч. 3 ст. 40² УПК РФ). Когда равное право на принятие одного и того же процессуального решения предоставляется нескольким должностным лицам, никто из них не решается взять на себя ответственность на его вынесение;

¹ До июля 2016 г. она отличалась еще и признаком конкуренции между двумя органами дознания.

² Пункт 1 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, конкретизируя «орган дознания», делает ссылку на п. 1 и п. 8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ, в которой указаны не органы дознания, а должностные лица (дознаватели) органов дознания.

5) предоставленная начальнику органа дознания возможность выбора адресата направления уголовного дела после производства неотложных следственных действий, но не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела о преступлении, по которому предусмотрена альтернативная подследственность. В данном случае именно решением начальника органа дознания будет определяться дальнейший субъект производства предварительного следствия;

6) проблемы юридической техники, выражающиеся в том, что в течение трех лет норма, изложенная в п. 1 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, не приведена в соответствие с организационным построением правоохранительных органов¹.

Решение вышеизложенных проблем видится в следующем:

1) понятие «неотложные следственные действия» должно применяться в иных статьях УПК в том смысле, который раскрыт в п. 19 ст. 5 УПК РФ. В свою очередь, для определения действий, которые будут производиться следователем или дознавателем после того, как они придут к выводу, что расследуемое ими уголовное дело им неподследственно (ч. 5 ст. 152 УПК РФ), предлагается использовать понятие «не терпящие отлагательства следственные и иные процессуальные действия»;

2) субъектный состав всех органов дознания и тех из них, кто уполномочен на производство неотложных следственных действий, предлагается в силу ч. 1 ст. 1 УПК РФ определить предельно точно в формулировках, не допускающих его расширительного толкования ни в других федеральных законах, ни в иных нормативных правовых актах;

3) модель распределения компетенции между органами дознания, уполномоченными возбуждать уголовные дела и производить неотложные следственные действия, предлагается изложить по аналогии и в системной связи со ст. 151 УПК РФ. В частности, в ст. 157 УПК РФ должна получить развитие норма, изложенная в ч. 5 ст. 151 УПК РФ. Если в системе федерального органа исполнительной власти предусмотрены и орган дознания, и следователи, то предлагается закрепить правило, согласно которому орган дознания имеет право возбуждать уголовное дело по преступлениям, которые подследственны следователям данного федерального органа исполнительной власти. При этом все остальные преступления, по признакам которых орган дознания имеет право применить ст. 157 УПК РФ и будет обязан вступать в межведомственное взаимодействие, должны быть достаточно определенно зафиксированы указанием на соответствующую статью УК РФ или признаки, позволяющие отделить их от других преступлений (субъект, место совершения, иные признаки);

4) исключить ч. 3 ст. 40² УПК РФ, как неоправданно расширяющую перечень должностных лиц органов внутренних дел РФ, которым предоставлены права начальника органа дознания. Одновременно в соответствующие статьи УПК РФ (ст. 40², ч. 1 ст. 146, ч. 1 ст. 157) включить норму, согласно которой право на принятие решение о возбуждении уголовного дела о преступлении, по кото-

¹ Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции». СЗ РФ. 2016. № 15, ст. 2071.

рому производство предварительного следствия обязательно, в органе дознания принадлежит только начальнику органа дознания, который в отличие от своих заместителей имеет административную власть над всеми сотрудниками органа, а не над их определенной частью;

5) предусмотреть в ст. 157 УПК РФ правило, согласно которому при наличии альтернативной подследственности уголовное дело, решение о возбуждении которого принимал начальник органа дознания, после производства органом дознания неотложных следственных действий, но не позднее 10 суток с момента его возбуждения, должно направляться прокурору для принятия решения о дальнейшем направлении его для производства предварительного следствия;

6) в пункте 1 ч. 2 ст. 157 УПК РФ предлагается исключить ссылку на п. 8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ.

Вышеизложенные правовые проблемы производства органами внутренних дел неотложных следственных действий усугубляются организационными проблемами, к числу которых нами отнесены следующие:

1) организационно-структурное построение территориальных органов МВД России, которое допускает встроенность одного органа дознания в другой (модель «матрешки»). Типовые структуры территориальных органов МВД России предусматривают наличие в их составе отделов, отделений, пунктов полиции, которые согласно п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ также являются органами дознания¹. Кроме того, пункт полиции по поселению, нескольким поселениям, части внутригородской территории может входить в структуру отдела (отделения) полиции. При этом такие пункты полиции допускается формировать только из должностей участковых уполномоченных полиции, а руководство указанными пунктами полиции возлагать на одного из старших участковых уполномоченных полиции²;

2) различие в организационно-структурном построении органов внутренних дел и следственных органов Следственного комитета РФ. Так, в Тюменской области Ишимский межрайонный следственный отдел СК РФ расследует уголовные дела о преступлениях, совершенных на территориях, обслуживаемых межмуниципальным отделом МВД России «Ишимский» (г. Ишим, Ишимский район, Абатский, Викуловский, Сладковский и Сорокинский районы) и отделения МВД России по Казанскому району. Голышмановский межрайонный следственный отдел СК РФ расследует уголовные дела о преступлениях, совершенных на территориях, закрепленных за межмуниципальными отделами МВД России «Омутинский» (Омутинский, Юргинский, Армизонский районы) и «Голышмановский» (Голышмановский, Аромашевский, Бердюжский районы). Тотемский межрайонный следственный отдел СК РФ по Вологодской области обслуживает 4 района (Тотемский, Бабушкинский, Тарногский, Нюксенский).

¹ Приложения № 7-9¹ к приказу МВД России от 30 апреля 2011 г. № 333 «О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России». СТРАС «Юрист».

² Приказ МВД России от 30 апреля 2011 г. № 333 «О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России». Приложение № 2, п. 21, 22. СТРАС «Юрист».

При этом в каждом из перечисленных районов данных областей имеются свои отделы (отделения) МВД России или отделы (отделения, пункты) полиции, являющиеся органами дознания. В силу различий в организационно-структурном построении взаимодействующих государственных органов складывается ситуация, при которой уполномоченный руководитель следственного органа, которому начальник органа дознания обязан направить уголовное дело после производства неотложных следственных действий, находится в другом административно-территориальном образовании;

3) кредит доверия, оказываемый адресатами (руководителями следственных органов) направляемых в порядке п. 3 ст. 149 УПК РФ уголовных дел и надзирающими прокурорами субъектам производства неотложных следственных действий. В связи с глубокой дифференциацией и специализацией субъектов уголовно-процессуальной деятельности начальники территориальных органов МВД России занимают позицию, согласно которой на место происшествия должен выезжать следователь того органа, которому подследственно будущее уголовное дело, несмотря на то, что УПК РФ (федеральный закон!) возлагает на них обязанность и предоставляет право возбудить уголовное дело и произвести неотложные следственные действия до прибытия следователя. Не ориентирует их на применение ст. 157 УПК РФ и алгоритм действий, определенный ведомственным нормативным правовым актом¹. В нем о производстве неотложных следственных действий не сказано ни слова;

4) не способствует созданию организационных условий для реализации ст. 157 УПК РФ и существующая в МВД России федеральная² и региональная³ система контроля готовности органов внутренних дел и входящих в их состав отделов, отделений, пунктов полиции к действиям при поступлении сообщений о преступлениях, по которым обязательно производство предварительного следствия (в т.ч. не относящихся к подследственности следователей органов внутренних дел). Объясняется такое положение, во-первых, тем, что производство неотложных следственных действий может быть поручено любому сотруднику органа внутренних дел (за исключением, следователей) и не относится к профилю деятельности ни одного конкретного подразделения в составе проверяющего или проверяемого территориального органа МВД России; во-вторых, применяемые на практике типовые задания на производство инспектирования, контрольной или целевой проверки выделяют в качестве предметов

¹ Приказ МВД России от 26 февраля 2016 г. № 93 «Об организации приема, регистрации и рассмотрения заявлений и иных сообщений о трупях». СТРАС «Юрист».

² Приказ МВД России от 3 февраля 2012 г. № 77 «Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации». СТРАС «Юрист».

³ Приказ УМВД России по Тюменской области от 13 октября 2017 г. № 818 «Об организации ведомственного контроля УМВД России по Тюменской области за деятельностью подчиненных органов внутренних дел»; приказ УМВД России по Омской области 22 мая 2017 г. № 377 «Об организации ведомственного контроля за деятельностью территориальных органов МВД России на районном уровне, подчиненных УМВД России по Омской области, управлений, отделов и центров УМВД России по Омской области». СТРАС «Юрист-Регион».

контроля только «осуществление дознания» и «производство предварительного следствия»; в-третьих, вышеизложенные ведомственные модели реагирования на сообщения не предусматривают выполнение органами дознания обязанностей, предусмотренных ст. 157 УПК РФ.

В целях решения организационных проблем требуется принятие управленческих решений в правовой форме на различных уровнях системы управления МВД России. Принимаемые решения об организационно-структурном построении территориальных органов МВД России должны способствовать реализации УПК РФ, четко определять принципы разграничения территории обслуживания между территориальными органами МВД России и входящими в их состав отделами, отделениями, пунктами полиции, устанавливать ответственность начальников органов дознания за выполнение требований УПК РФ, определяющих их обязанность осуществления уголовного преследования (ч. 2 ст. 20 УПК РФ), возбуждения уголовного дела и производства неотложных следственных действий (ст. 157 УПК РФ), подготовки личного состава к действиям при поступлении сообщений о преступлениях, по которым производство предварительного следствия является обязательным.

Н.Б. Вахмянина

Современные проблемы правоприменения ст. 145.1 УК РФ

Аннотация. В статье рассмотрена актуальная проблема механизма правового регулирования в уголовном судопроизводстве, заключающаяся в недостаточности субъектного состава преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ. Автором обосновано и поддержано предложение о необходимости его расширения путем включения лица, фактически осуществляющего функции руководителя.

Ключевые слова: невыплата заработной платы, руководитель организации, лицо, фактически осуществляющее функции руководителя.

Несмотря на все имеющиеся в нашем государстве механизмы правового регулирования, направленные на поддержание достойного уровня жизни граждан и обеспечение соблюдения их трудовых прав, вопрос о невыплате заработной платы остается актуальным. Работодатели стремятся различными способами минимизировать свою обязанность по выплате работнику вознаграждения за труд, а также компенсационных и стимулирующих выплат, вплоть до грубых нарушений конституционного права на своевременное получение заработной платы, за которые предусмотрена ответственность по ст. 145.1 УК РФ. Вместе с тем, правоприменительная практика демонстрирует несовершенство современной уголовно-правовой организации воздействия правовых средств на таких работодателей.

В постановлении Пленума Верховного суда от 27 ноября 2018 года № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» (далее –

Постановление Пленума Верховного суда) дано разъяснение лишь некоторых проблемных аспектов квалификации рассматриваемого вида преступления. Так Верховный суд однозначно выразил свою позицию относительно возможности привлечения к уголовной ответственности работодателя за невыплату заработной платы в ситуации, когда трудовой договор с работниками не заключался либо не был надлежащим образом оформлен. В таком случае в его действиях будут усматриваться признаки состава преступления, предусмотренного ст.145.1 УК РФ, при условии, что работники приступили к работе с ведома или по поручению работодателя либо его уполномоченного представителя¹.

Также в Постановлении Пленума обозначен период формирования задолженности по выплатам работнику. В соответствии с п. 19 его необходимо исчислять исходя из сроков выплаты заработной платы, установленных в организационных документах, регулирующих оплату труда: правилах внутреннего трудового распорядка организации, коллективном договоре, трудовом договоре. При этом учитывается время, в течение которого заработная плата фактически не выплачивалась полностью или частично. Определен и временной момент, с которого необходимо исчисляться срок задержки выплат. Он исчисляется со дня, следующего за установленной датой выплаты. Следует отметить, что Пленум Верховного суда разъяснил, что периоды невыплат за отдельные месяцы года не могут суммироваться в срок свыше двух или трех месяцев, если они прерывались периодами, за которые выплаты осуществлялись².

Несмотря на устранение Верховным судом ряда спорных вопросов квалификации, возникавших в ходе уголовного судопроизводства по рассматриваемому виду преступления, до настоящего времени не разрешена одна из самых актуальных проблем в правоприменительной практике расследования невыплаты заработной платы, заключающаяся в невозможности привлечения к уголовной ответственности лица, которое фактически выполняло организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции, по указанию которого в реальности и не выплачивалась заработная плата. Например, достаточно распространенной в настоящее время является ситуация, когда в соответствии с документами управляет организацией руководитель, который фактически финансово-хозяйственной деятельностью юридического лица не интересуется, функции единого исполнительного органа не выполняет, а лишь получает оплату за проставление подписей на документах. Реально же функции руководителя организации исполняет иное лицо. Этот человек полностью контролирует хозяйственные операции, управляет кадрами, сотрудниками бухгалтерии, распоряжается финансами и т.д. Желая получить незаконную выгоду, последние дают указание бухгалтеру, фактически находящемуся в его подчинении, прекратить полностью или частично выплату, полагающейся сотрудникам заработной платы. Высвобожденные таким незаконным путем средства они

¹ См. п.18 Постановления Пленума Верховного суда от 27 ноября 2018 года № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)»// СПС Консультант Плюс (дата обращения 27.05.2019)

² Там же. П.19. (дата обращения 27.05.2019).

направляют в аффилированные организации, производят закупки в своих собственных интересах, иным способом распоряжаются ими в личных целях. Таким образом, именно в действиях фактического, а не юридически утвержденного руководителя усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ. Вместе с тем диспозиция этой статьи не позволяет привлечь его к уголовной ответственности.

Представляется, что сформировалась указанная проблема по следующим причинам. До настоящего времени отсутствует единое толкование термина «руководитель организации», так как в рассматриваемой статье, как и в УК РФ в целом, не дано определение этого понятия. Вследствие чего возникает необходимость обращения к другим отраслям права. Так как нарушаются права работников на своевременное и полное получение вознаграждения за свой труд, гарантированные Конституцией РФ (п.3 ст.37), охраняемые кроме уголовного трудовым законодательством, то логично заимствование толкования термина «руководитель организации» из Трудового кодекса Российской Федерации.

В п.1 ст.273 Трудового кодекса Российской Федерации под руководителем организации понимается физическое лицо, которое в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, учредительными документами юридического лица (организации) и локальными нормативными актами осуществляет руководство этой организацией, в том числе выполняет функции ее единоличного исполнительного органа. Такая диспозиция статьи исключает возможность привлечения к уголовной ответственности лица, которое хоть и выполняет фактически функции руководителя, но юридически его обязанности не закреплены в соответствующих документах.

Верховный суд, к сожалению, по не вполне понятным причинам не предлагает решения этого вопроса.

Представляется, что Постановление Пленума Верховного суда, необходимо дополнить не только разъяснением понятия «руководитель организации», но и пунктом следующего содержания - «к числу субъектов преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, могут относиться также лица, фактически выполнявшие обязанности руководителя в период невыплаты заработной платы».

Дискуссионным остается вопрос о возможном исключении из диспозиции рассматриваемой статьи такого признака, как мотив. В настоящее время, недостаточно умысла работодателя на нарушение конституционным права работников на вознаграждение за труд, а также наличия реальной возможности его соблюдения. Необходимо ещё и наличие мотива (корыстной или иной личной заинтересованности). Данным требованием законодателя в целях противодействия успешно пользуются субъекты рассматриваемого вида преступления. В судебно-следственной практике нередко встречаются ситуации, когда руководитель организации заявляет, что у него не было ни корыстной, ни иной личной заинтересованности. С его слов, не выплачивая заработную плату, он руководствовался благородными мотивами сохранения организации для того, чтобы

работающие у него сотрудники не потеряли работу, не остались без средств к существованию и это была лишь временная вынужденная мера. При этом себе он также заработную плату в этой организации не выплачивает.

В ситуации, когда функции руководителя фактически осуществляет иное лицо, привлечь руководителя, чьи полномочия юридически закреплены в соответствующих документах, также не просто. Даже если основываться на том, что такой руководитель осведомлен о задолженности по заработной плате и у него есть все полномочия самостоятельно осуществить её выплату вопреки желанию фактического руководителя, в его бездействии нередко не просматривается мотив.

Представляется, что такой признак как мотив при невыплате заработной платы лишь позволяет уклоняться от заслуженного наказания лицам, нарушающим указанное конституционное право граждан Российской Федерации, создавая благоприятную почву для оказания противодействия субъектами рассматриваемого преступления.

Следует отметить, что перечисленные в настоящей статье проблемы уже не раз озвучивались в научных работах¹. Предлагаемые автором решения являются, безусловно, дискуссионными.

В заключение, хотелось бы выразить надежду, что Верховный суд примет обоснованное решение по рассмотренным в статье вопросам и даст по ним долгожданные соответствующие разъяснения.

Литература

1. Багмет М.А., Богуславский А.М. Проблемы законодательства и правоприменения в вопросах невыплаты заработной платы // Вестник ЮУрГУ, 2006. № 5. С. 215-219;
2. Костылев С.П. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного статьей 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат) // Юридическая наука и юридическая практика, 2010. № 4 (14). С. 49-53;
3. Тюменцева А.А. Проект Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с невыплатой заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145.1 УК РФ) // Современные научные исследования и разработки, 2018. № 11 (28). С. 717-721.

¹ См., например: Багмет М.А., Богуславский А.М. Проблемы законодательства и правоприменения в вопросах невыплаты заработной платы // Вестник ЮУрГУ, 2006. № 5. С. 215-219; Костылев С.П. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного статьей 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат) // Юридическая наука и юридическая практика, 2010. № 4 (14). С. 49-53; Тюменцева А.А. Проект Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с невыплатой заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145.1 УК РФ) // Современные научные исследования и разработки, 2018. № 11 (28). С. 717-721; и другие.

Некоторые проблемные вопросы получения образцов для сравнительного исследования

Аннотация. В статье анализируются правоприменительная практика по некоторым проблемным вопросам получения образцов для сравнительного исследования.

Ключевые слова. предварительное расследование, сравнительное исследование, образцы, принуждение, изъятие, следователь, суд.

В ходе предварительного расследования следователь вправе получить у определенных лиц образцы для сравнительного исследования. Цель проведения этого процессуального действия - обеспечение производства судебной экспертизы. В уголовно-процессуальном законе не раскрываются понятие и перечень таких образцов.

В Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ предлагается понимать под образцами для сравнительного исследования объекты, отображающие свойства или особенности человека, животного, трупа, предмета, материала или вещества, а также другие образцы, необходимые эксперту для проведения исследований и дачи заключения (ст. 9).

Получение образцов для сравнительного исследования регулируется ст. 202 УПК РФ, предписывающей следователю оформить процессуальное решение постановлением, а в ходе производства самого действия составить протокол в соответствии со статьями 166 и 167 УПК РФ.

Практике известны случаи пренебрежения требованиями ст. 202 УПК РФ.

Суд исключил из числа доказательств ряд заключений фоноскопических экспертиз, поскольку органами предварительного следствия не выполнены надлежащим образом требования ст. 202 УПК РФ в части получения образцов голосов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, для проведения сравнительного исследования.

Так, образцы голосов указанных лиц были получены скрытно от них, в отсутствие защитников, без разъяснения им процессуальных прав. Результаты проведенных записей бесед с ними были сразу же переданы для производства фоноскопических экспертиз, что противоречит положениям ст. 166 УПК РФ².

Очевидно, судом была учтена правовая позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой процессуальные действия, для осуществления которых уголовно-процессуальным законом, в частности статьей 202 УПК РФ, установлена специальная процедура, не могут подменяться оперативно-розыскными меро-

¹ Федеральный закон от 31.05.2011 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. 2001. 5 июня.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.10.2009 № 83-О09-34 // СПС «КонсультантПлюс».

приятными¹; статьи 186 и 202 УПК РФ не допускают возможность получения образцов для сравнительного исследования путем подмены установленного ими порядка производства следственных действий².

Вопросы, связанные с возможностью принудительного получения образцов для сравнительного исследования, также рассматривались Конституционным Судом Российской Федерации.

Так, Конституционный Суд РФ отказал³ в принятии жалоб граждан, оспаривавших конституционность ст. 202 УПК РФ и полагавших, что эта норма не соответствует Конституции Российской Федерации, поскольку не содержит прямого запрета на принудительное получение у обвиняемого образцов для сравнительного исследования и тем самым позволяет применить к нему насилие, умалять достоинство его личности, а также препятствует защите его прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом. При этом орган конституционного надзора высказал мнение, что Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2, ст. 45), и право не свидетельствовать против себя (ч. 1, ст. 51), не исключает возможность проведения различных процессуальных действий с участием подозреваемого или обвиняемого, а также использования документов, предметов одежды, образцов биологических тканей и пр. в целях получения доказательств. УПК РФ в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предусматривает возможность производства процессуальных действий (в том числе получения образцов для сравнительного исследования) и применения мер принуждения, связанных с ограничением права граждан на личную неприкосновенность, в целях защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6), обеспечивая обоснованность и соразмерность ограничений указанного права.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 01.12.1999 № 211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского К.О. на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»; Определение от 24.01.2008 № 104-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Д.Ю. на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 84, 86 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.02.2010 № 261-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Немых Н.И. на нарушение ее конституционных прав статьей 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статьями 87, 186 и 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.09.2013 № 1297-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сойкина О.Ю. на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.09.2013 № 1298-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколюка В.И. на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Одновременно Конституционным Судом Российской Федерации отмечено, что за производством данных действий требуется судебный контроль с предоставлением заинтересованным лицам права на судебную защиту их прав и свобод.

Европейский Суд по правам человека в Постановлении по делу «Салихов против Российской Федерации» от 03.05.2012¹ констатировал, что статья 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в принципе не запрещает принудительное медицинское вмешательство, которое способствует расследованию преступления. Тем не менее любое нарушение личной неприкосновенности в целях получения доказательств должно быть предметом тщательного контроля, при котором особое внимание должно быть уделено следующим факторам: в какой степени принудительное медицинское вмешательство было необходимо для получения доказательств; угрозам здоровью подозреваемого; способу, которым проводилась процедура; физической боли и нравственным страданиям, которые были причинены; уровню доступного медицинского наблюдения и последствиям для здоровья подозреваемого.

Означает ли это, что следовательно, ориентируясь на мнение Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, должен обратиться в суд за разрешением принудительного получения образцов для сравнительного исследования?

В юридической литературе высказывалось суждение о том, что согласно ч. 1 ст. 22 Конституции РФ каждый человек имеет право на личную неприкосновенность. В ч. 2 той же статьи говорится лишь о том, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. Однако неприкосновенность личности включает в себя также и гарантии неприкосновенности телесной, или биологической. Таким образом, принудительное изъятие у человека образцов (например, крови, спермы, слюны, волос) затрагивает его личную неприкосновенность. Поэтому ограничение телесной неприкосновенности, в том числе путем принудительного изъятия у лица образцов для судебно-медицинских исследований, также как и арест, должно допускаться лишь по решению суда².

Соглашаясь с мнением ученых-юристов, предлагающих применить нормы Основного закона Российской Федерации для урегулирования уголовно-процессуальных правоотношений и вставших таким образом на защиту конституционных прав гражданина, следует отметить, что согласно ст. 29 УПК РФ обращение в суд с ходатайством о принудительном получении образцов для сравнительного исследования невозможно.

Однако в судебной практике такое принуждение порой признается допустимым и возможным.

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Салихов против Российской Федерации» от 03.05.2012 // СПС «КонсультантПлюс».

² Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Судом констатировано, что следователь не нарушил нормы уголовно-процессуального закона при производстве процессуального действия, предусмотренного ст. 202 УПК РФ. В связи с активным сопротивлением обвиняемого к нему было применено адекватное физическое воздействие, необходимое для получения образцов крови¹.

В целом уголовно-процессуальное законодательство нуждается в корректировке. В частности, необходимо наделить суд полномочиями по контролю за принудительным изъятием, в ходе предварительного расследования, у граждан образцов для сравнительного исследования, предоставив таким образом заинтересованным лицам право на судебную защиту их прав и свобод.

Список использованных источников

1. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.10.2009 № 83-О09-34 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 01.12.1999 № 211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского К.О. на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».
3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.01.2008 № 104-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Д.Ю. на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 84, 86 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.02.2010 № 261-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Немых Н.И. на нарушение ее конституционных прав статьей 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статьями 87, 186 и 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.09.2013 № 1297-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сойкина О.Ю. на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.09.2013 № 1298-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколова В.И. на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» //

¹Определение Пермского краевого суда от 07.07.2011 по делу № 22-4857 // СПС «КонсультантПлюс».

СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Пермского краевого суда от 07.07.2011 по делу № 22-4857 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Салихов против Российской Федерации» от 03.05.2012.
9. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2012 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Федеральный закон от 31.05.2011 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. 2001. 5 июня.

Б.Я. Гаврилов

**Проблемы законодательного регулирования использования
результатов оперативно-розыскной деятельности
в судопроизводстве по уголовным делам**

Аннотация. Автором анализируются проблемы законодательного регулирования возможностей использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в судопроизводстве по уголовным делам, для чего он обращается к позиции ученых, признающих возможность использования этих результатов в расследовании по уголовным делам, а также к их оппонентам, отмечающим несовершенство действующего законодательства, препятствующего этим процессам. При этом автор исследует складывающуюся судебную и следственную практику применения результатов ОРД в уголовном судопроизводстве, а также к позиции Конституционного Суда РФ, который допускает такую возможность, что дает основание сделать вывод о том, что в совокупности с иными доказательствами использование по уголовному делу результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания возможно.

Ключевые слова: следователь, дознаватель, орган дознания, оперативно-розыскная, уголовно-процессуальная деятельность, результаты оперативно-розыскной деятельности.

В современный период среди проблем раскрытия и расследования преступлений одной из наиболее актуальных в уголовном судопроизводстве является использование в доказывании в допустимых пределах результатов оперативно-розыскной деятельности. И это при том, что значимость информации, полученной оперативно-розыскным путем, признается большинством специалистов (В.А. Азаров и В.В. Константинов [1], Е.А. Доля [5], О.Д. Жук [6]; М.П. Поляков [15], Н.В. Павличенко [13] и ряд других российских ученых).

Отмечая в целом активную позицию представителей научного сообщества по данной проблеме, автор обращается к публикации С.Б. Россинского «Результаты оперативно-розыскной деятельности – доказательства по уголовному делу: только "за" и никаких "против"» [17]. Исходя из названия данной статьи можно достаточно определенно высказаться о позиции ее автора в части необходимо-

сти использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Наряду с указанной позицией признания необходимости использования результатов ОРД в производстве по уголовным делам, в российской уголовно-процессуальной науке присутствует противоположная точка зрения, например, В.И. Зажицкого [7] и ряда других ученых как процессуалистов, так и представляющих науку об оперативно-розыскной деятельности о невозможности непосредственного использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовному делу. В качестве основных аргументов ими выдвигается тезис о процессуальной несостоятельности таких сведений, об их определённой ущербности по сравнению с предусмотренными УПК РФ источниками доказательств, поскольку процедуры их получения не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законом (ст. 89 УПК РФ) и, соответственно, без обеспечения участников уголовного процесса соответствующими гарантиями (Ю.В. Астафьев [2], И.Л. Петрухин [14] (последний писал об этом еще задолго до принятия УПК РФ).

Относительно данной позиции следует отметить, что существующие противоречия правовой теории с реальными потребностями правоприменительной практики обусловлены непоследовательностью действий законодателя при формировании соответствующей нормативной базы и явилось следствием отсутствия системного единства между положениями уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства.

В этой связи, соглашаясь с позицией С.Б. Россинского, следует отметить, что:

с одной стороны, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности следователю, дознавателю, в суд [19], согласованная с Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации, предусматривают возможность передачи в распоряжение следователя, дознавателя или в суд результатов проведения оперативно-розыскных мероприятий;

а, с другой стороны, стороны, установленные ст. 89 УПК РФ процессуальные правила фактически блокируют возможность их использования в процессе доказывания по причине несоответствия требованиям уголовно-процессуальной формы в силу изначально существующей дифференциации правовых режимов оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства.

Формально это утверждение обусловлено правовым содержанием ст. 89 УПК РФ, гласящей, что «в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности». А далее следует другая часть текста, что «если они (*эти результаты* – выделено Б.Г.) не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам» по УПК РФ. И вот на эту составляющую ст. 89 УПК РФ профессор В.И. Зажицкий и другие оппоненты, критикуя вполне обоснованно данную уголовно-процессуальную норму, в своих публикациях делают упор. Однако судебная практика свидетельствует, что с

использованием результатов оперативно-розыскной деятельности сегодня раскрываются, а в дальнейшем успешно расследуются, как правило, все заказные убийства, преступления, совершенные в составе банды, преступного сообщества (преступной организации) и др., без чего это сделать было невозможно [3].

Учитывая сложившуюся правовую неопределенность в науке и на практике, примером чему является приведенная выше Инструкция, регулярно ставится вопрос о выработке конкретного правового механизма в целях обеспечения возможности уголовно-процессуальной легализации результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу. Большинство авторов традиционно позиционируют эти сведения как некий гносеологический фундамент, на котором в дальнейшем могут быть сформированы полноценные доказательства (тот же Ю.В. Астафьев и др.). Эта же идея находит поддержку в практике Конституционного Суда РФ [10, 12].

При этом следует учитывать, что:

- действующий УПК РФ не содержит в себе конкретных механизмов, позволяющих приобщить материалы оперативно-розыскной деятельности к уголовному делу в качестве доказательств путем придания им определенной процессуальной формы, поскольку следователи, дознаватели и судьи не наделены возможностью ввести эти материалы в уголовный процесс посредством каких-либо процессуальных действий в силу того, что уголовно-процессуальный закон таких действий не предусматривает;

- если бы УПК РФ и устанавливал подобные механизмы, однако они не смогли бы разрешить сущность данной проблемы, поскольку позволили бы лишь технически приобщать результаты оперативно-розыскных мероприятий к уголовному делу, не изменяя их правовой природы и без придания им конкретной уголовно-процессуальной формы;

- далее, никакие следственные, судебные или иные процессуальные действия не позволят применить к уже произведённым оперативно-розыскным мероприятиям процессуальные гарантии доброкачественности их проведения, как это предусмотрено нормами УПК РФ применительно к конкретным следственным действиям. И тем самым никакие процессуальные «манипуляции» с нормами уголовно-процессуального закона не позволят полученным оперативно-розыскным путем конкретным результатам, подтверждающим участие лица в совершении преступления, придать «некую» процессуальную форму в силу того, что ни следователь, ни дознаватель, ни судья не в состоянии какими-либо процессуальными действиями восстановить те фактические обстоятельства совершенного преступления, которые уже восприняты оперативными сотрудниками.

Тем самым, сколько угодно рассуждая о процессуальной непригодности результатов оперативно-розыскных мероприятий, невозможно отрицать сам факт обнаружения и изъятия сотрудниками правоохранительных органов неких материальных объектов, следов, существующих в объективной реальности, и имеющих значение для последующего расследования уголовного дела.

Поэтому выработанные на сегодняшний день прикладные технологии так называемого «формирования» доказательств на основе оперативно-розыскных

материалов сводятся к представлению результатов оперативно-розыскной деятельности для приобщения к уголовному делу на основании норм оперативно-розыскного права. Тем самым правоприменители в лице следователя, дознавателя и прокурора предлагают некие «обходные пути», которые восприняты судами, расценивающими приобщенные к уголовному делу материалы оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств, связывая их процессуальную доброкачественность исключительно с соблюдением сотрудниками органов дознания требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Данный феномен, с точки зрения уголовного процесса, сегодня объясняется реализацией положений ч. 2 ст. 50 Конституции РФ о том, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением Федерального закона. И тем самым в случае, если результаты оперативно-розыскной деятельности соответствуют требованиям Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», то они могут быть в последующем следователем, дознавателем, судом использованы в материалах уголовного дела.

При этом, следует исходить из того, что материалы оперативно-розыскной деятельности формируются за пределами сферы уголовно-процессуальных отношений, и в уголовное дело они представляются, уже будучи сформированными в окончательном виде. И сегодня практика их признания полноценными доказательствами осуществляется в режиме правовой аналогии к механизму процессуальной легализации иных документов, которая сводится к некому процессуальному решению об их приобщении к уголовному делу. И если для судебного производства порядок принятия такого решения в определенной степени регламентирован ст. 286 УПК РФ, то в стадии предварительного расследования такой порядок законодателем не установлен. И видимо по этой причине некоторые авторы находят выход из рассматриваемой проблемы посредством введения в уголовный процесс результатов оперативно-розыскной деятельности (В.А. Семенцов и В.Ю. Сафонов [18], С.А. Шейфер [20]) через понятие иные документы.

Но здесь видимо надо полагать, что представители научного сообщества исходят из того довода, что сугубо формально иными документами могут быть признаны любые объекты документального характера, имеющие отношение к уголовному делу, в частности материалы оперативно-розыскной деятельности. Данная позиция находит поддержку и в решениях Конституционного Суда РФ [10].

Однако, с высказанной выше позицией согласиться достаточно сложно, поскольку представляемые оперативной службой документы содержат в себе сведения, сообщенные не специально уполномоченными субъектами уголовно-процессуальной деятельности, а некими «третьими» лицами, представляющими орган дознания. Тем самым материалы оперативно-розыскных мероприятий формируют сотрудники правоохранительных органов, пусть в рамках непроцессуальных, но достаточно близких к уголовному судопроизводству познавательных процедур. Тем более, что и сама

ст. 89 УПК РФ специально выделяет результаты оперативно-розыскной деятельности из всей массы информации, придавая им тем самым значимость для уголовного дела.

Изложенное выше позволяет сформулировать отвечающий реальным потребностям правоприменения вывод о том, что возможный вариант решения проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам заключается в легализации механизмов их непосредственного введения в уголовный процесс.

Отвергать возможность прямого использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности абсолютно бессмысленно. Наоборот, это необходимо узаконить, придать этому должный правовой характер. Поэтому сегодня многие ученые [4, 8, 9, 16], в том числе и автор вполне обоснованно ставят вопрос перед законодателем о необходимости непосредственного закрепления в УПК РФ использования в доказывании материалов оперативно-розыскной мероприятий.

Вместе с тем, при разрешении данной проблемы следует учитывать ряд следующих обстоятельств:

- *первое*, заключается в том, что действующая ст. 89 УПК РФ, редакцию которой вполне обоснованно критикует как научное сообщество, так и практикующие юристы, была принята в результате достигнутого компромисса в рабочей группе по подготовке проекта УПК РФ по второму чтению (*автор входил в эту рабочую группу*). Предыдущие УПК РСФСР такой процессуальной нормы в себе не содержали;

- *второе*, число процессуальных норм в УПК РФ, в которых речь идет об оперативно-розыскной деятельности более, чем в два раза превосходит количество таких норм по УПК РСФСР 1960 г.;

- *третье*, законодательство большинства стран с устоявшейся системой уголовного правосудия эту проблему уже разрешили. Например, уголовно-процессуальное законодательство Италии содержит в своих нормах главу, предусматривающую использование результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании организованной преступности. В УПК Украины это (Глава 21 «Негласные следственные (розыскные) действия»), в УПК Республики Казахстан – Глава 30 «Негласные следственные действия», а с 1 января 2019 г. и в УПК Республики Кыргызстан – Глава 31 «Специальные следственные действия» содержатся нормы, предусматривающие возможность производства так называемых специальных (негласных, розыскных) следственных действий.

К вопросу о том, как эти нововведения могут быть восприняты, в первую очередь, практикующими юристами, следует пояснить, что еще в рамках УПК РСФСР Федеральным законом от 20.03.2001 № 26-ФЗ [11] была введена ст. 174¹ (Контроль и запись переговоров (*ее разработка была осуществлена при непосредственном участии автора*)). И, несмотря на ее не восприятие со стороны ряда российских ученых, для того временного периода это была норма, фактически предусматривающая специальное следственное действие, за что и была подвергнута критике. Решение о контроле и записи переговоров принималось судом на основании мотивированного постановления следователя, о направле-

нии которого в суд прокурор лишь уведомлялся. И это имело место в правовой ситуации, когда ограничение конституционных прав граждан по судебному решению не предусматривалось даже при заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу. При подготовке проекта УПК РФ ко второму чтению и в последующем этот опыт был использован и в законе появились соответствующие нормы – ст. 186¹ УПК РФ (Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами), содержание которых охраняется предусмотренной соответствующим законом тайной.

Одновременно следует отметить, что непосредственное использование в процессе доказывания по уголовному делу результатов оперативно-розыскных мероприятий возможно лишь в совокупности с иными доказательствами, собранными посредством всего процессуального арсенала средств и методов, находящихся в ведении органов предварительного расследования, органов дознания и суда.

Список использованных источников

1. Азаров В.А., Константинов В.В. Особенности использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности // Российский следователь. 2013. № 11. С. 20-24.
2. Астафьев Ю.В. Оперативно-розыскной и доказательственный аспект уголовно-процессуального познания // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: материалы международной научно-практической конференции. Иркутск: БГУЭП, 2014. С. 20-26.
3. Беляев М., Шептицкий А. Бандитский Татарстан. Татарстан: Артефакт, 2015. – 335 с.
4. Бозров В.М. Результатам оперативно-розыскной деятельности - статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4 С. 46-48; Бозров В.М. Результатам ОРД - статус доказательств // Законность. 2004. № 12. С. 23-25.
5. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов ОРД: Монография. М.: Проспект, 2009. – 282 с.
6. Жук О.Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций). – М.: Инфра-М, 2004. 272 с.
7. Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. Санкт-Петербург. 2006 г. – 449 с.

8. Зникин В.К. Использование оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, Томский госуниверситет, 1998. – 202 с.
9. Зуев С.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств // Уголовное право. 2007. № 3. С. 94-97.
10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хрусталева Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положением подпункта 6 пункта 1 статьи 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1505-О // СПС «КонсультантПлюс».
11. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты российской федерации в связи с ратификацией конвенции о защите прав человека и основных свобод: федеральный закон от 20.03.2001 № 26-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
12. По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О // СПС «КонсультантПлюс»
13. Павличенко Н.В. Инновационные технологии в оперативно-розыскной деятельности: монография / Н.В. Павличенко, Г.К. Лобачева. Волгоград: Бланк, 2014. – 188 с.
14. Петрухин И.Л. Судебная власть и расследование преступлений // Государство и право. 1993. № 7. С. 81-91.
15. Поляков М.П. Использование результатов ОРД в доказывании // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания: материалы международной научно-практической конференции (27-28 октября 20003 г.). М.: МГЮА, 2004. С. 182-184.
16. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. – 262 с.
17. Россинский С.Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности – доказательства по уголовному делу: только "за" и никаких "против" // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: междунар. науч.-практ. конф. 24-25 мая 2018 г. в 2 т. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2018. Т. 1. С. 261-267.
18. Семенцов В.А., Сафонов В.Ю. Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве. Екатеринбург: УрГЮА, 2006. – 136 с.

19. Совместный приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности следователю, дознавателю, в суд» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
20. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М.: Норма, 2008. – 342 с.

В.Д. Дармаева

Обеспечение интересов потерпевших на возмещение вреда, причиненного преступлением

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с возмещением вреда, причиненного преступлением; уголовно-процессуальные средства обеспечения законных интересов потерпевших, возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное преследование; вред, причиненный преступлением; возмещение ущерба; интересы потерпевших; конфискация имущества, наложение ареста на имущество.

Экономическая эффективность любого вида деятельности, ее материальная составляющая, становится одним из приоритетов и в такой далекой от показателей ее прибыльности вида деятельности – как производство по уголовным делам.

Переход на рельсы рыночной экономики заметно повлиял на уголовно-процессуальную деятельность. Мы сейчас не говорим о незаконных методах давления на хозяйствующих субъектов путем возбуждения уголовных дел, уголовного преследования с целью передела собственности и иных незаконных действиях. Речь идет об изменении шкалы оценивания деятельности правоохранительных органов, когда становятся приоритетными не только количество раскрытых преступлений в зависимости от их категории; число лиц, привлеченных к уголовной ответственности и пр., а показатели о суммах возмещения причиненного преступлением вреда, в том числе в бюджет страны.

Органы предварительного расследования, наряду с защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, обеспечивают и экономическую безопасность государства, противодействуя преступлениям в сфере экономики, предотвращая хищения из бюджета всех уровней, а также возмещая похищенное. Так, по итогам работы за 2018 год следователи Следственного комитета РФ, как сообщил председатель СК РФ Александр Бастрыкин на расширенной коллегии ведомства, добились возмещения ущерба в ходе предварительного следствия и доследственных проверок на 73 млрд рублей. Глава ведомства отметил, что в 2006 году этот показатель составлял менее 3%,

сейчас - 35%. Кроме того, в прошлом году в рамках уголовных дел арестовано имущество обвиняемых стоимостью более 41 млрд рублей¹.

Одной из задач, стоящих перед органами расследования – это возмещение вреда потерпевшим от преступлений. Способы возмещения ущерба, причиненного преступлением могут быть различны. После возбуждения уголовного дела физическое или юридическое лицо, при наличии оснований полагать, что в результате преступления ему причинен вред, может предъявить требование о возмещении имущественного вреда. В соответствии со статьей 44 УПК РФ он признается гражданским истцом и наделяется соответствующими правами и обязанностями, которые позволят ему поддерживать гражданский иск и добиваться денежной компенсации. По большей части гражданские иски заявляются потерпевшими. Если в данном случае идет речь о возмещении вреда потерпевшим – гражданам, то не менее острой является проблема возмещения вреда, причиненного бюджету Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований.

Права потерпевшего (гражданского истца) в полной мере не могут быть обеспечены на досудебных стадиях, с момента причинения ущерба и до его реального возмещения проходит значительное время, но и это не гарантирует полного удовлетворения требований. Предусмотренные сроки предварительного расследования; гарантии защиты прав обвиняемых, в том числе на ознакомление с материалами уголовного дела; и ряд иных процессуальных мероприятий требуют достаточно длительного время. Производство в судебных стадиях также формализовано, что негативно сказывается на сроках рассмотрения дела: частое отложение судебных заседаний, сложность в обеспечении явки участников процесса, загруженность судов, реализация осужденным права на обжалование и т.д. Все эти объективные причины ведут к тому, что потерпевшие вынуждены длительно ждать решения вопроса о возмещении причиненного им вреда путем удовлетворения гражданского иска.

Например, 20 марта 2017 года в Железнодорожном районном суде г. Новосибирска провозглашен приговор по уголовному делу в отношении Григорьева В.В., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст.160 ч.4; ст.174.1 ч.1; ст.174.1 ч.3 УК РФ, Долговой И.Н., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ст.160 ч.4; ст.174.1 ч.3 УК РФ Кривенко А.В., Жуковой Л.В., Головач Л.О., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ст.160 ч.4 УК РФ. Уголовное дело было возбуждено по факту хищения свыше 1,1 млрд руб. и отмыывании средств сотрудникам местного филиала ВТБ в 2008 году по результатам инспекции филиала работниками головного офиса ВТБ². К рассмотрению дела, составляющего 256 томов, суд приступил спустя четыре года, однако подсудимые неоднократно меняли защитников, и уходило немало времени, чтобы новые адвокаты вникли в его суть. Конечно, это не единичный случай, но он лишний раз подтверждает, что с момента при-

¹ СК добился возмещения ущерба от преступлений на 73 млрд рублей в 2018 году: инфор. порт. 2019.1 мар. // URL: <https://tass.ru/proisshествiya/6173934> (дата обращения: 15.05.2019).

² http://zheleznodorozhny.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=123.

чинения реального ущерба потерпевшим от преступлений до возмещения может пройти ни один год.

В такой ситуации наиболее действенным способом защиты интересов потерпевших является добровольное возмещение вреда обвиняемым (подозреваемым) по уголовному делу. На это направлены нормы уголовного, уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст.76.1 УК РФ, ст. 28.1 УПК РФ). Условием прекращения уголовного преследования является возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации в результате налоговых преступлений; ущерба, причиненного гражданину, организации или государству в результате совершения ряда преступлений в сфере экономики (32 состава преступления), а также перечисление в федеральный бюджет денежного возмещения, дохода, полученного в результате совершения преступления в определенной сумме.

Возмещение ущерба является условием прекращения уголовного дела (преследования) и по иным основаниям: в связи с деятельным раскаянием, с примирением сторон, с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Несмотря на существование подобных механизмов, направленных на возмещение ущерба, стимулирование лиц, их совершивших на заглаживание вреда, они не могут обеспечить возмещение ущерба, причиненного преступлениями. Руководитель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин указывал на следующие приоритеты: необходимость совершенствования законодательства о возмещении ущерба, причиненного коррупционными преступлениями, и репарации из-за рубежа капиталов, полученных в результате таких преступлений: «Также необходимо ввести конфискацию имущества в качестве вида уголовного наказания. При этом надо рассмотреть возможность применения конфискации имущества не только обвиняемого, но и имущества, переданного таким лицом по владению иных лиц (членов семьи, совместно проживающих с ним лиц, иным лицам), в том числе прибыли или других выгод, полученных от доходов в результате совершенного преступления»¹.

В соответствии со статьей 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации конфискация имущества предусмотрена только по ряду преступлений наиболее тяжких против личности, коррупционных или совершенных в сфере экономики. При производстве по преступлениям экономической и коррупционной направленности органами расследования необходимо установить обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

¹ <https://sledcom.ru/press/interview/item/1185675>

В настоящее время, так называемая экономическая преступность наоборот, получает одну индульгенцию за другой, что, на наш взгляд, подрывает основной принцип права как равенство всех перед законом. И в условиях экономической нестабильности, когда вопросы пополнения бюджета являются жизненно-важными для обеспечения безопасности государства в законодательство должны быть возвращен такой вид наказания, как конфискация имущества.

Для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия.

Вопрос ограничения прав собственности в публично-правовой сфере в очередной раз стал предметом рассмотрения недавно состоявшегося Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2019 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой»¹.

Конституционный Суд указал, что сохранение ареста на имущество лица, не являющегося обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, в целях обеспечения гражданского иска после вступления приговора в законную силу означает несоразмерное и необоснованное умаление права собственности, не отвечает конституционным критериям справедливости и соразмерности ограничений прав и свобод, не обеспечивает гарантии охраны собственности законом, вытекающие из принципа неприкосновенности собственности, а также гарантии судебной защиты, а потому противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 35 (часть 1) и 46 (часть 1). Таким образом, данным постановлением была устранена правовая коллизия, которая позволяла сохранить арест на имущество до рассмотрения иска в порядке гражданского судопроизводства.

Данное постановление обязывает суд рассмотреть по окончании судебного разбирательства по уголовному делу вопрос об отмене ареста на имущество, если не применена мера уголовно-правового характера как конфискация имущества. Для органов расследования, в чьем производстве находится уголовное дело, это означает необходимость рассмотрения вопроса об отмене ареста на имущество, когда в применении этой меры отпадает необходимость на период предварительного расследования или продлении срока при направлении дела в суд.

¹ Российская газета. Вып. № 94 (7852) от 29 апреля 2019 г.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019)
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2019 г. № 18-П "по делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой"// Российская газета. Вып. № 94 (7852) от 29 апреля 2019 г.
4. Бастрыкин А.И. СК добился возмещения ущерба от преступлений на 73 млрд рублей в 2018 году// инфор. порт. ТАСС 2019.1 мар. (дата обращения: 15.05.2019).
5. Интервью Председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина «Российской газете». – 8 декабря 2017. (дата обращения: 15.05.2019).

**А.Л. Иванов
Я.Н. Ермолович**

К вопросу о субъекте нарушения правил обеспечения качества и безопасности товаров, работ, услуг (ст. 238 УК РФ)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы квалификации производства, хранения, перевозки либо сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, обусловленные характеристиками субъекта преступления, предлагаются пути решения выявленных противоречий действующего законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, защита прав потребителей, преступления против здоровья населения и общественной нравственности, производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Согласно данным Следственного комитета Российской Федерации, в 2016 г. возбуждено 5519 уголовных дел по признакам преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, 4432 дела было направлено в суд¹.

Анализ следственной и судебной практики по применению ст. 238 УК РФ показывает отсутствие единого подхода среди правоприменителей в понимании сути уголовно-правового запрета и применения на практике положений уго-

¹ Статистические отчеты СК России: № 2-Е «Сведения о рассмотрении следственными органами Следственного комитета Российской Федерации сообщений о преступлении», № 1-Е «Сведения о следственной работе следственных органов Следственного комитета Российской Федерации» за 2015, 2016 годы. По материалам отдела статистики ГОИУ СК России.

ловного закона. К одной из таких проблем можно отнести определение субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ¹.

В теории уголовного права вопрос, связанный с отнесением лица, исполняющего обязанности по предоставлению (оказанию) безопасных для жизни и здоровья услуг в соответствии с трудовым договором, является дискуссионным и окончательно не разрешен. Например, по мнению А. В. Бриллиантова, субъект данного преступления общий, однако, как правило, им являются руководители предприятий, выполняющих работы или оказывающих услуги потребителям, индивидуальные предприниматели; сотрудники контролирующих органов, выдающих официальные документы, удостоверяющие соответствие товаров, работ и услуг требованиям безопасности и др.²

Такая точка зрения не является распространенной и, если и принимается, то с оговорками. Так А. И. Чучаев полагает, что «субъектом производства, хранения, перевозки или сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, а также субъектом неправомерного использования официального документа, удостоверяющего соответствие товаров, работ или услуг требованиям безопасности, может быть любое лицо по достижении возраста 16 лет, выступающее в качестве собственника или руководителя коммерческой организации (независимо от формы собственности и организационно-правовой формы), индивидуальные предприниматели и даже лица, не зарегистрированные в качестве индивидуального предпринимателя (но такое лицо не может быть субъектом неправомерного использования официального документа, удостоверяющего соответствие товаров, работ или услуг требованиям безопасности)»³.

Напротив, ученые-авторы комментария к Уголовному кодексу Российской Федерации (отв. ред. В. М. Лебедев)⁴ и многие другие ученые (С. В. Дьяков, Н. Г. Кадников, В. Т. Тomin), придерживаются иной точки зрения, согласно которой субъектом рассматриваемого преступления следует считать не только руководителей или ответственных лиц за качество выпускаемой или продаваемой продукции, предоставляемых услуг предприятия, учреждения, организации в том числе и частных предпринимателей, но и также лиц, непосредственно реализующих товар, выполняющих работы, оказывающих услуги.

В соответствии с рекомендациями Генеральной прокуратуры РФ, которая неоднократно изменяла правовую позицию относительно определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, таковым является физическое

¹ См., напр.: Бастрыкин А.И. Основные направления деятельности Следственного комитета Российской Федерации в 2018 году // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4. С. 9-12.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Бриллиантов А.В., Долженкова Г.Д., Иванова Я.Е. и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2010. 1044 с.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. М., 2012. 624 с.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 3. Особенная часть. Раздел 9 / В. М. Лебедев и др.; отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2017. 298 с.

вменяемое лицо, ответственное в том числе за производство, хранение или перевозку либо сбыт товаров и продукции, осуществление работ либо оказание услуг и т. д., при этом к таким «ответственными» лицам причислялись и лица, не являющиеся руководителями организаций, и непосредственно оказывающие услуги гражданам¹.

На наш взгляд, по смыслу закона, субъектом преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, являющееся преимущественно руководителем, либо ответственным за надлежащее качество выпускаемых или продаваемых товаров (продукции) предприятий, учреждений или организаций любой формы собственности, в том числе и индивидуальные предприниматели. Также к субъектам данного преступления необходимо относить и лиц, непосредственно реализующих товар, выполняющих работы, оказывающих услуги.

Как следует из сравнительного анализа диспозиций основного и квалифицированных составов рассматриваемой статьи, обстоятельства, связанные с ответственностью руководящих лиц, которые обязаны соблюдать специальные правила производства, выполнения работ или услуг в соответствии со служебными (организаторскими) функциями в отличие от общей (профессиональной) обязанности виновного, отдельной уголовно-правовой оценки не получили. При этом очевидно, что ответственность за одни и те же нарушения должна быть более строгой для лиц, которые обязаны соблюдать специальные правила в силу реализации своих служебных (руководящих, организаторских) функций, по сравнению с общими (профессиональными) обязанностями работников по производству, хранению, сбыту товаров и продукции, выполнению работ или оказанию услуг. Данное положение, однако не получило своего развития в следственной и судебной практике.

Так, у практических работников доминирует позиция, согласно которой привлекаемое лицо не обязательно должно занимать должность руководителя организации. Например, обвинительные приговоры Советского районного суда г. Махачкалы от 4 октября 2016 г. по делу № 1-675/2016 и Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 17 ноября 2016 г. по делу № 1-478/2016 вынесены в отношении водителей маршрутных автобусов, оказывающих услуги в соответствии с трудовыми договорами (контрактами). Подобная практика складывается во многих регионах России и свидетельствует о возможности привлечения к ответственности непосредственного продавца товара или исполнителя услуги.

Изучение судебной практики Дальневосточного федерального округа также подтверждает правомерность привлечения к ответственности по ч. 1 ст. 238 УК РФ лиц, непосредственно реализующих товар, выполняющих работы, обязанных оказывать безопасные для жизни и здоровья услуги в соответствии с трудовым договором.

Так, приговором Центрального районного суда г. Комсомольск-на Амуре от 7 декабря 2011 г. К. был осужден по ч. 1 ст. 238 УК РФ за то, что являясь по-

¹ Методические рекомендации Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 22.09.2005 г. № 36-12-05.

мощником капитана (работником по трудовому договору) управлял теплоходом в состоянии алкогольного опьянения, чем создал угрозу причинения вреда жизни и здоровья пассажиров. Аналогично приговором Комсомольского районного суда от 21 декабря 2012 г. помощник капитана (работник по трудовому договору) Щ. был осужден по ч. 1 ст. 238 УК РФ за то, что являясь первым помощником механика теплохода, в состоянии алкогольного опьянения управлял судном, создавая угрозу жизни и здоровья пассажиров. В 2017 г. прокурором Хабаровского гарнизона в суд для рассмотрения по существу направлено уголовное дело по обвинению К. в совершении семи преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 238 УК РФ, и преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ. К., занимая должность начальника АТСК ДОСААФ, вопреки правилам обеспечения безопасности воздушных перевозок вел предпринимательскую деятельность без получения лицензии на ее осуществление. В целях осуществления предпринимательской деятельности он заключал договоры на воздушные перевозки с хозяйствующими субъектами, после чего допускал небезопасную эксплуатацию воздушных судов, а летчики, не осведомленные о преступности его указаний, выполняли эти указания в рамках осуществления ими своих трудовых обязанностей.

Таким образом, полагаем, что по смыслу ч. 1 ст. 238 УК РФ во взаимосвязи с разъяснениями, изложенными в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» субъектом преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ является лицо, достигшее возраста, с которого наступает уголовная ответственность, и фактически умышленно осуществляющее производство либо сбыт товаров и услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей. При этом для квалификации действий лица, производшего и (или) сбывшего такие товары и услуги принадлежность предмета, орудий и средств преступления значения не имеет. Таким образом, вопрос об уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ работников хозяйствующих субъектов должен решаться с учетом их осведомленности об опасности производимых товаров и оказываемых услуг для потребителей¹.

Позиция Следственного комитета Российской Федерации по этим вопросам подробно и аргументированно изложена в информационном письме № 24-14-14 (2014 г.) о практике возбуждения и расследования уголовных дел о преступлениях в сфере реализации продуктов питания, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей. Также данные вопросы освещались в методических рекомендациях, подготовленных Главным управлением процессуального контроля Следственного комитета РФ.

Повышенная ответственность за качество производимых товаров, выполняемых работ и оказываемых услуг, возлагаемая на руководителей организаций, могла бы быть закреплена в рассматриваемой статье путем введения в нее в ка-

¹ См. также: Надзорное определение Верховного Суда РФ от 30.08.2007 г. по делу 12-Дп07-11, Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Белгородского областного суда от 06.06.2012 г.

честве обстоятельства, отягчающего наказание, квалифицирующего признака, отражающего совершение вышеуказанных противоправных действий лицами в силу своих служебных функций.

В подтверждение сказанного можно привести конкретные решения судов. Так, 8 сентября 2014 г. Белогорским городским судом вынесен обвинительный приговор в отношении директора МАУ «ОДГПКиО» П., в соответствии с которым он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ (выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, совершенные в отношении товаров, работ или услуг, предназначенных для детей в возрасте до шести лет). Суд назначил П. за совершенное им преступление наиболее мягкое наказание в виде штрафа, ниже низшего предела, установленного санкцией ч. 2 ст. 238 УК РФ, который тот выплатил в рассрочку за три месяца.

Как установлено в ходе судебного заседания с 29 мая 2012 г. по 8 июня 2013 г. П. в нарушение требований ст. 7 ФЗ РФ «О защите прав потребителей», осознавая противоправный характер и общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения требований, обеспечивающих безопасность жизни и здоровья потребителей, не желая наступления данных последствий, но сознательно допуская эти последствия, оказывал услуги, не отвечающие требованиям безопасности для жизни и здоровья потребителей на территории городского парка культуры и отдыха г. Белогорска, организовав эксплуатацию 14-ти аттракционов с нарушениями обязательных для исполнения требований государственных стандартов и правил. Указанные нарушения привели к причинению вреда здоровью различной тяжести трем гражданам, двое из которых несовершеннолетние.

Кроме того, П. поставил под угрозу жизни и здоровье сотен людей, среди которых большинство было несовершеннолетними, однако назначенное ему уголовное наказание явно не отражает степень общественной опасности содеянного.

Изучение следственной и судебной практики в рассматриваемой сфере показывает, что в большинстве случаев из-за недооценки законодателем характера общественной опасности данного деяния, виновные лица приговариваются к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Приговоры, в соответствии с которыми виновные отбывают реальные сроки наказания, чрезвычайно редки (например, к четырем годам лишения свободы по ч. 2 ст. 238 УК в 2007 г. Бутырский суд г. Москвы приговорил генерального директора компании-владельца аттракциона «Сюрприз» С., аналогичное наказание по ч. 2 ст. 238 УК РФ вынес в 2008 г. Хилокский районный суд (Читинская область) в отношении владельцев аттракциона «Батут» А. и Л.

Аналогичным образом следует решать вопрос и об ответственности лиц, осуществивших неправомерные выдачу или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности. Как показывает следственная и судебная практика, во многих случаях вышеуказанные деяния совершаются должностными лица-

ми, в связи с чем возникает конкуренция ст. 238 УК РФ и статей гл. 30 УК РФ, предусматривающих ответственность за должностные преступления.

В таких случаях, исходя из положений ч. 3 ст. 17 УК РФ, состав преступления, предусмотренный в ст. 238 УК РФ, может выступать как специальная норма по отношению, например, к составу преступления, предусмотренному в ст. 286 УК (превышение должностных полномочий), однако для этого в ст. 238 УК РФ должны быть внесены соответствующие изменения, учитывающие вышеуказанное обстоятельство, т. е. совершение противоправных деяний лицом с использованием служебного положения.

С учетом высказанных выше аргументов предлагается внести в ч. 2 ст. 238 УК РФ дополнительный квалифицирующий признак о совершении преступления лицом, с использованием своего служебного положения либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации с использованием своих полномочий.

Также представляется, что законодатель необоснованно ограничил санкции ч. 3 ст. 238 УК РФ двумя видами наказаний, из которых оба являются основными. По нашему мнению, в санкции ч. 3 ст. 238 УК РФ необходимо предусмотреть штраф в качестве дополнительного наказания.

Необходимость применения штрафа за производство, хранение либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности может обосновываться тем, что, во-первых, карательный эффект штрафа по сравнению со многими другими видами наказаний, с учетом характера охраняемых уголовным законом общественных отношений, гораздо более весом, во-вторых, является очевидным преимуществом в экономическом плане — увеличится приток денежных средств за счет уплаты штрафов и одновременно снизятся расходы на содержание осужденных к лишению свободы.

Также предлагается ужесточить ответственность за данное преступление путем установления нижнего предела сроков лишения свободы.

Что же касается вопроса, связанного с соотношением уголовно-правовых мер и мер административного воздействия в рассматриваемой сфере, то в данном случае необходимо отметить следующее. Для привлечения лица к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, необходимо в статье закона предусмотреть факт создания непосредственной опасности для жизни или здоровья потребителей, что и является основным критерием разграничения составов административного правонарушения и преступления.

В связи с неоднозначно складывающейся следственно-судебной практикой расследования и рассмотрения дел о рассматриваемых преступлениях признак опасности реализуемой продукции подлежит доказыванию экспертным путем. Действующая редакция ст. 144 УПК РФ позволяет в настоящее время осуществлять установление данных обстоятельств на стадии проверки сообщения о преступлении, в связи с чем не требуется внесения существенных изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство.

Относительно возможности применения положений уголовного законодательства о малозначительности при совершении преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, следует отметить, что сама формулировка ст. 238 УК РФ не позволяет применить ч. 2 ст. 14 УК РФ, поскольку такие действия могут представлять реальную опасность для жизни и здоровья человека, относимых законодательством РФ к наиболее ценным охраняемым объектам уголовного закона.

Е.Ю. Казачек

**К вопросу о злоупотреблении правом не свидетельствовать
против себя, как способе противодействия предварительному
расследованию (вопросы теории и практики)**

Аннотация. В статье рассматриваются основные вопросы устранения противодействия, возникающего в ходе предварительного расследования в ходе реализации участниками процесса права, предоставленного ст. 51 Конституции РФ. Анализируются ошибки, допускаемые следователями при злоупотреблении правом участниками процесса не свидетельствовать против себя и своих близких. Основываясь на анализе следственной и судебной практике предлагается алгоритм по преодолению такого противодействия.

Ключевые слова: предварительное расследование, следователь, уголовное дело, статья 51 Конституции РФ, противодействие предварительному расследованию, злоупотребление правом, допрос, процессуальный порядок, отказ от дачи показаний.

Ряд правоведов России уделили немало своего внимания проблеме противодействия расследованию, а в последнее время указанная проблема приобрела особенную актуальность и остроту. И если раньше под противодействием расследованию понимали преимущественно различные формы и способы сокрытия преступлений, то теперь это понятие наполнилось более широким содержанием и может быть определено как умышленная деятельность с целью воспрепятствовать расследованию.

Следует отметить таких известных авторов как Белкин Р.С., Баев О.Я. и многих других, занимающихся изучением проблемы противодействия¹. Обязательно следует назвать специально посвященную этой теме докторскую диссертацию Карагодина В.Н. «Преодоление противодействия предварительному расследованию»².

С точки зрения Карагодина В.Н., которую он высказывает в своей диссертации, противодействие предварительному расследованию - это «умышленные

¹ Белкин Р.С., «Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами» //Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции органом предварительного расследования / Под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М., 1997 - с.67.

² Карагодин В.П., «Преодоление противодействия предварительному расследованию». дис... на соискание доктора юридических наук. Свердловск, 1992.

действия (или система действий), направленные на воспрепятствование выполнению задач предварительного расследования и установлению объективной истины по уголовному делу».

Согласно результатам проведенного опроса, за 2 полугодие 2017-2018 учебного года среди слушателей курсов повышения квалификации Пятого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск) ИПК ФГКОУ ВО «Московская академия СК России» – следователи и руководители следственных отделов СУ СК России по ДФО (более 65 человек), противодействие при расследовании преступлений, испытывают все следователи без исключения, а вот преодолеть его удалось только 75%.

Данные опроса определяют целесообразность изучения способов противодействия расследованию с предложением мер по его нейтрализации, на основе анализа приведенных в статье примеров из следственной практики.

Условно назовем такой вид воспрепятствования расследованию - «узаконенным противодействием». То есть речь пойдет не только о конституционной гарантии, но и о злоупотреблении ею, как способе противодействия предварительному расследованию.

Процессуальный порядок проведения допроса предусматривает прежде всего разъяснение прав и обязанностей допрашиваемого лица¹. В частности, разъяснение положений ст. 51 Конституции РФ².

Как это иногда происходит на практике. Следователь, разъясняет положение статьи 51 Конституции РФ следующим образом: «в соответствии со ст. 51 Конституции РФ вы имеете право не свидетельствовать против себя, своих близких и т. д. и отказаться от дачи показаний». То есть, фактически следователь, указывает допрашиваемому лицу каким образом ему следует поступить. При этом, не акцентируя внимание на пределы применения данной нормы и провоцируя при этом сторону на противодействие.

Конституция РФ в ст. 51 устанавливает институт самозащиты любого человека, давая ему возможность не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом.

В то же время ст.ст. 42, 56 УПК РФ установлены запреты для указанных участников процесса на отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний. Возникает вопрос: в каких случаях отказ потерпевшего или свидетеля от дачи показаний, то есть использование иммунитета, предоставляемого Конституций РФ, невозможен. Уточним, что за рамками этого вопроса осталась ситуация, при которой потерпевший или свидетель дают заведомо ложные показания (данные действия никак не соотносятся с положениями Конституции РФ предполагают возможность привлечения к ответственности по ст. 307 УК РФ, в

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Правовая система «Гарант».

² Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета, выпуск от 25 декабря 2003 года.

то время как отказ от дачи показаний влечет ответственность по ст. 308 УК РФ).

С точки зрения практики, на наш взгляд, все факты процессуального противодействия, в том числе отказа от дачи показаний, можно разделить на правомерные и неправомерные.

Остановимся на неправомерных отказах. Согласно постановлению следователя И., был признан потерпевшим по уголовному делу. Перед допросом ему были разъяснены права и обязанности, в том числе он был предупрежден об уголовной ответственности по ст.ст. 307, 308 УК РФ, о чем он собственноручно расписался в протоколе допроса. Однако И. отказался от дачи показаний в отношении обвиняемой, хотя она не являлась ему супругой или другим близким родственником, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ, заявив о занесении своего отказа в протокол допроса. То есть потерпевший И. не выполнил свою процессуальную обязанность давать правдивые показания по уголовному делу¹.

Противодействие в виде отказа от дачи показаний оправдывается участником процесса самими обстоятельствами дачи этих показаний. Для лица, которое производит расследование, это всегда порождает дополнительные трудности. Так, например, свидетель С., располагая сведениями о преступных действиях П., который не является его близким родственником, отказался от дачи свидетельских показаний, сославшись на ст. 51 Конституции РФ. И уже, будучи допрошенным в качестве подсудимого в судебном заседании, он свою вину в совершении преступления не признал, пояснив, что следователь не разъяснил ему последствия отказа от дачи показаний, равно как и не обозначил круг лиц, в отношении которых он вправе не давать показания. Кроме этого, следователь не разъяснял ему об ответственности, предусмотренной ст.ст. 307, 308 УК РФ. Когда он подписывал протокол, то о своих правах как свидетеля не читал, так как не считал это нужным. На самом же деле, отказ от дачи показаний был обусловлен тем, что он не хотел вмешиваться в дело и считал, что П. должен сам решить свои проблемы².

Нередки случаи, когда лица, отказываясь от дачи показаний, в качестве причины указывают поведение следователя. Так, например, в ходе судебного заседания, подсудимый З. вину в совершении преступления, предусмотренного ст. 308 УК РФ, не признал и сообщил суду, что, следователь, осуществляя его допрос в качестве свидетеля по уголовному делу, возбужденному по ч. 4 ст. 264 УК РФ, оказывал на него психическое давление, угрожая привлечением к уголовной ответственности за дачу ложных показаний, вел себя грубо и некор-

¹ Приговор мирового судьи судебного участка Краснохолмского района Тверской области от 10.06.2017 по делу № 1-33/17//архив суда Краснохолмского района Тверской области от 10.06.2017/

² Приговор мирового судьи судебного участка № 4 Центрального административного округа г. Тюмени от 15.07.2013 по делу № 1-111-2013/4м) //архив суда г. Тюмени /.

ректно. именно такое поведение следователя послужило причиной отказа давать показания¹.

В некоторых случаях для придания законности отказу от дачи показаний используется ст. 307 УК РФ (ложные показания).

Приведенные ситуации представляют собой относительно простые примеры противодействия, но в то же время они указывают на конкретные способы его преодоления.

Прежде всего, лицу перед началом допроса должны быть разъяснены права и обязанности свидетеля или потерпевшего. В том числе положения ст. 51 Конституции РФ. При получении отказа, факт отказа от дачи показаний в обязательном порядке должен быть зафиксирован в протоколе следственного действия. При этом не важно, указана ли причина отказа.

Отметку об отказе от дачи показаний может выполнить как допрашиваемое лицо, так и следователь. Если же допрашиваемое лицо просто отказывается от ознакомления с содержанием протокола и его подписания, следователь вносит соответствующую запись в протокол в соответствии с положениями ст. 167 УПК РФ. Однако с целью формирования доказательственной базы по преступлению, предусмотренному ст. 308 УК РФ, факт отказа от дачи показаний фиксируется в присутствии понятых².

Кроме того, нужно иметь в виду, что в ходе предварительного расследования допросу также подлежат подозреваемые и обвиняемые лица.

Как правило, следователи, получив отказ от дачи показаний в связи с реализацией положений ст. 51 Конституции РФ прекращают допрос, тем самым оставляя не выясненным позицию подозреваемого/обвиняемого по всем вопросам допроса. Тем самым провоцируя подозреваемого/обвиняемого на злоупотребление конституционным правом, а значит и на противодействие предварительному расследованию.

В этой ситуации, можно использовать следующий тактический прием: подозреваемому/обвиняемому последовательно задаются вопросы и следователь, либо получает ответ на поставленный вопрос, либо заявление об отказе от дачи показаний (ст. 51 Конституции РФ) по конкретному вопросу, что само по себе в дальнейшем прямо укажет, на какой именно вопрос и относительно чего человек отказался отвечать.

В завершение хотелось бы привести несколько практически значимых выводов-рекомендаций по исключению возможного злоупотребления правом не свидетельствовать против себя, закрепленного в положениях ст. 51 Конституции РФ и преодолению противодействия со стороны свидетеля или потерпевшего в виде необоснованного отказа от дачи показаний. Прежде всего, следователю необходимо не только зафиксировать в протоколе факт разъяснения допрашиваемому прав, предусмотренных ст. 51 Конституции РФ, а также прав и

¹ Приговор мирового судьи судебного участка № 169 Орехово-Зуевского района Московской области от 17.01.2014 по делу № 1-3/2014) //архив суда Орехово-Зуевского района Московской области /.

² Приговор мирового судьи судебного участка № 56 района имени Лазо Хабаровского края от 05.03.2012 по делу № 1-2/2012) //архив суда района имени Лазо Хабаровского края /.

обязанностей, предусмотренных ст.ст. 46 и 56 УПК РФ, но и предложить допрашиваемому изложить причину отказа, так как в дальнейшем на основе этого можно будет сделать вывод о правомерности или неправомерности применения иммунитета конституционной гарантии, предусмотренной ст. 51 Конституции РФ. Что касается допроса подозреваемого/обвиняемого, то следовательно необходимо более тщательно подготовиться к допросу, подобрать соответствующие приемы, в том числе направленные на предотвращение противодействия с целью исключения злоупотребления конституционным правом.

Список использованных источников

1. Белкин Р.С., «Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами» //Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции органом предварительного расследования / Под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М., 1997.
2. Карагодин В.П., «Преодоление противодействия предварительному расследованию». дис... на соискание доктора юридических наук. Свердловск, 1992.
3. Комментарий к Конституции Российской Федерации (под общ. ред. Л.В. Лазарева). - ООО "Новая правовая культура", 2009 г.

**Е.А. Киселёв
Т.В. Осипова**

К вопросу совершенствования деятельности следственных органов по расследованию уголовных дел о нераскрытых преступлениях прошлых лет

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы, с которыми сталкиваются следователи при расследовании уголовных дел о преступлениях прошлых лет. Выявляются ошибки, допускаемые следователями при расследовании данной категории дел. Основываясь на анализе следственной практики делается обоснованный вывод о наличии проблем при расследовании данной категории дел.

Ключевые слова: нераскрытое преступление, преступление прошлых лет, первоначальные следственные действия, недостатки в работе следователей, расследование преступлений.

Одним из важнейших направлений работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации является деятельность по раскрытию и расследованию преступлений, совершенных в прошлые годы¹. Как и любая следственная работа данная деятельность осуществляется в соответствии со

¹ Багмет А.М., Хмелева А.В. Расследование преступлений прошлых лет как реализация принципов законности и справедливости в деятельности следственного комитета российской федерации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 2 (37). С. 262-272.

статьей 13 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ "О Следственном комитете Российской Федерации" и пунктом 43 Положения о Следственном комитете Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 14.01.2011 № 38 "Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации". И как особый вид деятельности организована в соответствии с приказом от 31 июля 2014 г. № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет»¹.

Рассматривая проблемы, влияющие на качество предварительного следствия по делам о преступлениях так называемых – прошлых лет можно выделить следующие.

Одной из них является неквалифицированное производство первоначальных следственных действий. При этом, среди факторов, которые могли повлиять на возможность раскрытия и расследования преступлений прошлых лет можно выделить следующие характерные ошибки следователей.

К первой группе ошибок можно отнести ошибки, допускаемые при производстве такого первоначального следственного действия, как осмотр места происшествия. Следователями не изымается при производстве осмотра места происшествия одежда трупа, что впоследствии делает невозможным производство соответствующих криминалистических исследований, в том числе обнаружение и исследование микрочастиц, следов орудий преступления и т.д.

К примеру, при производстве медицинской судебной экспертизы следователями ставятся вопросы о наличии на теле трупов следов волочения, и в то же время не исследуется одежда с целью обнаружения следов, форма и локализация которых свидетельствует о перемещении трупа.

В качестве примера можно привести уголовное дело № 113702, расследованное Следственным отделом по Железнодорожному району г. Хабаровска расследовалось уголовное дело №113702, возбужденное 19.01.09 г. по ч. 4 ст.111 УК РФ по факту обнаружения 17.01.09 во дворе д.24 квартала ДОС в г². Хабаровске трупа неустановленного мужчины с признаками насильственной смерти. Осмотр места происшествия проводил старший следователь вышеназванного отдела. В ходе осмотра места происшествия не конкретизировано место обнаружения трупа, осмотру подвергался лишь участок местности, на котором был обнаружен труп Потерпевшего, прилегающая территория не осматривалась. Рядом с трупом была обнаружена норковая шапка, на кистях рук трупа обнаружены перчатки. Однако, согласно протоколу осмотра места происшествия, данные предметы одежды изъяты не были. Кроме того, в ходе осмотра места происшествия следователем вообще какие-либо следы, предметы не изымались. Протокол составлен на одном листе.

Ко второй группе ошибок, а скорее не дисциплинированности следователя на первоначальном этапе работы по уголовному делу можно отнести не желание

¹ Приказ от 31 июля 2014 г. № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет» Сборник основных приказов, распоряжений и указаний Председателя Следственного комитета Российской Федерации за 2013-2014 гг. Москва 2015, с. 283-287.

² Контрольное производство по уголовным делам (Архив СУ СК РФ по Хабаровскому краю).

производить первоначальные следственные действия, требующих разрешения суда. Такие как, обыски по месту жительства или временного нахождения подозреваемого. Так, по уголовному делу №323816, возбужденному 30.06.2008 г. по факту обнаружения трупа Мартыновой И.А. в силосной яме вблизи с. Таежное Хабаровского района, уже на первоначальном этапе расследования были установлены заподозренные в совершении данного преступления Конькова и Ли¹. Следователем, в производстве которого находилось уголовное дело, в суде были получены разрешения на производство обысков по месту проживания указанных лиц. Однако, по неизвестным причинам ни следователем возбуждившем уголовное дело, ни другими следователями, в чьем производстве находилось уголовное дело, обыски у Коньковой и Ли не были произведены, в то время как необходимость в их производстве была очевидной. До настоящего времени доказательства причастности Коньковой и Ли не собраны, расследование приняло затяжной и волокитный характер. По делу собраны доказательства, косвенно свидетельствующие о причастности Авершина, однако, достаточных доказательств, его вины не собрано, преступление остается не раскрытым.

К следующей группе ошибок можно отнести не назначение либо несвоевременное назначение экспертизы, неправильное определение очередности назначения экспертиз. Крайне редко используются в доказывании по уголовным делам некоторые виды экспертиз, такие как почвоведческие, экспертизы объектов растительного происхождения и ботанические экспертизы, которые способствуют установлению причастности лиц к совершению преступлений.

Также одним из примеров, когда производство почвоведческой экспертизы могло бы способствовать доказыванию причастности виновного лица, является уголовное дело, расследованное следственным отделом по Хабаровскому району, возбужденное по факту обнаружения в лесном массиве трупа Сувак с признаками насильственной смерти. На первоначальном этапе расследования был установлен подозреваемый в совершении данного преступления, на обуви которого могла остаться почва с места преступления. Однако следователем обувь не изымалась, экспертиза не назначалась. В результате непринятия мер к назначению указанной экспертизы и иных просчетов в расследовании вина подозреваемого так и не была доказана.

Крайне мало следователями используется возможность составления субъективных портретов по названной категории дел.

Проблемой неквалифицированного производства по уголовным делам прошлых лет также можно назвать проведение поверхностных допросов. Следователи зачастую не выясняют при допросах участников уголовного судопроизводства всех деталей, связанных с исследуемым событием, не конкретизируют показания, не задают уточняющих вопросов. Наиболее «болезненным» при расследовании уголовных дел становятся поверхностные допросы подозреваемых лиц, отрицающих свою причастность к совершенному преступлению².

¹ Контрольное производство по уголовным делам (Архив СУ СК РФ по Хабаровскому краю).

² Карагодин В.Н. Криминалистическое учение о преодолении противодействия расследованию // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4 (9). С. 241-252.

Как правило все вышеперечисленные недостатки в работе, в совокупности с иными упущениями и волокитой при расследовании не позволяют раскрыть преступление по «горячим следам», установить виновных лиц и собрать доказательства их причастности. Расследование принимает затяжной характер и переходит в разряд категории прошлых лет.

Зачатую допущения нарушений законных прав участников уголовного судопроизводства, также приводят к тому, что преступления не раскрываются. Среди таких нарушений наиболее часто встречаются: не установление родственников погибших и непризнание их потерпевшими (значительная часть уголовных дел) и примером таких нарушений может служить уголовное дело № 924223, возбужденное 02.06.2008 г. по признакам преступления, предусмотренного ч.1 ст.105 УК РФ, по факту обнаружения трупа военнослужащего Нурахмедова М.Э¹. Расследование по делу проводили следственного отдела по г. Бикин и и.о. руководителя следственного отдела, которые не приняли никаких мер к установлению родственников погибшего, в то время как особых сложностей не было, поскольку его личность была установлена, а в войсковой части имелось личное дело.

Не ознакомление родственников с постановлениями о назначении экспертиз, заключениями экспертов, соответственно лишение права заявлять ходатайства, не уведомление о принимаемых по результатам расследования процессуальных решениях, соответственно лишение их права обжаловать данные решения.

Все вышеперечисленные недостатки в работе следователей, связанных с производством первоначальных следственных действий, в совокупности с иными упущениями и волокитой при расследовании уголовных дел не позволяют раскрыть преступление по «горячим следам», установить виновных лиц, а также собрать доказательства их причастности.

В процессе доказывания лицо, производящее расследование по уголовному делу, должно выяснить, что же произошло на самом деле, и чем раньше это лицо будет владеть заключением эксперта с криминалистически значимой информацией, которая свидетельствующей о совершении преступления, тем раньше будет установлена объективная истина по уголовному делу².

В научной литературе отмечается, что одной из главных проблем затрудняющих расследование уголовных дел относящихся к категории «преступлений прошлых лет», а также в розыске без вести пропавших лиц остается не эффективное использование следователями информационно-поисковых и аналитиче-

¹ Контрольное производство по уголовным делам (Архив СУ СК РФ по Хабаровскому краю).

² Осипова Т.В. Заключение специалиста на стадии возбуждения уголовного дела-гарант достижения объективной истины Актуальные проблемы юридической науки и судебной практики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции 30-31 мая 2016 г.; Дальневосточный юрид.ин-т МВД России.-Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2016.-151с.

ских систем в расследовании уголовных дел¹. Необходимо отметить, что данное положение также отмечается в руководящих документах Следственного комитета Российской Федерации².

Список использованных источников

1. Багмет А.М., Хмелева А.В. Расследование преступлений прошлых лет как реализация принципов законности и справедливости в деятельности следственного комитета российской федерации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 2 (37). С. 262-272.
2. Карагодин В.Н. Криминалистическое учение о преодолении противодействия расследованию // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4 (9). С. 241-252.
3. Ким Е. П., Киселёв Е. А. Использование криминалистических учетов в розыске безвестно исчезнувших граждан // Противодействие преступлениям, связанным с безвестным исчезновением граждан, и методика их расследования: материалы Междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 20 марта 2015 г.) / под ред. А. И. Бастрыкина. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2015. С. 122–126.
4. Осипова Т.В. Заключение специалиста на стадии возбуждения уголовного дела-гарант достижения объективной истины. Актуальные проблемы юридической науки и судебной практики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции 30-31 мая 2016 г.; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России.-Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2016.-236 с.

А.М. Косенко

О полномочии следователя требовать производства документальных проверок и ревизий

Аннотация. Рассматривается характер (уголовно-процессуальный, административный, неправовой) такого проверочного действия, как требование производства документальных проверок и ревизий, регламентация его процедуры. Обосновывается амбивалентность результатов проверок и ревизий, которые в зависимости от выбранного порядка могут быть данными о признаках преступления и доказательствами по уголовному делу.

Ключевые слова: Возбуждение уголовного дела, полномочие, проверка, ревизия, доказательство.

¹ Ким Е. П., Киселёв Е. А. Использование криминалистических учетов в розыске безвестно исчезнувших граждан // Противодействие преступлениям, связанным с безвестным исчезновением граждан, и методика их расследования: материалы Междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 20 марта 2015 г.) / под ред. А. И. Бастрыкина. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2015. С. 122–126.

² См. например: Решение коллегии Следственного комитета Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 7 «Об организации работы по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет»

Полномочие следователя требовать производства документальных проверок и ревизий неоднозначно понимается как среди теоретиков, так и практиков. Данное полномочие реализуется исключительно в стадии возбуждения уголовного дела и не характерно для более поздних стадий уголовного судопроизводства.

В ранее действовавшем межведомственном правовом акте под ревизией понималась система контрольных действий по документальной и фактической проверке обоснованности совершенных организацией хозяйственных и финансовых операций в ревизуемом периоде или достигнутых результатов ее финансово-хозяйственной деятельности; а под проверкой понималось контрольное действие по определенному кругу вопросов, участку или эпизоду финансово-хозяйственной деятельности ревизуемой организации¹.

Ревизия и проверка являются по сути действиями одного рода, в связи с чем аргументы, касающиеся требования проведения ревизии, справедливы и для требования проведения документальных проверок.

Уголовно-процессуальным действием является требование производства ревизии или проверки, их назначение и проведение нормами уголовно-процессуального закона не предусмотрено.

Ряд авторов обосновывают уголовно-процессуальный характер ревизии, назначаемой по требованию следователя, исходя лишь из того, что само требование проведения ревизии предусмотрено УПК РФ². В науке также высказана точка зрения, в соответствии с которой ревизия имеет комплексную правовую природу, содержащую как административные, так и уголовно-процессуальные элементы³. Доводы сторонников уголовно-процессуального или смешанного характера ревизии обоснованно опровергаются тезисами о том, что «назначение ревизии» и «требование о ее производстве» принципиально разные понятия⁴, «ревизор действует не в уголовном процессе, а в хозяйственной жизни учреждения или предприятия как должностное лицо, выполняющее контрольные функции»⁵, требование о производстве ревизии есть «не что иное, как ис-

¹ Приказ Минфина РФ, МВД РФ, ФСБ РФ от 07.12.1999 № 89н/1033/717 «Об утверждении Положения о порядке взаимодействия контрольно-ревизионных органов Министерства финансов Российской Федерации с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации при назначении и проведении ревизий (проверок)» / Документ опубликован не был. Фактически утратил силу в связи с изданием Указа Президента РФ от 02.02.2016 № 41 «О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере».

² Яшин В.Н., Победкин А.В. Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы. Учебное пособие для ВУЗов. М.: Юнити-Дана. 2002. С.132.

³ Ряполова Я.П. Процессуальные действия, проводимые в стадии возбуждения уголовного дела: правовые, теоретические и организационные основы: Дисс... канд. юрид. наук. М. 2012. С. 124.

⁴ Селина Е.В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ. 2002. С. 27, 32, 127.

⁵ Чельцов М.А., Чельцова Н.В. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат. 1954. С. 65 – 66.

пользование существующего административно-правового института в интересах расследования уголовного дела»¹. В связи с этим, большинство авторов полагают, что назначение и проведение проверок и ревизий являются административными действиями², регулируемые соответствующими ведомственными нормативными правовыми актами.

Действительно, следователь лишь иницирует проведение ревизии или проверки, но не имеет никакого отношения к их проведению. Он взаимодействует с лицом, уполномоченным назначать проведение ревизии или проверки, но не с ревизором или проверяющим.

Некоторые авторы рассматривают требование производства ревизии или проверки как особую разновидность такого процессуального действия как истребование документов³. Такой подход неоднократно подвергался, как кажется, не вполне обоснованной критике, мотивированной тем, что в рамках истребования следователь получает сведения, имеющиеся в распоряжении адресата запроса, последний лишь придает этим сведениям надлежащую форму, а при ревизии и проверке необходимые сведения добываются в результате активной познавательной деятельности⁴. Вместе с тем, не всегда истребуемая информация наличествует на момент поступления запроса. Например, очень часто участковый уполномоченный полиции не знает жителей своего административного участка и, получая запрос следователя о предоставлении характеристики на то или иное лицо, для получения представления о человеке опрашивает его соседей или родственников, изучает сведения о его биографии из полицейских баз данных, после чего составляет характеристику. Следовательно, на момент получения запроса, характеризующие человека сведения, отсутствовали и были получены в результате познавательной деятельности участкового. Однако данное обстоятельство не влечет признание незаконным запроса следователя и, как следствие, полученную характеристику. Таким образом, критерий наличия информации на момент совершения процессуального действия не является в данном случае определяющим, из чего следует, что точка зрения на требование о проведении ревизии или проверки как особый вид истребования, осталась не опровергнутой.

В.В. Белинский и Д.К. Чирков указывают, что в практической деятельности МВД РФ по результатам проверки составляется справка об исследовании, содержащая выводы специалиста⁵, то есть не акт проверки или ревизии, а именно справка об исследовании. В.К. Степанов и Л.Д. Шапиро обосновывают, что ре-

¹ Сергеев Л.А. Ревизия при расследовании преступлений. М.: Юридическая литература. 1969. С. 13.

² Каштанова И.А. Предмет, метод и общая методика судебно-бухгалтерской экспертизы. М. 2006. С.34.

³ Коневец К.С. Способы собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе. Дисс....канд. юрид. наук. Краснодар. 2008. С. 134;

⁴ Яшин В.Н., Победкин А.В. Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы. Учебное пособие для ВУЗов. М.: Юнити-Дана. 2002. С.132.

⁵ Белинский В.В., Чирков Д.К. Некоторые вопросы использования экономических знаний на стадии решения вопроса о возбуждении уголовного дела следователь. 2006. № 9. С. 17-18

визии и документальные проверки представляют собой частный случай использования специальных познаний в деятельности по борьбе с преступностью¹. И.И. Кучеров, проанализировав содержание постановлений о назначении ревизий или экспертиз, установил, что они на практике имеют исключительно незначительные различия, которые, как правило, заключаются исключительно в том, что проведение их поручено различным исполнителям². Аналогичное мнение выразили и другие процессуалисты³.

Действительно, сущностные признаки и механизм инициирования и проведения исследования, ревизии и проверки идентичны. В частности, ревизор выступает в роли лица, обладающего специальными знаниями в области финансово-хозяйственной деятельности предприятий, проводящего исследование этой самой деятельности и дающего по его результатам свое заключение. Разница лишь в том, что объектом исследования являются не представленные следователем материалы, а самостоятельно получаемые ревизором предметы и документы. Одновременно, требование проведения ревизии или проверки без предоставления для исследования каких-либо материалов в данной части сближает его с истребованием.

В силу принципа свободы от принуждения в стадии возбуждения уголовного дела следователь не может принудить к ревизии или проверке ни ревизора или проверяющего, ни тем более проверяемую организацию, поскольку «проведение ревизии либо документальной проверки на предприятии приостанавливает движение товарно-материальных ценностей, склады и иные хранилища опечатываются, бухгалтерская документация изымается либо доступ к ней временно ограничивается, в результате ограничиваются возможности предпринимательской деятельности, то есть ограничивается право, предусмотренное ч. 1 Конституции Российской Федерации⁴». Проведение ревизии или проверки возможно исключительно на добровольных началах.

В государственной сфере ревизии проводятся органами Федерального казначейства в соответствии с постановлением Правительства РФ от 28.11.2013 № 1092 «О порядке осуществления Федеральным казначейством полномочий по контролю в финансово-бюджетной сфере»⁵ и приказом Минфина России от 20.03.2014 № 18н «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой финансово-бюджетного надзора государственной функции по контролю в финансово-бюджетной сфере»⁶. Оба нормативных пра-

¹ Степанов В.К., Шапиро Л.Д. Документальные проверки и ревизии как средства собирания информации в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2006. № 4. С.82-86

² Кучеров И.И. Налоговые преступления (теория и практика расследования): Монография. М.: ООО «ЮрИнфоР-Пресс». 2010. С.138-139

³ Варнавский Д.А. Проверка сообщения о преступлении: генезис и перспектива. Дисс.... канд. юрид. наук. Москва. 2017. С. 106

⁴ Устов Т.Р. Требование о производстве ревизий, документальных проверок как иное процессуальное действие в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Адыгейского государственного университета. 2015. № 2. С. 302

⁵ Собрание законодательства РФ. 09.12.2013. № 49 (часть VII). ст. 6435

⁶ Российская газета. 28 мая 2014 г. № 118.

вовых акта предусматривают обращение Следственного комитета России и других правоохранительных органов в качестве основания для проведения внеплановой ревизии (п. 5 Правил осуществления Федеральным казначейством полномочий по контролю в финансово-бюджетной сфере и п. 26 Административного регламента соответственно). В данном случае обязательность требования о проведении ревизии обеспечена административно-правовым, а не уголовно-процессуальным механизмом, поскольку в отсутствие указанных норм требования следователя оставались бы неисполненными. Аналогичным образом предусмотрены регламенты проведения государственными органами различных проверок.

При этом в науке встречаются предложения закрепить в уголовно-процессуальном законе порядок проведения ревизий и проверок¹, поскольку «наличие ведомственных инструкций не может в должной мере компенсировать отсутствие уголовного процессуального регулирования проведения ревизий, налоговых (документальных) проверок и аудита»². Вместе с тем, данный тезис лишен какого-либо обоснования, а смешивать административную деятельность с уголовным процессом не представляется целесообразным.

Проведение ревизий в отношении частных предприятий и организаций вообще не регулируется законодательством, из чего следует вывод, что такие ревизии носят неправовой характер, могут проводиться в любом порядке, ревизором может выступать любое лицо, в связи с чем их результаты представляют собой не более чем фактические сведения о деятельности предприятия или организации, которые могут служить данными о признаках преступления, но не отвечают критериям доказательства по уголовному делу.

При этом порядок и сроки проведения ревизий бюджетных предприятий и организаций регулируются вышеуказанными нормативными правовыми актами, такие ревизии являются элементом административной деятельности государственных органов, в связи с чем их результаты всецело соответствуют признакам такого доказательства как «иные документы».

Также складывается ситуация с проверками: если она проводится в административном порядке, акт такой проверки может являться доказательством по уголовному делу, если же проверка проводится негосударственным проверяющим в добровольном порядке и в отсутствие правового регулирования, то полученные сведения могут быть лишь данными о признаках преступления.

Проведение ревизий и проверок государственными органами осуществляется в административном порядке, частными лицами – на добровольной основе, в связи с чем употребление глагола «требовать» в части 1 статьи 144 УПК РФ

¹ Галушкин В.И. Правовые и криминалистические аспекты использования ревизий и иных проверок при выявлении и расследовании преступлений в сфере экономической деятельности. Дисс.... канд. юрид. наук. Саратов. 2009. С. 40.

² Белинский В.В. Организационно-правовые формы использования специальных знаний в процессе расследования преступлений // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 7. Сибирский юридический институт МВД России. Красноярск. 2005. С. 293.

применительно к проведению данных действий видится неуместным. Думается, что использование глагола «инициировать» было бы более оправданным.

Из изложенного можно заключить, что ревизия и проверка представляют собой комплексные действия уголовно-процессуального, административного и неправового характера, инициируемые следователем в стадии возбуждения уголовного дела, содержательно соединяющие в себе элементы исследования и истребования, результатом проведения которых в зависимости от выбранного порядка их проведения могут быть как данные, указывающие на признаки преступления, так и доказательства по уголовному делу.

Список использованных источников

1. Белинский В.В. Организационно-правовые формы использования специальных знаний в процессе расследования преступлений // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 7. Сибирский юридический институт МВД России. Красноярск. 2005. 312 с.;
2. Белинский В.В., Чирков Д.К. Некоторые вопросы использования экономических знаний на стадии решения вопроса о возбуждении уголовного дела следователь. 2006. № 9. С. 17-18;
3. Варнавский Д.А. Проверка сообщения о преступлении: генезис и перспектива. Дисс.... канд. юрид. наук. Москва. 2017. 217 с.;
4. Галушкин В.И. Правовые и криминалистические аспекты использования ревизий и иных проверок при выявлении и расследовании преступлений в сфере экономической деятельности. Дисс.... канд. юрид. наук. Саратов. 2009. 300 с.;
5. Каштанова И.А. Предмет, метод и общая методика судебно-бухгалтерской экспертизы. М. 2006. 470 с.;
6. Коневец К.С. Способы собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе. Дисс.... канд. юрид. наук. Краснодар. 2008. 205 с.;
7. Кучеров И.И. Налоговые преступления (теория и практика расследования): Монография. М.: ООО «ЮрИнфоР-Пресс». 2010. 286 с.;
8. Постановление Правительства РФ от 28.11.2013 № 1092 «О порядке осуществления Федеральным казначейством полномочий по контролю в финансово-бюджетной сфере» // Собрание законодательства РФ. 09.12.2013. № 49 (часть VII). ст. 6435;
9. Приказ Минфина России от 20.03.2014 № 18н «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой финансово-бюджетного надзора государственной функции по контролю в финансово-бюджетной сфере» // Российская газета. 28 мая 2014 г. № 118;
10. Приказ Минфина РФ, МВД РФ, ФСБ РФ от 07.12.1999 № 89н/1033/717 «Об утверждении Положения о порядке взаимодействия контрольно-ревизионных органов Министерства финансов Российской Федерации с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Министерством внут-

ренных дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации при назначении и проведении ревизий (проверок)» / Документ опубликован не был. Фактически утратил силу в связи с изданием Указа Президента РФ от 02.02.2016 № 41 «О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере»;

11. Ряполова Я.П. Процессуальные действия, проводимые в стадии возбуждения уголовного дела: правовые, теоретические и организационные основы: Дисс.... канд. юрид. наук. М. 2012. 260 с.;
12. Селина Е.В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ. 2002. 144 с.;
13. Сергеев Л.А. Ревизия при расследовании преступлений. М.: Юридическая литература. 1969. 101 с.;
14. Степанов В.К., Шапиро Л.Д. Документальные проверки и ревизии как средства собирания информации в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2006. № 4. С.82-86;
15. Устов Т.Р. Требование о производстве ревизий, документальных проверок как иное процессуальное действие в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Адыгейского государственного университета. 2015. № 2. С. 300-307;
16. Чельцов М.А., Чельцова Н.В. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат. 1954. 279 с.;
17. Яшин В.Н., Победкин А.В. Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы. Учебное пособие для ВУЗов. М.: Юнити-Дана. 2002. 184 с.

К.А. Костенко

К вопросу о тенденциях модернизации стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе

Аннотация. Последовательное расширение в российском уголовном процессе перечня следственных действий, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела, в условиях ограниченного срока процессуальной проверки, является непреодолимым препятствием для полноценного проведения разрешенных законом следственных действий. В связи с этим, автором обосновывается необходимость внесения изменений в статью 144 УПК РФ, в части установления порядка и условий продления срока проверки сообщения о преступлении свыше 30 суток.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, проверка сообщения о преступлении, процессуальные сроки, продление процессуальных сроков.

Стадия возбуждения уголовного дела в Российском уголовно-процессуальном законодательстве (далее также УПК РФ) или как ее еще называют стадия проверки сообщения о преступлении рассматривается, как неотъемлемая часть процессуальной деятельности органов предварительного расследования направленная на сбор сведений, необходимых для принятия законного

и обоснованного процессуального решения о возбуждении уголовного дела или иного решения, предусмотренного частью 1 статьи 145 УПК РФ, проводимая в установленные законом сроки.

Исследуя исторический аспект становления стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе, необходимо заметить, что проверка сообщения о преступлении, как самостоятельная стадия появилась только с принятием УПК РСФСР 1960 года и была регламентирована статьями 109-116 УПК РСФСР. При этом мы увидим, что как и в действующем УПК РФ, срок принятия решения по сообщению о преступлении составлял трое суток, а в исключительных случаях только десять, а часть вторая статьи 109 УПК РСФСР запрещала производство следственных действий, за исключением истребования необходимых материалов и получения объяснений.

На наш взгляд, в условиях запрета производства в ходе проверки сообщения о преступлении следственных действий, максимальный срок для принятия решения - 10 суток, представлялся вполне достаточным и обоснованным!

Изучая дальнейший путь рассматриваемый стадии, мы увидим, что принятый в 2001 году УПК РФ, в статье 144 не предусматривал перечня следственных или иных процессуальных действий, производство которых разрешено до возбуждения уголовного дела. Как и в УПК РСФСР (в части 2 ст. 178), так и в части 2 ст. 176 УПК РФ законодатель прописал возможность проведения в неотложных случаях только осмотра места происшествия.

В дальнейшем, следственная практика требовала от законодателя расширения полномочий на стадии проверки сообщения о преступлении. Особенно актуальным, вставал вопрос рассмотрения сообщений об экономических преступлениях. В связи с чем, в 2003 году законодатель в части 3 ст. 144 УПК РФ впервые указал о возможности проведения конкретных действий до возбуждения уголовного дела, а именно документальных проверок и ревизий.

Последующее развитие стадии возбуждения уголовного дела, с практической точки зрения, указывало о необходимости дополнения статьи 144 дополнительными инструментами. В условиях повышающихся требований к законности принимаемых решений о возбуждении уголовного дела и его отказе, потребности в увеличении объема возможных следственных действий до возбуждения уголовного дела постепенно увеличивались.

Так, в 2008 году к осмотру места происшествия добавился осмотр трупа и освидетельствование, далее в 2010 году появилась возможность давать органу дознания письменные поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий, а с 2013 года спектр разрешенных процессуальных действий включил в себя также: получение объяснения и образцов для сравнительного исследования, истребование и изъятие предметов и документов, их осмотр, назначение и производство судебной экспертизы, включая принятия участие в ней.

Одновременно в ч. 1 ст. 144 УПК РФ заложено некое правило - получения заключения эксперта в разумный срок. Однако на практике, данное правило оказалось декларативным, в силу того, что законодатель не конкретизировал, непосредственно кого оно касается.

Наряду, с расширением перечня следственных действий, производство которых возможно на стадии возбуждения уголовного дела, пересмотрен срок проверки сообщения о преступлении.

Как уже отмечалось, еще в 2003 году в часть 3 ст. 144 УПК РФ внесены изменения, которые разрешили при необходимости проводить до возбуждения уголовного дела документальные проверки или ревизии и тогда же законодатель только для производства этих действий разрешил по ходатайству следователя и дознавателя продлять срок проверки у прокурора до 30 суток.

Действия законодателя были понятны, практически через один год с момента действия УПК РФ, стал очевидным и основанным на практике факт, невозможности уложиться в десятисуточный срок в случае производства документальных проверок и ревизий, а в 2010 году в качестве оснований для продления срока процессуальной проверки до 30-ти суток законодатель определил также необходимость исследования документов, предметов, трупов.

С 2013 года перечень процессуальных действий, позволяющих продлить срок проверки до 30 суток дополнился случаями производства судебных экспертиз, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Предоставление законодателем широких полномочий производства следственных действий на стадии проверки сообщения о преступлении, по мнению автора, ставит под сомнение достаточность тридцати суточного срока для проведения такой проверки, например при реализации комплекса разрешенных до возбуждения уголовного дела следственных действий в целом или проведения судебной экспертизы в частности.

Между тем, на общий срок проверки влияет немало факторов, что следует проиллюстрировать.

Так, В.М. Тарзиманов в ходе своего диссертационного исследования установил, что имеют место случаи, когда в силу бюрократических проволочек в органах внутренних дел, материалы проверок с сообщениями о преступлении до конкретного исполнителя доходили только на 6-7 день, а то и позже. В силу этого 83% сотрудников ОВД неоднократно выносили постановления о продлении срока проверки, в том числе и «задним числом»¹.

Однако следует подчеркнуть, что бюрократические проволочки с прохождением документооборота должны решаться исключительно ответственными ведомствами, и какие-то законодательные послабления в продлении сроков проверки, здесь не приемлемы!

Поэтому, наиболее серьезной проблемой является невозможность выполнить те или иные процессуальные действия в отведенный законодателем срок проверки. На эту проблему, в том числе также обратил внимание и В.М. Тарзиманов, справедливо указывая о том, что в законе необходимо перечислить обстоятельства, при которых возможно продление срока до 10 суток, учитывая, что такие обстоятельства перечислены для продления срока до 30 суток². Но разви-

¹ Тарзиманов В.М. Процессуальные аспекты проведения проверки сообщения о преступлении: дис. ... канд. юрид. наук / Челябинск. 2014. - С. 56.

² См.: там же С. 56-59, 74.

тие данного вопроса должно идти дальше, и мы постараемся объяснить, почему?

«Несмотря на строгую регламентацию процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве их проблема порождает немало дискуссионных вопросов, как в юридической науке, так и в ходе осуществления практической уголовно-процессуальной деятельности»¹.

Между тем, не во всех случаях УПК может устанавливать определенные сроки или временные рамки для проведения тех или иных следственных или процессуальных действий. Так например, «Заранее достаточно трудно предусмотреть своеобразие обстановки и обстоятельств места происшествия. Неожиданности, с которыми можно столкнуться на МП, обязывают приготовиться с возможно большей тщательностью»². Рассматриваемый подход, в отсутствии конкретизации сроков проведения следственных действий, относится не только к осмотру, но и к любому другому следственному или процессуальному действию.

В связи с этим, возникает закономерный вопрос, если в ходе проверки сообщения о преступлении законодательно предусмотрено проведение следственных или процессуальных действий, сроки производства которых в УПК не ограничены, то и производство этой стадии уголовного процесса должно предусматривать обязательное продление этих сроков!

При этом, такое продление не может быть ограничено без достаточных к тому оснований. Например, подобное правило действует в части срока предварительного следствия, который не ограничен и может быть продлен при соблюдении определенных в законе условий (ст. 162 УПК РФ). Однако совсем иначе в УПК РФ выглядит ситуация со сроком доследственной проверки, который хотя и может быть продлен, но ограничен 30 сутками.

Современная следственная практика свидетельствует, что для проверки в порядке ст. 144 УПК РФ отдельных сообщений о преступлении даже 30-ти суток недостаточно. Такие длительные сроки проверки характерны для некоторых сообщений о преступлениях экономической направленности, ятрогенных преступлений, когда проводятся комиссионные, комплексные судебно-медицинские и другие сложные экспертные исследования, при отсутствии достаточных оснований для возбуждения уголовного дела.

Об этих и некоторых других проблемах можно приводить многочисленные примеры.

В частности А.А. Жамков, являясь практическим оперативным работником ОБЭП в своих публикациях отмечал, что необходимость в продлении сроков проверки для проведения документальных проверок или ревизий возникала всегда. Например, когда необходимо получить ответ на запрос из налоговой

¹ Костенко К.А. Процессуальные сроки уголовного судопроизводства. Справочник: учеб. справ. Пособие / Пятый факультет повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск) ИПК ФГКОУ ВО «Московская академия СК России, 2018. С. 6.

² Костенко К.А., Костенко Г.Ю. Методология и тактика следственного осмотра: монография // Пятый ФПК (с дисл. в г. Хабаровск) ИПК ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации». 2017. С. 35.

инспекции, Федеральной регистрационной службы, такие запросы исполняются до одного месяца. Кроме того, ревизии и документальные проверки по своей сложности и объемности не позволяют их завершить в 27 суток, учитывая, что трое суток уже истекли¹.

Например, по сообщениям о совершении преступлений медицинскими работниками при исполнении своих профессиональных обязанностей, часто приходится назначать сложные экспертизы.

Так, Биробиджанским межрайонным следственным отделом СУ СК России по Еврейской автономной области проводилась проверка по заявлению гр. Б. по факту смерти ее сына 1988 г.р., который скончался 29.11.2008 в 7-м отделении ОГУЗ ЕАО «Психиатрическая больница». Проверка заявления в порядке ст. 144 УПК РФ начата 02.12.2008. В срок до 3-х суток назначено судебно-медицинское исследование, а также начата комиссия врачебная комиссия в самой больнице. Учитывая корпоративность медицинских работников исследование СМЭ проведено за 1 месяц 25 суток в другом субъекте РФ. Практически аналогичный срок понадобился комиссии ОГУЗ ЕАО «Психиатрическая больница» для подготовки комиссионного врачебного заключения о причинах смерти пациента. Учитывая разные выводы заключений следователь безотлагательно назначил комиссионное судебно-медицинское исследование, срок производства которого составил еще 30 суток. Общий срок последовательного проведения исследований превысил 3 месяца, за это время было вынесено более 10 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, которые каждый раз отменялись по причине отсутствия заключений специалистов².

Необходимо заметить, что возможность продления срока до 30 суток для исследования трупа появилась только лишь с марта 2010 г. (ФЗ-№19 от 9 марта 2010 г. «О внесении изменений в УПК РФ»). При этом, в рассматриваемом случае даже 30-ти суточного срока для принятия окончательного, законного и обоснованного процессуального решения было бы все равно не достаточно.

М.В. Махмутов, в своих публикация тех лет говорил, что «увеличение сроков проверок должно помочь избежать необходимости вынесения так называемых «временных» постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в случаях, когда срок проверки истек, а результат специального исследования не готов»³.

Между тем, случаи неоднократных отмен постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела неединичные и сейчас, а отсутствие законодательных механизмов дальнейшего продления сроков проверки приводит к различного рода нарушениям и об этом свидетельствуют статистические данные. Так, за первое полугодие 2018 года следователями СК России вынесено с повторными 255 780 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела (далее также

¹ См.: Жамков А.А. Проблемные вопросы правового регулирования сроков и средств проверки сообщений о преступлениях экономической направленности // Российский следователь. 2009. № 4. С. 6.

² Архив СО по г. Биробиджану СУ СК России по ЕАО, 2009 год.

³ Махмутов М.В. Назначение исследований в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2010. № 11. С. 40-41.

постановлений), удельный вес отмененных постановлений составил 12,4% (31 829), из них 3235 постановлений отменялись два и более раза. При этом, число неоднократно отмененных постановлений увеличилось на 4%. После отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела возбуждено 307 уголовных дел¹.

Представленные цифровые показатели отмен постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела объясняются объективными данными, полученными в ходе опроса 54 следователей в 1 полугодии 2018. Опрос проводился на пятом факультете повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск) ИПК ФГКОУ ВО «Московская академия СК России» (далее также пятый ФПК). Из числа опрошенных, 49 следователей (90%) отметили, что в силу ограниченных сроков проверки, большой загруженности, в среднем по каждому третьему сообщению о преступлении вынуждены принимать процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовного дела по не полностью исследованным обстоятельствам произошедшего. В силу этого, как минимум четверть таких постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела впоследствии отменялась прокурором или руководителем следственного органа.

По вопросу производства следственных и иных процессуальных действий до возбуждения уголовного дела: 52 слушателя (96%) сообщили, что по их мнению самым длительным следственным (процессуальным) действием проводимым до возбуждения уголовного дела является производство экспертизы (особенно комплексной или комиссионной) или исследования (ревизии). На второе место по длительности, 24 слушателя (44%) поставили комплексную проблему невозможности по тем или иным причинам кого-то опросить или получить по запросу необходимые документы. При этом, практически все опрашиваемые следователи единодушно отметили, что в целом, почти по трети сообщений о преступлениях обязательно назначаются экспертизы или проводятся различные исследования (ревизии), минимум 20% которых, как правило проводились в сроки свыше 30 суток, а до 4 - 5% от 2-х месяцев и более.

Подводя итоги, следует отметить, что необходимость внесения в УПК РФ изменений в части возможности продления срока проверки свыше 30-ти суток в настоящее время не вызывает сомнений. При этом, главным вопросом остается порядок и основания такого продления. Несомненно, основания должны носить исключительный характер. В связи с этим, предлагается следующий вариант дополнений в УПК РФ:

Дополнить статью 144 УПК РФ частью 3.1. следующей редакции.

3.1. По сообщению о преступлении, проверка которого представляет особую сложность, при этом имеется необходимость завершения производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации и иным приравненным к нему руководителем следственного органа, а также их

¹ Основные показатели следственной работы и процессуального контроля на досудебной стадии уголовного судопроизводства за январь-июль 2018 года / ГОИУ СК России, 2018. Веб-домственный доступ.

заместителями срок проверки сообщения о преступлении может быть продлен на срок до 90 суток. Дальнейшее продление срока проверки сообщения о преступлении может быть произведено только в исключительных случаях Председателем Следственного комитета Российской Федерации, руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и их заместителями.

Н.Е. Новикова
В.А. Новиков

Учет и отражение в отчетности прибыли и ее распределения между хозяйствующим субъектом и бюджетом

Аннотация. В статье рассматривается учет и отражение в отчетности прибыли и ее распределения между хозяйствующим субъектом и бюджетом, отмечаются проблемы

Ключевые слова: учет финансовых результатов, распределение налога на прибыль, совокупный финансовый результат промышленных предприятий, правовое регулирование налогообложения.

Прозрачность показателей бухгалтерской финансовой отчетности для пользователей определяется порядком их формирования в системе счетов бухгалтерского учета и учетной политикой хозяйствующего субъекта, что делает актуальным соответствие применяемых в учете и отчетности терминов и обоснованность учетной политики хозяйствующего субъекта. Основным нормативным документом, регулирующим порядок ведения учета, составления и представления отчетности, а, значит, также расчета и учета финансовых результатов (прибылей и убытков) и их отражения в отчетности, является Федеральный Закон «О бухгалтерском учете» [1].

Исследование показателей доходов и расходов, прибылей и убытков, с одной стороны, формируемых в системе счетов бухгалтерского учета, с другой стороны, отражаемых в бухгалтерской отчетности выявило разночтения, связанные, во-первых, с использованием различных терминов для обозначения одних и тех же показателей, во-вторых, с использованием одних и тех терминов для обозначения различных по наполнению показателей [9, с. 6-8].

В частности, в бухгалтерском учете выделяются [2,3,4]:

На счете 90 «Продажи» субсчета:

90.1 Выручка

90.2 Себестоимость

90.3 НДС

90.9 Прибыль / убыток от продаж

На счете 91 «Прочие доходы и расходы» субсчета:

91.1 Прочие доходы

91.2 Прочие расходы

91.9 Сальдо прочих доходов и расходов

В Отчете о финансовых результатах при этом предусмотрены следующие показатели [3]:

Выручка

Себестоимость продаж

Валовая прибыль (убыток)

Коммерческие расходы

Управленческие расходы

Прибыль (убыток) от продаж

Доходы от участия в других организациях

Проценты к получению

Проценты к уплате

Прочие доходы

Прочие расходы

Прибыль (убыток) до налогообложения

Текущий налог на прибыль

в т. ч. Постоянные налоговые обязательства (активы)

Изменение отложенных налоговых обязательств

Изменение отложенных налоговых активов

Прочее

Чистая прибыль (убыток)

В Справках:

Результат от переоценки внеоборотных активов, не включаемый в чистую прибыль (убыток) периода (По этой строке указывается сумма изменения добавочного капитала)

Результат от прочих операций, не включаемый в чистую прибыль (убыток) периода (характеризует изменения капитала, не связанные с расчетами с собственниками. Здесь показывают курсовую разницу по взносам в уставный капитал).

Совокупный финансовый результат периода (определяется как сумма строк: Чистая прибыль (убыток)" + Результат от переоценки внеоборотных активов, не включаемый в чистую прибыль (убыток) периода + Результат от прочих операций, не включаемый в чистую прибыль (убыток) отчетного периода).

Базовая прибыль (убыток) на акцию

Разводненная прибыль (убыток) на акцию

Следовательно, говоря о наименованиях показателей Отчета о финансовых результатах и субсчетов счетов 90 и 91, на которых эти показатели формируются, отмечаем несовпадения в этих наименованиях.

По первой части Отчета о финансовых результатах заметим следующее.

«Коммерческие расходы» отчета полностью соответствуют сумме списанных в дебет счета 90 «Продажи» расходов на продажу.

В свою очередь, «Управленческие расходы» отчета о финансовых результатах полностью соответствует сумме списанных в дебет счета 90 «Продажи» общехозяйственных расходов.

По второй части Отчета о финансовых результатах, отметим, что показатель «Прочие доходы», формируемый на субсчете 1 счета 91 «Прочие доходы и расходы», включает в себя не только сведения одноименной статьи Отчета о финансовых результатах, но также данные статей «Доходы от участия в других организациях» и «Проценты к получению». В свою очередь показатель «Прочие расходы», формируемый на субсчете 2 счета 91 «Прочие доходы и расходы», включает в себя помимо сведений одноименной статьи Отчета о финансовых результатах также данные статьи «Проценты к уплате».

Для адекватной оценки финансовой ситуации при проведении анализа финансовых результатов хозяйствующего субъекта важно правильное понимание того, как формируется и что отражает исследуемый показатель прибыли. Однако в настоящее время в бухгалтерском учете и отчетности в ряде случаев одинаково именуются различные по наполнению показатели прибылей и убытков, доходов и расходов.

При этом в методиках по экономическому анализу зачастую используются также и показатели, отличные от отражаемых в бухгалтерской финансовой отчетности.

В настоящее время в Отчете о финансовых результатах, как мы видим, представлены следующие показатели финансовых результатов: валовая прибыль, прибыль (убыток) от продаж, прибыль (убыток) до налогообложения, чистая прибыль (убыток).

Проанализируем порядок их определения и расчета для целей бухгалтерской финансовой отчетности. Показатель «Валовая прибыль (убыток)» (строка 2100) не формируется на счетах бухгалтерского учета, а рассчитывается непосредственно в ходе заполнения Отчета о финансовых результатах как разница между строками 2110 «Выручка» и 2120 «Себестоимость продаж». Он может иметь разное наполнение в зависимости от учетной политики, применяемой хозяйствующим субъектом, и, как следствие, от того, какие именно расходы представлены им по статье «себестоимость продаж». Наиболее часто по статье «себестоимость продаж» отражается фактическая производственная себестоимость проданной продукции (работ, услуг, товаров). Этот вариант учетной политики предполагает распределение общехозяйственных расходов между выделенными объектами калькуляции и списание их в конце каждого месяца в дебет счета 20 «Основное производство». В этом случае валовая прибыль (убыток) показывает превышение выручки над производственной себестоимостью проданной продукции (работ, услуг, товаров).

Так, например, (взяты округленные цифры машиностроительного предприятия):

Выручка 100

Себестоимость 70

Валовая прибыль (100-70) 30

Коммерческие расходы 25

Управленческие расходы –

Прибыль от продаж (30-25) 5

То есть при таком варианте учетной политики валовая прибыль больше, чем прибыль от продажи продукции, на сумму расходов на ее реализацию.

Однако, в случае признания общехозяйственных расходов целиком в составе полной себестоимости проданной продукции (работ, услуг) по статье «себестоимость продаж» будет показана неполная (сокращенная) фактическая производственная себестоимость продаж. В результате показатель валовой прибыли получается выше, поскольку он будет «дополнен» величиной общехозяйственных расходов хозяйствующего субъекта за отчетный период. При этом варианте учетной политики показатель валовой прибыли максимально приближается к маржинальной прибыли, рассчитываемому в международной практике как превышение выручки над себестоимостью продаж, сформированной из суммы прямых затрат на производство продукции.

В рассмотренном примере:

Выручка 100

Себестоимость 45

Валовая прибыль (100-45) 55

Коммерческие расходы 25

Управленческие расходы 28

Прибыль от продаж (55-28) 27

Отметим, что при таком варианте учетной политики прибыль от продаж будет меньше, поскольку общехозяйственные расходы, собранные за месяц, в первом случае частично вошли в себестоимость незавершенного производства и остатков готовой продукции на складе, тогда как в данном примере целиком были признаны в составе себестоимости продаж и отражены по статье «Управленческие расходы» в Отчете о финансовых результатах.

Крайне редкой является учетная политика, предусматривающая формирование полной себестоимости на счете 45 «Товары отгруженные» и списание ее единой суммой на себестоимость проданной продукции, товаров, работ, услуг. Данная схема учета используется хозяйствующими субъектами при длительном нахождении продукции в отгрузке, например, в случае ее отправки покупателям северным морским путем. В этом случае в Отчете о финансовых результатах валовая прибыль совпадет с прибылью от продаж.

Из рассмотренного выше видно, что показатель валовой прибыли не имеет однозначной качественной характеристики, поэтому его аналитические возможности ограничены и зачастую не имеют самостоятельного значения. Сопоставление показателей валовой прибыли даже в рамках одного хозяйствующего субъекта возможно только при неизменности учетной политики.

Следующий показатель прибыли Отчета о финансовых результатах – прибыль (убыток) от продаж. На наш взгляд, это самый важный показатель, как для внешних, так и для внутренних пользователей бухгалтерской (финансовой) отчетности. В отдельных методиках экономического анализа его именуют как финансовый результат от обычных видов деятельности (каковым он и является по своей сути) [7, с.20-2; 8, с. 150-162].

В целях экономического анализа важно не просто провести исследование динамики данного показателя, но и изучить факторы, повлиявшие на его измене-

ние. В этом смысле наиболее удачным вариантом учетной политики, открывающим наибольшие возможности для анализа, является формирование на счете 20 «Основное производство» и отражение по статье «Себестоимость продаж» неполной (сокращенной) производственной себестоимости на основе прямых затрат. В составе косвенных расходов при этом будут выделены коммерческие и управленческие расходы, что позволяет даже на основе информации, содержащейся уже в самом Отчете о финансовых результатах, рассматривать как минимум три фактора, влияющих на прибыль от продаж.

Составляющими полной себестоимости продаж, отраженными в Отчете о финансовых результатах, являются себестоимость продаж, коммерческие и управленческие расходы. Для их формирования в бухгалтерском учете, однако, используются не одноименные счета. Поскольку Планом счетов бухгалтерского учета в Разделе III. «Затраты на производство» не предусмотрено использование синтетических счетов с такими названиями. Для целей бухгалтерской финансовой отчетности коммерческими расходами признаются вошедшие в себестоимость проданной продукции расходы, списанные в дебет счета 90 «Продажи» со счета 44 «Расходы на продажу». Управленческими – расходы, списанные в дебет счета 90 «Продажи» со счета 26 «Общехозяйственные расходы». При этом статья «Управленческие расходы» формируется, как было видно и из приведенных выше примеров, только при учетной политике, предусматривающей отнесение единой суммой общепроизводственных расходов на себестоимость продаж. А при их распределении между отдельными объектами калькуляции и включении в производственную себестоимость продукции данная статья заполняться не будет, поскольку не предусмотрено в целях составления отчетности расчетным путем выделять из состава производственной себестоимости расходы на управление.

Таким образом, наилучшим для аналитических целей вариантом заполнения Отчета о финансовых результатах является отражение по статье «Себестоимость продаж» неполной (сокращенной) себестоимости проданной продукции, работ, услуг, с обособленным представлением коммерческих (на продажу) управленческих (общепроизводственных) расходов. При этом следует отметить, что более оправданным было бы использование и для целей бухгалтерского учета, и для целей бухгалтерской финансовой отчетности одинаковых терминов, например, «Коммерческие расходы» и «Управленческие расходы» в наименованиях соответствующих синтетических счетов.

Вторая группа показателей доходов и расходов в Отчете о финансовых результатах связана с фактами хозяйственной жизни, относимых к категории прочих, и основана на сведениях, отражаемых в бухгалтерском учете на счете 91 «Прочие доходы и расходы». Планом счетов к данному счету предусмотрено ведение следующих субсчетов: 91/1 «Прочие доходы», 91/2 «Прочие расходы», 91/9 «Сальдо прочих доходов и расходов».

Данный перечень субсчетов не совпадает со статьями, предусмотренными Отчетом о финансовых результатах, и потому в обязательном порядке требуется детализация состава прочих доходов и расходов или в процессе их формирования, или уже в процессе составления бухгалтерской финансовой отчетности.

В составе прочих доходов в Отчете о финансовых результатах выделяются статьи «Доходы от участия в других организациях», «Проценты к получению» и «Прочие доходы». Таким образом, данные субсчета 91/1 «Прочие доходы» и статьи Отчета о финансовых результатах «Прочие доходы» не совпадают, несмотря на одинаковое наименование. И для формирования показателей отчетности в развитие субсчета 91/1 «Прочие доходы» целесообразно открывать субсчета третьего порядка: «Доходы от участия в других организациях», «Проценты к получению» и, например, «Иные прочие доходы».

В составе прочих расходов в Отчете о финансовых результатах выделяются две статьи «Проценты к уплате» и «Прочие расходы». То есть не совпадают и данные субсчета 91/2 «Прочие расходы» с одноименной статьей Отчета о финансовых результатах, что требует в развитие субсчета 91/2 «Прочие расходы» открывать субсчета третьего порядка: «Проценты к уплате» и «Иные прочие расходы».

Прибавляя к прибыли (убытку) от продаж рассмотренные выше виды прочих доходов и вычитая выделяемые виды прочих расходов, в Отчете о финансовых результатах формируют статью «Прибыль (убыток) до налогообложения». Данный показатель прибыли полностью соответствует «Бухгалтерской прибыли (убытку)», признаваемому в бухгалтерском учете в соответствии с ПБУ 18/02 «Учет расчетов по налогу на прибыль организаций». Он обобщает сведения о соотношении всех доходов и расходах хозяйствующего субъекта, т.е. формирует финансовый результат отчетного периода нарастающим итогом с начала года. Именно термин «Прибыль (убыток) отчетного года» часто используется при анализе финансовых результатов деятельности хозяйствующего субъекта применительно к данному показателю.

Прибыль отчетного года до окончания этого года может быть направлена исключительно на оплату налога на прибыль и прочих платежей в бюджет [3]. Обобщающим взаимоотношения по данному направлению является показатель «Текущий налог на прибыль», представленный в Отчете о финансовых результатах отдельной статьей.

Результирующим показателем Отчета является «Чистая прибыль (убыток)», которая соответствует, согласно Плану счетов бухгалтерского учета, конечному финансовому результату деятельности организации в отчетном году, формируемому на счете 99 «Прибыли и убытки» и списываемому заключительными оборотами декабря на счет 84 «Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)».

Распределение и использование этой части прибыли осуществляется собственниками хозяйствующего субъекта. Наиболее значимым направлением для них является выплата дивидендов. Оставшаяся нераспределенной прибыль капитализируется, увеличивая собственный капитал организации, т.е. стоимость одной акции, пая, доли. Доходность своих вложений в организацию акционеры могут оценить на основе показателей справочной части Отчета о финансовых результатах «Базовая прибыль (убыток) на акцию». Для формирования обособленных сведений, с одной стороны, о формировании финансового результата отчетного года, и, с другой стороны, об использовании прибыли можно было

бы и в План счетов бухгалтерского учета включить соответствующие субсчета к счету 99 «Прибыли и убытки», что и делают отдельные хозяйствующие субъекты. Это удобно, например, в ситуациях, когда налог на прибыль уплачивается по разным ставкам или его часть перечисляется в бюджет через налогового агента (налог на прибыль с дивидендов, например).

В последнее время из всех форм бухгалтерской финансовой отчетности Отчет о финансовых результатах является наиболее часто корректируемым. Но и на сегодняшний день эта форма содержит целый ряд показателей, которые нельзя считать устоявшимися. В большинстве случаев для определения перспективности своих вложений или надежности деловых партнеров анализируют показатели бухгалтерского баланса, однако нельзя недооценивать и важность сведений, содержащихся и Отчете о финансовых результатах. Анализ показателей прибылей и убытков, а также доходов и расходов, их образующих, позволяют оценивать доходность таких вложений и разрабатывать обоснованные и наиболее приемлемые варианты взаимоотношений с дебиторами и кредиторами. Поэтому важно для правильной оценки пользователями с разным уровнем подготовленности, использование одинаковых терминов при обозначении одних и тех же данных в бухгалтерском учете и отчетности, а также отсутствие случаев, когда под одним и тем же термином в учете и отчетности понимаются различные по наполнению показатели.

В завершении в подтверждение высказанного отметим, что в настоящее время принята новая редакция Положение по бухгалтерскому учету "Учет расчетов по налогу на прибыль организаций" ПБУ 18/02. В редакции, использование которой будет обязательным с 2020 г., введены новые термины: постоянный налоговый расход и постоянный налоговый доход. Однако в Приказе Минфина России от 06.03.2018г. № 41н «"О внесении изменений в приказ Министерства финансов Российской Федерации от 2 июля 2010 г. № 66н "О формах бухгалтерской отчетности организаций» данная норма пока не учтена. При этом указано [6, пункт 2], что организация вправе принять решение о применении новой в редакции ПБУ 18/02 изменений до указанного срока. Такое решение подлежит раскрытию в бухгалтерской (финансовой) отчетности организации.

В соответствии с ПБУ 18/02, в бухгалтерском законодательстве появляются:

Постоянные налоговые доходы и расходы, а также

Расход (доход) по налогу на прибыль с подразделением на:

- отложенный налог на прибыль;
- текущий налог на прибыль, который будет отражаться в отчете о финансовых результатах в качестве статьи, уменьшающей прибыль (убыток) до налогообложения при формировании чистой прибыли (убытка) за отчетный период.

"Постоянный налоговый расход (доход)" заменяет существующие на сегодняшний день понятия "Постоянное налоговое обязательство (актив)".

Текущим налогом на прибыль признается налог на прибыль для целей налогообложения, определяемый в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, что также является принципиально новым подходом к формированию бухгалтерской отчетности.

Налог на прибыль, относящийся к операциям, не включаемым в бухгалтерскую прибыль (убыток), отражается в Отчете о финансовых результатах в качестве статьи, уменьшающей (увеличивающей) чистую прибыль (убыток) при формировании совокупного финансового результата периода.

Таким образом, можно констатировать, что для повышения результативности анализа финансовых результатов необходимо унифицировать показатели доходов и расходов, прибылей и убытков в бухгалтерском учете и бухгалтерской финансовой отчетности. А также по возможности сближать бухгалтерский и налоговый подходы к признанию отдельных видов доходов и расходов.

Список использованных источников

1. Федеральный закон от 06.12.2011г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (в ред. Приказа от 28.11.2018 № 444-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О бухгалтерском учете»).
2. Приказ МФ РФ от 31.10.2000 г. № 94н «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкция по его применению (в ред. От 08.22.2010).
3. Приказ МФ РФ № 114н от 19.11.2002 г. Положение по бухгалтерскому учету «Учет расчетов по налогу на прибыль» ПБУ 18/02 (в ред. Приказа МФ РФ № 236н от 20.11.2018).
4. Приказ МФ РФ № 32н от 06.05.1999 г. Положение по бухгалтерскому учету «Доходы организации» ПБУ 9/99 (в ред. Приказа МФ РФ № 57н от 06.04.2015).
5. Приказ МФ РФ № 33н от 06.05.1999 г. Положение по бухгалтерскому учету «Расходы организации» ПБУ 10/99 (в ред. Приказа МФ РФ № 57н от 06.04.2015).
6. Приказ МФ РФ № 41н от 06.03.2018г. «О внесении изменений в приказ Министерства финансов Российской Федерации от 2 июля 2010 г. № 66н «О формах бухгалтерской отчетности организаций».
7. Герасимова Л.Н. Современные проблемы разработки и внедрения управленческого учета в строительстве. Биржа интеллектуальной собственности. 2018. Т. 17, № 8. С. 19-28.
8. Куприянова Л.М., Чернецкая Г.Ф. О развитии финансовой отчетности. Экономика. Бизнес. Банки 2014, № 53, с. 140-163.
9. Новикова Н.Е., Новиков В.А. Показатели доходов и расходов в бухгалтерском учете и отчетности. Международный бухгалтерский учет. № 30 (372) август 2015. С. 2-8.

Мотивация лиц в преступлении, квалифицируемом по статье 290 Уголовного кодекса РФ

Аннотация. В статье рассматривается мотивация лиц в преступлении, квалифицируемом по статье 290 Уголовного кодекса РФ. Рассматривается мотив с точек зрения юриспруденции, философии, психологии. Проводится анализ судебно-следственной практики по уголовным делам, связанным со взяточничеством. Дается социально-психологическая характеристика личности коррупционера. Приводятся аргументы для расширения спектра мотивов в коррупционных преступлениях.

Ключевые слова: коррупция, дача взятки, мотив преступления, взяточничество, исследование мотива преступления.

В факультативный признак субъективной стороны преступления входит мотив. Мотив, в уголовном праве Российской Федерации, является важной и неотъемлемой частью состава преступления. Хотя и мотив имеет определение в юридической литературе, изучение его только в рамках юридической уголовной терминологии некорректно, так как носит лишь описательный характер¹.

Мотив совершения коррупционных преступлений в общем и получения взятки в частности субъективной стороны преступления ограничен сухим констатированием факта совершенного действия, для понятия же сущности мотива, во всем его проявлении, сперва необходимо обратиться к смежным с уголовным правом наукам – это философия и психология.

С точки зрения автора сущность мотива как неотъемлемой части волевого акта достаточно точно изложил Артур Шопенгауэр. В своих сочинениях он писал: «...Акт воли, который сам прежде всего есть только предмет самосознания, возникает по поводу чего либо, что принадлежит к сознанию других вещей, т.е., что составляет объект познавательной способности, каковой объект, в этом отношении, называется мотивом и есть в то же время материал волевого акта...»² т.е., мотив обусловлен волевым актом который является реакцией: на общую движущую силу деятельности индивида, на определения вектора поведения в конкретной ситуации на основе принципа «здесь и сейчас», на второстепенные процессы деятельности личности. Данное определение логически подтверждает то, что мотив – это причинность, видимая изнутри³, т.к. сознание отражает через мотивированный волевой акт реакцию на причину, оказывающую влияние на личность.

¹ Е.И. Думанская Мотивация и мотив преступления: криминологический и уголовно-правовой аспекты, Екатеринбург, 2010, С. 58.

² А. Шопенгауэр, Свобода воли и основы морали: Две основные проблемы этики / (Соч.) Артура Шопенгауэра, пер. с нем. Ф.В. Черниговца, Санкт-Петербург, 1887, С. 16.

³ А. Шопенгауэр, О четвероюм корне закона достаточного основания: Философские рассуждение Артура Шопенгауэра / Пер. Ю.И. Айхенвальда, Москва, 1902, С. 128.

С точки зрения психологии под мотивами понимаются психологические условия, влияющие и обуславливающие характер действий человека. Одним из базовых психологических условий любой мотивированной деятельностью является эмоция, без которой невозможно зарождение мотива. Т.е. для возникновения мотива необходимо осознанное восприятие недостатка или лишения какой-либо потребности, которое выражается посредством нервных механизмов индивида (чувство голода, стыда, общения, удовольствия, ненависти, злости, страха, полового удовлетворения, социальной иерархии, власти)¹. Общую характеристику потребностей составил американский психолог Абрахам Маслоу. Он разделил потребности на: физиологические, безопасности, любви или принадлежности к чему-либо, уважения (почитания), самовыражения.

На основе вышеизложенного можно утверждать, что мотив является частью логического ряда, который начинается с осознания у конкретного человека потребности путем психофизиологической деятельности организма, отраженной в эмоции, которая в свою очередь мотивирует человека на конкретные действия (бездействия) в жизненной деятельности.

Мотивы преступлений имеют следующую классификацию, в уголовном праве: человеконенавистнические, корыстные, низменные личные мотивы, в криминологии имеется более развернутая классификация: политические, корысти, насильственно-эгоистические, анархически-индивидуалистические, легкомысленно-безотчетные, трусливо-малодушные².

В приговоре по делу № 1-172/2018 от 20 июля 2018 года осужденный директор департамента экономики и стратегического планирования Ярославской области совершил преступления предусмотренные ч.6 ст.290 и в. «в» ч.5 ст.290 Уголовного кодекса РФ. По каждому из эпизодов осужденный получал взятки за победу в конкурсе, на получение государственного подряда, аффилированной фирмы. В первом эпизоде размер взятки составил 2 000 000 рублей, во втором 300 000 рублей. В описательно-мотивировочной части приговора указываются, что осужденный совершил уголовно наказуемое деяния исходя из корыстных побуждений³.

Рассматривая приговор по делу №1-1039/18 от 27 июля 2018 года видно, что здесь в ходе следствия также было установлено, осужденный исполняя обязанности инспектора дорожно-патрульной службы государственной инспекции безопасности дорожного движения оперативного реагирования Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Ульяновской области выявив факт административного нарушения водителем по ч.2 ст.12.5 КоАП РФ (управление транспортным средством с заведомо неисправной тормозной системой), предложил водителю ТС передать ему денежные средства в размере 15 000 рублей за оформление иного менее тяжкого административ-

¹ В.С. Мерлин Лекции по психологии мотивов человека (Учебное пособие для спецкурса), Пермь, 1971, С. 10, 46.

² Е.И. Думанская Мотивация и мотив преступления: криминологический и уголовно-правовой аспекты, Екатеринбург, 2010, С. 60.

³ Приговор по делу № 1-172/2018 от 20 июля 2018 года (<http://sudact.ru/regular/doc/c58roVQTAZHB/> дата обращения 22.03.19).

ного правонарушения предусмотренного ст.12.18 КоАП РФ (невыполнение требования правил дорожного движения уступить дорогу пешеходам, пользующимся преимуществом в движении). В данном деле также был отмечен корыстный умысел получения взятки¹.

Показательным также является приговор по делу № 1-83/2018 от 26 июля 2018 года. Исходя из сути дела осужденного обвиняли в совершении преступления по ч.6 ст.290 Уголовного кодекса РФ. Осужденный занимал должность заместителя начальника полиции по охране общественного порядка УМВД России по Ульяновской области. Получил предложение от лиц, занимавшихся нелегальным производством алкогольной продукции за ежемесячную плату сообщать им информацию о служебных мероприятиях проводимых в отношении лиц, занимающихся незаконным производством алкогольной продукции. За девять месяцев 2016 года осужденный получил на основании договорённости с вышеуказанными лицами 12 850 000 рублей. Его действия также исходя из описательной части приговора носили корыстный характер².

Изучая материалы судебно-следственной практики, можно сделать вывод, что основными мотивами в совершении преступления «Получение взятки» признаются: корысть и карьеризм. Рассматривая коррупцию, только как факт незаконного получения предмета взятки взяткополучателем за действие (бездействие) входящее в его служебные обязанности данные мотивы могут быть корректны. Но для эффективной борьбы с коррупцией также необходимо изучить подлинные мотивы получения взяток взяткополучателями, так как основной задачей уголовного права РФ как правового института является не реагирование на факт преступления, а превентивная работа, направленная на недопущения совершения преступлений.

Коррупция в Российской Федерации в частности и в мире в целом можно разделить по следующим уровням:

- 1) Низовую – при взаимодействии рядовых граждан и чиновников.
- 2) Среднюю – при взаимодействии бизнеса, власти и судов на муниципальном и региональном уровнях.
- 3) Верхнюю – при взаимодействии при взаимодействии бизнеса, власти и судов на федеральном и международном уровнях.

В основной своей массе мотивы корысти и карьеризма распространены в низовой коррупции и меньшей своей доле средней коррупции, хотя они же и фигурируют во всех материалах судебно-следственной практики.

В научных исследованиях изучающих личности лиц, совершивших коррупционные преступления, приводятся следующие данные: большинство лиц воспитывались в полноценных семьях 78%, испытывали в детстве финансовые затруднения 21%, считают главной ценностью образование 44%, средней возраст в котором осужденные коррупционеры начали заниматься трудовой деятельно-

¹ Приговор по делу № 1-1039/18 от 27 июля 2018 года (<http://sudact.ru/regular/doc/B1VPT2toxxv/> дата обращения 22.03.19).

² Приговор по делу № 1-83/2018 от 26 июля 2018 года (<http://sudact.ru/regular/doc/1CHrRXmYE758/> дата обращения 22.03.2019).

стью 15 лет, родители осужденных в основной своей массе занимали рядовые должности или же должности руководителей низшего и среднего звена 80%, большинство лиц осужденные за коррупционные преступления выбирали специальность самостоятельно 65% и не продолжали деятельность с учётом деятельности родителей 89%, в учебных заведениях имели хорошую (средней бал 3.5 – 4.5) успеваемость 66%, проявляли интерес к учебе 70%, были дисциплинированы во время учебы на хорошем уровне 58%, а среднем 39% осужденных за коррупционные преступления, 21% осужденных занимали крупные руководящие должности, 38% руководящие посты в организациях, 41% рядовые должности, 56% имели успешную карьеру, 59% имели хороший уровень заработной платы, осужденные сказали что остановить их от совершения преступлений помогли повышение зарплаты 22%, чувство стыда перед близкими 21%, чувство совести 27%¹.

Стоит обратить внимание и на то, что над психологическим портретом коррупционера работает и Генеральная Прокуратура РФ. Официальный представитель ведомства сообщил, что коррупционер обладает иным психологическим портретом нежели его представляет рядовой обыватель. Такие качества личности как жадность, корысть, стремление к богатству не стоит во главе угла их мировоззрения, данные качества носят зачастую второстепенный, а то и вовсе незначительный характер в мотивации действий человека. Среднестатистический коррупционер является лицом с высшим образованием, крайне стрессоустойчив, коммуникабелен, не злоупотребляет спиртным, не употребляет наркотики, является семьянином, исполнительен в работе. Основными мотивами в совершении коррупционных преступлениях были названы мотивы потребности в самоутверждении, в авторитете, власти, служебная солидарность².

Проводя анализ вышеизложенного, можно делать вывод, что корыстный мотив, изложенный в практических примерах, носит только формально описательный характер. Корысть, согласно словарю В.И. Даля, – это жадность к деньгам, богатству, любостяжание³. Истинным корыстным мотивом в данных примерах мог руководствоваться от части только осужденный инспектор дорожно-патрульной службы так как согласно усредненных данных годовая зарплата инспектора составляет 480 000 рублей и является самой низкой из всех приведённых примеров, заработная плата директора департамента экономики и стратегического планирования Ярославской области составляет 2 500 000 рублей⁴, а зарплата заместителя начальника полиции по охране общественного порядка УМВД России по Ульяновской области равна 1 500 000 рублей⁵. Так как

¹ В.М. Литвишков Социально-психологические особенности личности коррупционера: диагностика и профилактика, Краснодар, 2018, С. 40-62.

² Эфир «Вопрос с пристрастием». Официальный информационный портал Генеральной Прокуратуры РФ (<http://efir.genproc.gov.ru/rubrics/19/video/310> дата обращения 23.03.2019) 30 мин. 00 сек.

³ В.И. Даль Толковый словарь живого великорусского языка. М. 2007, С. 144.

⁴ Официальный сайт органов государственной власти Ярославской области (<http://www.yarregion.ru/depts/ubb/Pages/sved-doh.aspx> дата обращения 24.03.2019).

⁵ Официальный сайт МВД РФ (<https://мвд.рф/anticorr/dohod> дата обращения 24.03.2019).

корыстная мотивация вызывается реакцией организма на отсутствие денег на обеспечение первичных потребностей.

Касательно сотрудника ГАИ можно предположить, что катализатором его мотива являлось общее латентное отношение к коррупции в подразделении, а равно и поощрение коррупции руководством, которое поставило сотрудника перед выбором быть «белой вороной» в коллективе или стать его частью в него. Истинный мотив мог быть продиктован стадным инстинктом и страхом быть отвергнутым другими в коллективе.

Лица, занимающие руководящие, организационно-распорядительные должности мотивируются в своих действиях также не всегда корыстным мотивом, т.к. они имеют достаточно немаленькую зарплату, на которую можно безбедно жить, удовлетворяя свои потребительские потребности в разумной мере. Основными мотивами, которыми руководствуется руководитель среднего и высшего звена являются потребности в уважении и признании, карьеризма, власти, перверзного восприятия своих должностных обязанностей (представления, что коррупционный доход является неотъемлемой частью дохода по занимаемой должности). Подтверждением данного утверждения, по мимо вышеизложенных материалов судебно-следственной практики, можно считать большую часть громких коррупционных процессов, таких как в отношении полковника Захарченко, Александра Хорошавина и д.р.

Мотив преступления в отношении коррупционных преступлений (используемый в той классификации, в которой он используется в материалах судебно-следственной практики), как инструмент общего описания факторов побудивших лицо на совершение преступления, справляется с своей задачей удовлетворительно, но для глубокого исследования направленного на превентивную борьбу с коррупцией такой градации недостаточно, так как она недостаточно объективно отражает мотивацию конкретного коррупционера и группы коррупционеров.

Подводя итог можно отметить следующие факты касательно мотивации коррупционера. Во-первых, сама классификация мотивов в коррупционных преступлениях имеет узкую градацию и не отражает полно и всесторонне истинных мотивов преступника, а носит лишь описательный характер, который имеет общее описание. Во-вторых, хоть и считается что, в коррупционных преступлениях корыстный мотив является доминирующим, это предположение ложно, так как через предмет взятки взяточник, в подавляющей своей массе не бедный человек, удовлетворяет свои властные потребности, перверзное понимание обязанностей по должности, потребности в уважении и почитании. В-третьих, глубокое исследование мотива на основе юриспруденции и психологии необходимо для купирования коррупции, посредством психофизиологического отбора кандидатов на должности государственно гражданской и военной службы.

Основные проблемы расследования компьютерных преступлений в РФ

Аннотация. Данная статья посвящена преступлениям в сфере компьютерной информации, так как эта тема одна из наиболее актуальных в настоящее время. Рассматриваются основные проблемы, возникающие при расследовании компьютерных преступлений, и освещаются основные рекомендации по решению данных проблем.

Ключевые слова: информационные технологии, компьютерные преступления, киберпреступность, расследование компьютерных преступлений.

В современном мире ключевую роль играют информационные технологии. Новые технологии проникают в каждую сферу жизни человечества, поэтому без них трудно представить жизнь современного общества.

Информационные технологии – это комплекс взаимосвязанных научных, технологических, инженерных наук, связанных с методами эффективной организации труда людей, занятых обработкой и хранением информации с помощью вычислительной техники, методы организации и взаимодействия с людьми и производственным оборудованием, их практическое применение, а также связанные со всем этим социальные, экономические и культурные проблемы¹.

Процесс развития информационного общества начинается с его компьютеризации. Компьютеризация – процесс внедрения компьютеров, обеспечивающих автоматизацию информационных процессов и технологий в различных сферах человеческой деятельности.

В Российской Федерации развиваются и распространяются новые информационно-телекоммуникационные технологии, которые демонстрируют последовательное продвижение по пути к информационному обществу. Теперь современный человек может совершать покупки, не выходя из дома, то есть виртуально с помощью компьютера и расплачиваться электронными деньгами, также общаться с другими людьми в социальных сетях, хранить информацию на серверах.

С развитием информационных технологий появились компьютерные преступления. Уголовный кодекс РФ содержит в себе целую главу посвященную преступлениям в сфере компьютерной информации (Глава 28)². Не только человек, и общество, но и государство остается незащищенным от воздействия киберпреступников. Меры безопасности работают слабо или их просто недостаточно.

Число компьютерных преступлений, совершаемых в России с использованием информационно-коммуникационных технологий, с 2013 по 2016 год увеличилось в шесть раз (с 11 тысяч до 66 тысяч). Компьютерная преступность – это

¹ Кузнецов, П. У. Информационные технологии в юридической деятельности : учебник для бакалавров / П. У. Кузнецов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2013. — С.441.

² "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018).

совокупность преступлений, совершенных вменяемыми физическими лицами, посягающих на законные права и интересы государства, общества, физических и юридических лиц в сфере безопасного оборота (создания, хранения, обработки, передачи, получения, защиты) компьютерной информации и функционирования компьютерных устройств, информационно-телекоммуникационных сетей и иных средств создания, использования, распространения компьютерной информации.

Государственный аппарат активно внедряет новые технологии в общество, но процент киберпреступности все больше и больше возрастает. Это связано с тем, что в законодательстве РФ имеются серьезные пробелы в сфере выявления и расследования компьютерных преступлений, а также информационной безопасности¹.

При расследовании компьютерных преступлений часто возникает проблема в проведении обычных следственных действий, например, таких как обыск и сбор вещественных доказательств. Обыск компьютера отличается от обыска квартиры, так как залезть в память компьютера и найти там какие-либо программы можно только с помощью других программ, которые также вносят изменения в информационное содержимое компьютера. Чтобы произвести обыск компьютера следователю необходимо обладать специальными знаниями, так как недостаточно грамотный следователь при попытке, например копирования информации с компьютера может сам уничтожить доказательства по делу².

Также преступники в сфере информационных технологий при совершении противоправных действий пользуются различными методами и способами, а сотрудники оперативно-розыскных органов ограничены в проведении оперативно - розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию данных преступлений. Так как в ФЗ от 12.08.1995 № 144 "Об оперативно-розыскной деятельности" установлен исчерпывающий перечень оперативно-розыскных мероприятий, то зачастую данные мероприятия не применяются оперативными работниками, так как они не эффективны при расследовании данных преступлений³.

Из выше сказанного следует, что расследование преступлений в сфере информационных технологий производится некачественно, из-за этого процент киберпреступлений растет, а процент раскрываемости данных преступлений понижается. Следователи не только не обладают специальными знаниями, которые необходимы им при расследовании компьютерных преступлений, но еще и ограничены в методах и способах расследования. Данная проблема требует незамедлительного разрешения.

¹ Букалерева Л.А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления: законодательские и правоприменительные проблемы: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007. – С.4.

² Сулопаров А.В. Компьютерные преступления как разновидность преступлений информационного характера: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2010. – С.7.

³ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) "Об оперативно-розыскной деятельности".

Какие же действия можно предпринять государственной власти для разрешения данной проблемы?

Во-первых, следует повысить уровень специальных знаний в области информационных технологий следователей. Для этого необходимо создать отдельный отдел по расследованию компьютерных преступлений, состоящий из специалистов, которые прошли дополнительные курсы по «Методики расследования компьютерных преступлений». Данные курсы повысят знания следователя в области информационных технологий, после чего следователь сможет качественно расследовать компьютерные преступления. Также в ВУЗах можно создать новую профессию «следователь-программист», чтобы выпускать молодых специалистов узкого профиля, которые бы занимались киберпреступностью.

Во-вторых, если следователи ограничены в методах и способах расследования компьютерных преступлений, так как в УПК РФ прописан исчерпывающий перечень следственных действий, то нужно закрепить законодательно новые следственные действия, которые применялись бы в расследовании киберпреступлений¹. Например, сложности возникают в проведении таких следственных действий как осмотр места происшествия и назначения судебных экспертиз. Известно, что по данной категории дел большинство следователей не проводят осмотр места происшествия, так как место отсутствует. Это значит, что распознавание места совершения киберпреступления невозможно без установления обстановки совершения преступления, которая определяется системой киберпространства.

Также при назначении экспертиз постановка грамотных вопросов эксперту является важной проблемой. Назначающие экспертизу связывают возникающие трудности с отсутствием у них практики расследования данной категории дел, сложностью технических терминов и отсутствием специальных знаний в этой сфере.

В-третьих, при расследовании данных категорий дел следователям нужно обращаться за помощью специалистов, которые давали бы им методические рекомендации в сфере компьютерных технологий. В данной ситуации не хватает специалистов, а это значит, что большинство следователей остается неосведомленными при расследовании.

Таким образом, подводя итог, можно дать основные рекомендации по решению проблем при расследовании компьютерных преступлений:

1. разработать программы повышения квалификации следователей (дознателей) по расследованию данной категории дел;
2. повысить технические возможности экспертов, специализирующихся в области исследования компьютерных технологий;
3. увеличить объем научно-методической литературы, посвященной прикладным аспектам расследования киберпреступлений;
4. повысить уровень мониторинга данного вида преступлений.

¹ "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018).

Проблемные вопросы о процессуальных сроках на стадии возбуждения уголовного дела

Аннотация. На основе статистических показателей Генеральной прокуратуры Российской Федерации по выявленным нарушениям на досудебной стадии уголовного судопроизводства за 2017 - 2018 годы автор акцентирует внимание на нарушениях в стадии возбуждения уголовного дела. В этой связи, автором предлагается обратить внимание на установленные ст. 144 УПК РФ процессуальные сроки, в качестве предложения высказана точка зрения о необходимости увеличения срока проверки до двух месяцев в исключительных случаях правами вышестоящих руководителей следственных органов и прокуроров субъектов РФ.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, процессуальный срок проверки, проведение экспертизы, доследственная проверка, следователь, руководитель следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту РФ.

В современный период реформирования уголовно-процессуального законодательства пристальное внимание обращено на стадию возбуждения уголовного дела, ведь именно с этого участка уголовного судопроизводства оценивается деятельность субъектов, которые осуществляют прием, регистрацию и рассмотрение сообщений о преступлениях.

За последние 6 лет, в частности в 2013 году, законодателем в ст. 144 УПК РФ внесены существенные изменения, которыми дополнены способы (мероприятия), применяемые в рамках рассмотрения сообщений о преступлениях. Это положительно воспринялось дознавателями и следователями. Согласно первоначальной редакции УПК РФ следователь только после возбуждения уголовного дела мог назначать судебные экспертизы, а в настоящее время, после внесенных изменений в УПК РФ, уже на первоначальном этапе – на стадии возбуждения уголовного дела следователем назначаются соответствующие судебные экспертизы, прежде всего это облегчает работу следователей по сообщениям о налоговых преступлениях, в сфере экономики, о невыплате заработной платы и др.

Стоит отметить, что данные изменения уголовно-процессуального законодательства в настоящее время позволяют по материалам проверок, то есть в рамках доследственной проверки, по которой назначена экспертиза, продлевать процессуальные сроки согласно части 3 ст. 144 УПК РФ до его максимума, то есть до 30 суток. В большинстве случаев это действительно обоснованно, поскольку от результатов проведенной экспертизы зависит и процессуальное решение следователя.

С другой стороны, существует проблема по некоторым сообщениям, когда следователи не могут принять обоснованное и мотивированное процессуальное решение в срок 30 суток. Например, при проведении гистологических, геномных, химических, компьютерных исследований (экспертиз) не всегда следователи на момент окончания проверки получают экспертное заключение. Данное обстоятельство приводит к тому, что заведомо следователь вынужден прини-

мать незаконное и необоснованное решение, чаще это решение в виде постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела. Следователи его называют в своей практической деятельности «промежуточным» постановлением, то есть то, которое будет однозначно отменено руководителем следственного органа либо надзирающим прокурором.

Таким образом, следователь является заложником данных обстоятельств, поскольку зависит от специальных познаний, исследований, которые не всегда могут быть проведены экспертами по объективным причинам конкретной отрасли науки (например, медицины, строительства и др.) и предоставлены следователю в срок до 30 суток. В связи с изложенным, полагаем, что данные проблемы могут быть урегулированы законодателем в рамках увеличения процессуальных сроков проверки на стадии возбуждения уголовного дела, сугубо в исключительных случаях – при необходимости производства сложных, комплексных судебных экспертиз, документальных проверок, ревизий, а также исследований документов, предметов, трупов.

Считаем возможным высказать мнение, что в данном случае это право продления в срок свыше 30 суток необходимо предоставить не руководителю следственного органа районного звена или надзирающему прокурору района в отношении ходатайств дознавателей, а вышестоящим руководителям следственного подразделения и вышестоящему прокурору. В связи с этим предлагаем дополнить часть 3 статьи 144 УПК РФ предложением следующего содержания: «В исключительных случаях, при необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, срок исполнения которых превышает 30 суток, руководитель следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту РФ, руководитель следственного управления МВД России по субъекту РФ, а прокурор субъекта по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до двух месяцев с обязательным указанием на конкретные обстоятельства, послужившие основанием для такого продления».

Предполагаем, что данные предложения могут, на первый взгляд, восприняты критично, в той части, что многие ученые в области уголовного процесса, а также сотрудники надзорных органов, негативно высказываются о длительности проведения доследственных проверок и как следствие, на нарушения конституционных прав потерпевших на доступ к правосудию и нарушения разумного срока уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6.1 УПК РФ, в рамках рассмотрения сообщений о преступлениях.

Но с другой стороны, принятие следователем или дознавателем решения об отказе в возбуждении уголовного дела по материалу проверки, по которому не изготовлено заключение судебной экспертизы, не окончено исследование либо ревизия, ведет к недоверию со стороны заинтересованных лиц («не хотят и не желают разбираться», поддерживают противоположную сторону и т.д.), а также к негативной реакции надзорного органа – прокуратуры (следователь допускает необоснованную волокиту, не может разобраться по существу, укрывает преступление и т.д.), что порождает со стороны указанных лиц жалобы в порядке ст.ст. 123-125 УПК РФ либо меры прокурорского реагирования. Но если

оценивать данную ситуацию объективно (например, не готово геномное заключение, нет результатов ДНК-исследований и др.), то в этих случаях у следователя есть один законный способ - вынесение процессуального решения в виде постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. И следователь в данной ситуации, не меньше чем заинтересованные и надзорные ведомства, понимает и знает, что данное постановление будет отменено, как незаконное и необоснованное. И как следствие, согласно статистическим данным это будет являться нарушением при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях. Уже на протяжении многих лет, основное число нарушений на досудебной стадии уголовного судопроизводства выявляется именно в стадии возбуждения уголовного дела. Так, по официальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2018 год прокурорами выявлено 5 159 080 нарушений при осуществлении на надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства, из них 3 730 794 нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении (в 2017 году 5 156 665 и 3 793 667 соответственно), то есть на стадии возбуждения уголовного дела выявлено 72 % нарушений (в 2017 году – 73,6 %) от всех этапов досудебного производства.

В итоге, на наш взгляд, если оценить все «за» и «против» продления сроков процессуальной доследственной проверки в исключительных случаях до 2 месяцев, можно выделить следующие положительные моменты: во-первых, сократится количество необоснованно вынесенных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела (так называемых «промежуточных» постановлений); во-вторых, снизится количество нарушений на этапе возбуждения уголовного дела; в-третьих, покажет объективную оценку работы следователя в части полноты и своевременности проведенных мероприятий и законности итогового процессуального решения; в-четвертых, снизит количество актов прокурорского реагирования в адрес следственных органов в виде требований и в адрес органов дознания в виде представлений, которые в настоящее время вносятся прокурорами в адрес руководителей в связи с неоднократными отменами постановлений об отказе в возбуждении уголовного по одному и тому же материалу проверки; в-пятых, будет способствовать дисциплинированности следователя и его непосредственного руководителя по активизации работы в ходе разрешения сообщения о преступлении, т.к. необходимость в продлении сроков до 2 месяцев будет оцениваться руководителями следственных органов на уровне субъекта Российской Федерации, а значит, в своем большинстве, исключит волокиту со стороны действий следователя в ходе доследственной проверки и «умирания материала в ящике».

Таким образом, на наш взгляд, продление процессуального срока доследственной проверки в исключительных случаях будет способствовать изменению порочной практики вынесения «промежуточных» постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, существенно повлияет на вектор выявленных нарушений в стадии возбуждения уголовного дела, а также скажется на общем результате работы следователя или дознавателя по вынесению законного, обоснованного и мотивированного постановления об отказе в возбуждении уголов-

ного дела, исключит факты волокиты, нарушений разумных сроков уголовного судопроизводства по сообщениям о преступлениях.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч.1) . Ст. 4921.
2. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) "О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" //Российская газета", № 48, 06.03.2013.
3. Гаврилов Б.Я. Уголовно-процессуальное законодательства: современные реалии и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 12. С. 16-23.
4. Синельников А.В. Уголовная ответственность за уклонение от осуществления уголовного преследования и принятия мер к его обеспечению: проблемы законодательной регламентации и дифференциации: Монография. Волгоград, 2010. С. 69.
5. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2018 год. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации/ Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/stat/data/1548464/> (дата обращения 29.05.2019).

**В.И. Саньков,
И.А. Цховребова**

Тактико-криминалистическое обеспечение получения образцов голоса и речи в ситуации противодействия расследованию

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы преодоления противодействия расследованию, осуществляемого путем отказа подозреваемых и обвиняемых в предоставлении образцов голоса и речи, необходимых в качестве образцов для производства судебной фоноскопической экспертизы, предлагается краткий алгоритм действий следователя в подобных ситуациях.

Ключевые слова: противодействие, образцы голоса и речи, фоноскопическая экспертиза, алгоритм.

Учение о противодействии расследованию и мерах по его преодолению является одним из основополагающих в криминалистике. Под противодействием расследованию принято понимать вмешательство в любой форме в деятельность следователя или лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию уголовного дела. Потенциально субъектом противодействия может выступать любой участник уголовного судопроизводства.

По справедливому замечанию С.А. Шейфера, противодействие расследованию преступлений всегда, и особенно в настоящее время, являлось серьезной проблемой, снижающей эффективность расследования. Исторический опыт показывает, что расследование всегда протекает в конфликтной ситуации: подозреваемый, обвиняемый стремятся уйти от ответственности и наказания, создавая помехи, преграды нормальному ходу предварительного расследования и последующему судебному разбирательству¹.

Существует мнение о том, что о противодействии расследованию преступлений правомерно вести речь только тогда, когда оно связано с совершением противоправных действий. Объясняется это тем, что противодействие расследованию – это объективный и неизбежный процесс, поскольку само по себе противодействие направлено на недопущение достижения целей противостоящей стороной. Его связывают с принципом состязательности уголовного судопроизводства, которая предполагает спор, конфликт, вызванный противоположностью целей и интересов обвинения и защиты. При отсутствии противоположных целей и интересов не мог бы существовать и сам принцип состязательности сторон. Равно как и состязательность сама по себе предполагает противоборство состязающихся сторон в реализации своей уголовно-процессуальной функции².

Отсюда такие действия подозреваемого, обвиняемого, как дача ложных показаний, отказ от дачи показаний, иные попытки ввести следствие в заблуждение, являются реализацией предоставленного уголовно-процессуальным законом права на защиту от уголовного преследования и не противоречат конституционным принципам уголовного судопроизводства.

Уместно сослаться на мнение С.В. Бажанова о том, что современная уголовно-процессуальная политика культивирует объективные предпосылки для легитимного противодействия предварительному расследованию участниками уголовного процесса, представляющими интересы стороны защиты³. У стороны защиты, которая руководствуется установкой «разрешено все то, что не запрещено законом», появились законные основания для деятельности, направленной на воспрепятствование расследованию преступлений. Например, широкое распространение получили действия участников уголовного судопроизводства, связанные со злоупотреблениями своими правами, неисполнением или ненадлежащим исполнением уголовно-процессуальных обязанностей. Формально

¹ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2014. С.87.

² Баев М.О., Баев О.Я. Противодействие адвоката уголовному преследованию подзащитного (процессуальная неизбежность и пределы допустимого) // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: Сб. науч. трудов. М.: Академия управления МВД России, 2007. С.36.

³ Бажанов С.В. Адвокат-защитник как субъект противодействия предварительному расследованию // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: Сб. науч. трудов. М.: Академия управления МВД России, 2007. С.56.

подобные действия выдаются за средства и способы защиты, но фактически они обусловлены противодействием расследованию.

Изучение следственной и судебной практики показывает, что подозреваемые, обвиняемые, а в отдельных случаях свидетели и потерпевшие, достаточно часто не исполняют свои процессуальные обязанности, отказываясь выполнять законные требования следователя, дознавателя. Как правило, такие ситуации возникают, когда они активно или пассивно препятствуют производству процессуальных действий, оказывают сопротивление, мотивируя свое поведение нежеланием подчиниться. В других случаях, демонстрируя подобное поведение, они апеллируют к конституционным нормам о неприкосновенности личности, недопустимости насилия, унижения чести и достоинства, правом не свидетельствовать против самого себя.

Наиболее часто с такими трудностями следователи сталкиваются при расследовании преступлений коррупционного характера, экстремистской и террористической направленности, а также в случаях совершения особо тяжких преступлений против личности, в частности, убийств по найму, похищения человека и других. В подавляющем большинстве случаев подобные конфликтные ситуации разрешить традиционными тактическими приемами, основанными на убеждении, становится затруднительным, что серьезно осложняет установление обстоятельств расследуемого преступления. Более того, в подобных ситуациях оказываются неэффективными и правовые средства, в частности, установленные в ст.117, 118 УПК РФ, ст.17.7 КоАП РФ, ст.308 УК РФ.

Получили широкое распространение случаи отказа подозреваемых, обвиняемых предоставить образцы для сравнительного исследования следов преступления (ст.202 УПК РФ), а также свое тело для осмотра (ст.179 УПК РФ). Следователи оказываются перед выбором: 1) не производить данные следственные действия (как правило, их результаты являются наиболее значимыми по уголовному делу и, соответственно, их непроизводство означает заведомое неполучение доказательств); 2) производить эти следственные действия, прибегнув к мерам физического принуждения для обеспечения их производства (что остается за рамками уголовно-процессуального закона); 3) использовать возможности оперативно-розыскной деятельности.

Следует заметить, что возможность применения физического принуждения при производстве таких следственных действий, как получение образцов для сравнительного исследования и освидетельствование, хотя прямо и не регламентирована в уголовно-процессуальном законе, но с определенной осторожностью допускается многими учеными-процессуалистами¹.

¹ См., напр.: Калинин В.Н., Гаазе К.Э., Шурухнов В.А. Получение образцов для сравнительного исследования. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты. М.: Щит-М, 2010. С. 121-124; Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Смирнова. М.: Проспект, 2009. С. 574; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.П. Верина, В.В. Мозякова. М.: Экзамен, 2004. С. 489; Кальницкий В.В. Следственные действия: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2003. С. 54; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин,

Судебная практика последних лет, в том числе Европейского Суда по правам человека¹, также в целом признает допустимым такое принуждение. Конституционный Суд РФ в своем определении указал, что Конституция РФ не исключает использования документов, предметов одежды, образцов биологических тканей в целях получения доказательств, а УПК РФ предусматривает возможность производства процессуальных действий (в том числе получения образцов для сравнительного исследования) и применения мер принуждения, связанных с ограничением права граждан на личную неприкосновенность, обеспечивая обоснованность и соразмерность ограничений указанного права².

Например, Пермский краевой суд, рассматривая жалобу обвиняемого, констатировал, что следователем не допущено нарушений норм уголовно-процессуального закона при производстве процессуального действия, предусмотренного ст.202 УПК РФ. В связи с активным сопротивлением обвиняемого к нему было применено адекватное физическое воздействие, необходимое для получения образцов крови³.

Наконец, в одном из последних решений Конституционного Суда РФ указано, что ст.202 УПК РФ допускает возможность принудительного получения образцов при условии обоснованности и соразмерности ограничения конституционных прав личности⁴. Однако принудительно могут быть получены не все виды образцов. Например, получение образцов почерка или голоса принудительным путем бессмысленно.

Вопросы физического принуждения при производстве процессуальных действий, а также использования возможностей оперативно-розыскной деятельности для получения образцов для сравнительного исследования требуют отдельного рассмотрения, вне рамок данной публикации, поскольку дискуссии о допустимости использования в уголовном судопроизводстве доказательств, полученных таким путем, далеки от разрешения⁵.

Рассмотрим ситуацию, связанную с производством следственного действия «получение образцов для сравнительного исследования» (ст.202 УПК РФ), когда подозреваемые, обвиняемые отказываются предоставить, в частности, образцы своего голоса и речи, необходимые для производства фоноскопической

М.П. Поляков. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 438; *Белкин А.Р.* УПК РФ: отменить нельзя поправить?: в 2-х т. Том 2: Досудебное производство. М.: Издательство Юрайт, 2018. С.176.

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 11.07.2006. Дело «Яллох против Германии» [Jalloh v. Germany] (жалоба № 54810/00) // Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. № 2/2007. С. 48.

² Определения Конституционного Суда РФ от 24.08.2013 № 1297-О, № 1298-О (по жалобам гр. Сойкина О.Ю. и гр. Соколюка В.И. на нарушение их конституционных прав статьей 202 УПК РФ).

³ Кассационное определение Пермского краевого суда от 07.07.2011 по делу № 22-4857.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 № 2211-О.

⁵ См., напр.: *Зенкин А.Н.* Получение образцов голоса у подозреваемого, обвиняемого в условиях отказа от их добровольного предоставления // Законность. 2013. № 1. С. 45-47; *Исаенко В.Н.* О некоторых вопросах использования материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6. С. 211-217.

экспертизы. Как отмечалось, такие ситуации выдаются за способ защиты. Предлагаются некоторые рекомендации тактического характера, которые целесообразно использовать в подобных ситуациях. Следует иметь в виду, что альтернативный способ получения образцов голоса и речи допустим только при условии, когда исчерпаны все возможности получения таких образцов в рамках специально предусмотренного для этой цели следственного действия.

Важно, чтобы следователь понимал необходимость умения прогнозировать конфликтные ситуации, работать на опережение и недопущение утраты источников получения доказательств, активно использовать разработанные криминалистикой тактико-криминалистические приемы. Прежде всего, следует исходить из того, что, если по уголовному делу планируется производство судебной фоноскопической экспертизы (как правило, об этом становится известно еще до возбуждения уголовного дела), необходимо спрогнозировать возможные конфликтные ситуации, связанные с получением образцов голоса и речи. Ценность образцов голоса и речи проверяемого лица равнозначна самой исследуемой аудио-, видеозаписи, поскольку без них невозможно производство идентификационной фоноскопической экспертизы. Поэтому следователь должен иметь в виду, что проверяемое лицо (подозреваемый, обвиняемый) может воспользоваться таким «средством защиты», как отказ предоставить образцы своего голоса и речи.

С целью противодействия такой позиции и ее нейтрализации предлагается следующий алгоритм действий следователя.

1. Рекомендуются взять за правило еще при проверке сообщения о преступлении и в ходе дальнейшего расследования по возможности фиксировать ход и результаты следственных действий с помощью аудио- или видеозаписи, что предусмотрено ст. 164, 166 УПК РФ. Использование данных технических средств должно быть ориентировано (помимо основной цели как дополнительное средство фиксации хода следственного действия) на решение долгосрочной тактической задачи – получение условно-свободных образцов голоса и речи интересующего следствие лица. В этих случаях целесообразно определиться, не будет ли применение звукозаписи в ходе того или иного процессуального действия препятствовать решению иных тактических задач. Если нет, то важно, чтобы замысел следователя оставался неочевидным для лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, подозреваемого, обвиняемого и его защитника.

Во всех случаях необходимо проконсультироваться со специалистами, какую технику целесообразно использовать, какие технические условия звукозаписи следует учесть и пр. Предпочтительнее, если видеозапись будет осуществлять специалист. В ходе аудио-, видеофиксации процессуального действия важно «разговорить» интересующее лицо, всячески способствовать его активной голосовой роли, при этом должны быть соблюдены все требования к производству следственных действий и составлению протокола (ст. 164, 166 УПК РФ).

В результате этих действий в распоряжении следователя появляются достоверные, полученные процессуальным путем условно-свободных образцов голо-

са и речи интересующего лица, которые при необходимости могут быть использованы в качестве объекта фоноскопической экспертизы.

2. Следует использовать возможность получения аудио-, видеозаписи с зафиксированными голосом и речью интересующего лица, сделанной при доставлении данного лица в дежурную часть территориальных органов МВД России. Использование видео-, аудиотехники в таких случаях предусмотрено ведомственным нормативным актом (приказ МВД России от 30.04.2012 № 389 (ред. от 19.06.2014) «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан»). Настоящее Наставление распространяется на лиц, подлежащих задержанию по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», – лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, совершивших побег из-под стражи, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, находящихся в розыске, лиц, в отношении которых ведется производство по делам об административных правонарушениях, и других.

При планируемом доставлении лица рекомендуется заблаговременно организовать тактическую комбинацию с целью получения условно-свободных образцов голоса и речи интересующего лица, в том числе принять меры к максимально активной голосовой роли задержанного. В последующем данная аудио-, видеозапись может быть истребована в порядке ч. 4 ст. 21, ч. 1 ст. 144 УПК РФ или получена в ходе выемки, осмотрена, признана вещественным доказательством и приобщена к уголовному делу с вынесением соответствующего постановления (ст. 81 УПК РФ).

3. Целесообразно также использовать в качестве условно-свободных образцов голоса и речи интересующего лица аудио-, видеозаписи, полученные в ходе режимных мероприятий во время содержания такого лица под стражей в следственном изоляторе. Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 19.07.2018) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусматривает возможность использования аудио-, видеотехники в целях осуществления надзора за ними в местах содержания под стражей (ст. 34).

В данном случае порядок получения следователем аудио-, видеозаписи и ее приобщения к уголовному делу в качестве вещественного доказательства аналогичен выше описанным ситуациям.

4. Если в отношении подозреваемого, обвиняемого ранее уже осуществлялось уголовное преследование, целесообразно ознакомиться с архивным уголовным делом, уточнить, проводилась ли фоноскопическая экспертиза, имеются ли образцы голоса и речи интересующего лица. Такие образцы могут храниться в экспертных подразделениях или учреждениях различных ведомств, где проводились соответствующие экспертизы.

При должном оформлении и соблюдении предъявляемых требований к производству процессуальных действий вопрос о законности получения в рассматриваемых случаях аудио-, видеозаписей и их достоверности не возникает.

В каждом конкретном случае достаточность в количественном отношении данных материалов и их качество оценивает специалист (эксперт), который будет проводить исследование.

5. Помимо возможности получения условно-свободных образцов голоса и речи следует иметь в виду получение их свободных образцов, то есть видеозаписей с участием интересующего следствие лица, полученных до возбуждения уголовного дела. Это могут быть любительские записи семейных торжеств, отдыха, а также видеозаписи совещаний, собраний, чествований, конференций, интервью, публичных выступлений по радио и телевидению. Они могут быть изъяты в ходе выемки, обыска, осмотра.

Следственной практике известен пример использования для производства экспертизы видеозаписи интервью лица, подозреваемого в совершении изнасилования и убийства малолетней, совершенных 10 лет назад, которое он давал представителям телевидения в отсутствие сотрудников правоохранительных органов, в непринужденной обстановке, подробно рассказав о совершенных им преступлениях. В данном случае следователи подошли к вопросу поиска дополнительных доказательств творчески и нестандартно. Была разработана тактическая операция по инициированию проведения этого интервью, с учетом психологических особенностей личности подозреваемого – тщеславия, стремления прославиться, стать известным.

6. Отдельно следует рассмотреть вопрос об использовании возможностей оперативно-розыскной деятельности в получении образцов голоса и речи подозреваемого, обвиняемого, когда они отказываются от их предоставления в рамках следственного действия. В разные годы отмечалась непоследовательная и даже противоречивая позиция высших судебных инстанций в вопросе допустимости использования в доказывании результатов оперативно-розыскного мероприятия «Сбор образцов для сравнительного исследования».

В настоящее время следует исходить из разъяснений Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд), изложенных в определении от 28.09.2017 № 2211-О, согласно которым, ст. 202 УПК РФ допускает возможность принудительного получения образцов при условии обоснованности и соразмерности ограничения конституционных прав личности. В то же время образцы голоса подозреваемого, обвиняемого в силу их специфичности не могут быть получены в рамках предусмотренной процессуальной процедуры даже принудительным путем, если лицо отказывается от их предоставления следователю, что делает невозможным реализацию положений ст. 202 УПК РФ и препятствует эффективному решению задач уголовного судопроизводства, защите прав потерпевших от преступлений.

В этих условиях получение образцов голоса для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого допустимо с помощью иных процедур, предусмотренных законодательством и не противоречащих требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, в частности, предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

При этом Конституционный Суд обращает внимание на то, что сам по себе образец не является доказательством, а служит предметом для исследования,

средством для проведения следственных действий и получения доказательства, которое подлежит проверке и оценке. Результаты оперативно-розыскных мероприятий также не являются доказательством, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые могут стать доказательством только после закрепления их надлежащим процессуальным путем.

Данная правовая позиция согласуется и с практикой Верховного Суда Российской Федерации. Она выражена в ряде решений, согласно которым, признаны необоснованными доводы жалоб стороны защиты о нарушении закона при получении образцов голоса осужденных для сравнительного исследования в ходе предварительного следствия, поскольку, как установил суд, такие образцы голоса у подсудимых были получены по поручению следователя органу дознания в порядке п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ при наличии отказа подсудимых от дачи образцов голоса, в соответствии с требованиями п. 3 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (апелляционное определение от 18.06.2013 № 12-АПУ13-2, кассационное определение от 01.04.2011 № 58-О11-9СП, кассационное определение от 19.11.2008 № 42-008-9 и др.).

Таким образом, приведенные положения позволяют следователю прибегать к возможности получения образцов голоса и речи подозреваемого, обвиняемого в рамках оперативно-розыскного мероприятия «Сбор образцов для сравнительного исследования», если названные участники уголовного судопроизводства отказались от их предоставления в ходе следственного действия «Получение образцов для сравнительного исследования». С этой целью следователь дает соответствующее поручение органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в соответствии со ст. 38 УПК РФ, а на стадии процессуальной проверки сообщения о преступлении – в порядке ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Список использованных источников

1. Баев М.О., Баев О.Я. Противодействие адвоката уголовному преследованию подзащитного (процессуальная неизбежность и пределы допустимого) // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: Сб. науч. трудов. М.: Академия управления МВД России, 2007. С. 31-55.
2. Бажанов С.В. Адвокат-защитник как субъект противодействия предварительному расследованию // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: Сб. науч. трудов. – М.: Академия управления МВД России, 2007. С. 56-61.
3. Белкин А.Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить?: в 2-х т. Том 2: Досудебное производство. М.: Издательство Юрайт, 2018. – 331 с.
4. Зенкин А.Н. Получение образцов голоса у подозреваемого, обвиняемого в условиях отказа от их добровольного предоставления // Законность. 2013. № 1. С. 45-47.

5. Исаенко В.Н. О некоторых вопросах использования материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6. С. 211-217.
6. Калинин В.Н., Гаазе К.Э., Шурухнов В.А. Получение образцов для сравнительного исследования. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты. М.: Щит-М, 2010. С. 121-124.
7. Кальницкий В.В. Следственные действия: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2003. – 72 с.
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М.: Издательство Юрайт, 2014. – 1087 с.
9. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.П. Верина, В.В. Мозякова. М.: Экзамен, 2004. – 976 с.
10. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Смирнова. М.: Проспект, 2009. – 848 с.
11. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. М.: Норма, Инфра-М., 2014. – 240 с.

И.С. Трубчик

К вопросу об установлении личности несовершеннолетнего обвиняемого

Аннотация. Работа посвящена установлению возраста несовершеннолетнего обвиняемого путем проведения освидетельствования и производства комплексной судебно-медицинской экспертизы

Ключевые слова: Установления возраста, комиссия судебной медицины, экспертиза, юридический факт.

Действующий уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает, что при производстве по уголовному делу в перечне доказательств, подлежащих доказыванию, является обстоятельство, характеризующее личность обвиняемого. (ст.73 ч.1 п.3 УПК РФ).

При расследовании уголовного дела устанавливается объективная истина по делу, а также личность лица, совершившего преступление и достижения определенного возраста и вменяемости.

В ходе расследования уголовного дела следователь должен допросить несовершеннолетнего, чтобы конкретно установить его личность в виду отсутствия документов.

Как показывает следственная практика допрос несовершеннолетнего в совершении преступления необходимо начинать с его установочных данных фамилия, имя, отчество, дата и место рождения.

Под датой рождения подозреваемого, обвиняемого понимается время, т.е. день, месяц, и год его рождения.

Под местом рождения имеется в виду тот административный пункт (город, деревня, поселок и т.д.), где действительно родился несовершеннолетний и его рождение было зарегистрировано соответствующими органами.

В ходе расследования у следователей нередко может возникнуть проблема отсутствия у несовершеннолетнего субъекта преступления документов, которые бы удостоверили его личность (паспорт, свидетельство о рождении).

В связи с этим установление возраста несовершеннолетнего является существенным обстоятельством. И поэтому бремя доказывания возраста несовершеннолетнего возложено на органы предварительного расследования.

Законодателем в ст. 20 УК РФ устанавливается ответственность лиц достигших ко времени совершения преступления возраст от 14-16 лет и то, что они несут ответственность только за те преступления, перечень которых дан в законе.

Анализируя ч.1 ст.421 УПК РФ можно резюмировать, что необходимым условием при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении совершенном несовершеннолетним наряду с доказыванием обстоятельств устанавливается возраст несовершеннолетнего число, месяц и год рождения.

И тогда следователем на первоначальном этапе расследования уголовного дела принимаются действенные меры, направленные на документирование несовершеннолетнего.

В ситуации, когда у несовершеннолетнего субъекта преступления отсутствуют документы, удостоверяющие его личность, то необходимо незамедлительно принять меры к их истребованию из органов исполнительной власти субъектов РФ копию свидетельства о рождении или истребовать копию актовой записи свидетельства о рождении из управления записи актов гражданского состояния по краю или области. Поэтому определение возраста только со слов самого несовершеннолетнего, его родственников, педагогов и иных лиц недопустимо [1].

При расследовании уголовного дела следователем направляются соответствующие запросы, в различные учреждения занимающиеся записью актов гражданского состояния, а также в медицинские учреждения (родильный дом).

От администрации родильного дома необходимо истребовать справку из журнала записи родов в стационаре (форма 010/у, Приказ Минздрава СССР от 09.01.1986 г. №55 в ред.от 26.11.1997 г. «Об организации работы родильных домов «отделений»). Если такая запись о рождении несовершеннолетнего будет установлена, то эту справку, заверенную гербовой печатью медицинского учреждения необходимо предоставить в органы ЗАГСА с паспортом его матери, с целью регистрации данного факта и выдачи свидетельства о рождении.

В случаях, когда органам предварительного следствия невозможно установить возраст несовершеннолетнего в виду отсутствия документов удостоверяющих его личность и тогда назначается комплексная судебно-медицинская экспертиза.

Указанная экспертиза проводится в целях установления возраста обвиняемого, когда это обстоятельство имеет значение для уголовного дела, либо отсут-

ствие документа удостоверяющих личность, или наличие документа, вызывающего сомнение в достоверности содержащихся в нем сведений.

Целесообразно перед проведением комплексной экспертизы по определению возраста несовершеннолетнего провести рентгенографию рук, по которым устанавливается биологический костный возраст и медицинское освидетельствование.

При производстве комплексной судебно-медицинской экспертизы привлекаются врачи в области педиатрии и рентгенологии, а также судебно-медицинский эксперт.

В ходе производства указанной экспертизы следователем должны быть поставлены следующие вопросы: Достиг ли несовершеннолетний А. возраста 14 лет. Если да то, какому возрасту, несовершеннолетний А. соответствует в настоящее время.

Эти вопросы широко освещены в Пленуме Верховного Суда РФ от 1.02.2011 года №1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», согласно которому несовершеннолетний считается достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности с нуля часов следующих суток.

«При установлении возраста несовершеннолетнего днем его рождения считается последний день того года, который определен экспертами, а при установлении возраста, исчисляемого числом лет, суду следует исходить из предлагаемого экспертами минимального возраста такого лица» [2].

Кроме того в случаи подтверждения возраста комплексной судебно-медицинской экспертизой следователь как заинтересованное лицо должен обратиться в прокуратуру в порядке ст. 45 ГПК РФ, который будет осуществлять защиту законных интересов несовершеннолетнего.

Прокурор в свою очередь обращается гражданский суд с целью установления факта имеющегося юридическое значение. (Гражданский процессуальный кодекс российской Федерации Глава 28 Установление фактов, имеющих юридическое значение ст.ст.264, 268 ГПК РФ)

При установлении факта рождения несовершеннолетнего судом выносится решение по установлению числа, месяца и года рождения несовершеннолетнего. Это решение суда направляется в органы ЗАГС и на основании п.2 ст.21 Федерального закона от 15.11.1997 г. №143 ФЗ «Об актах гражданского состояния», происходит регистрация актовой записи несовершеннолетнего об установлении факта рождения и выдается свидетельство о рождении.

Резюмируя изложенное можно отметить, что только тщательное установление всех обстоятельств и исследование личности обвиняемого несовершеннолетнего может способствовать полноте и объективности предварительного и судебного следствия.

Литература

1. 1.Николюк В.В., Даниленко И.А. Расследование и судебное разбирательство уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних: учебное пособие. Омск. 2004 С.6
2. Пленум Верховного Суда РФ от 1.02.2011 года №1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» //СПС «Консультант-Плюс»

А.В. Хмелева

К вопросу о сокращении сроков предварительного следствия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы сокращения сроков следствия, как одной из актуальных задач, стоящих перед следственными органами, за счет совершенствования организации и производства судебно-медицинских экспертиз.

Ключевые слова: сроки предварительного следствия, судебно-медицинская экспертиза, организация и производство экспертизы.

Сокращение сроков предварительного следствия - актуальная задача, стоящая перед следственными органами. Предлагаемые решения этой проблемы, прежде всего - путем совершенствования уголовно-процессуального закона, нами уже освещались.¹ В данной статье мы рассматриваем вопросы сокращения сроков следствия за счет совершенствования организации и производства судебно-медицинских экспертиз.

Конкретные сроки производства судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз, а также судебных экспертиз иных видов УПК РФ (далее – УПК) не содержит. Лишь в 2013 году в ст. 144 УПК были внесены дополнения, касающиеся срока производства судебных экспертиз на стадии процессуальной проверки сообщения о совершенном преступлении – «... следовательно вправе получать заключение эксперта в разумный срок...».

Представляется, что разумность срока производства экспертизы в данном случае определяется объемом работы эксперта по производству экспертизы, которая зависит от количества представленных объектов, количества поставленных вопросов, технологических сроков исследования, также установленными законом сроков процессуальной проверки и предварительного следствия.

Федеральный закон ФЗ-403 от 31 мая 2001 года «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»² также не устанавливает сроки производства экспертиз. В ст. 14 указанного Закона лишь отмечается, что

¹ Багмет А.М., Хмелева А.В., Саньков В.И. «Неразумные» сроки предварительного следствия/Российская юстиция. 2018. № 8. С. 23 – 26.

² Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Сборник документов/сост. Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. – Москва : Проспект, 2011. С. 3 – 26.

руководитель судебно-экспертного учреждения (далее - СЭУ) обязан обеспечить контроль за соблюдением сроков производства судебных экспертиз *с учетом дат, установленных судами* при назначении судебных экспертиз....» (здесь и далее выделено автором). Про установление сроков производства экспертизы следователем (в постановлении о назначении экспертизы) ничего в законе не говорится.

В ФЗ-403 от 31.05.2001 года (ст.14) отмечается, что руководитель СЭУ «обязан обеспечить контроль за соблюдением сроков производства судебной экспертизы», в ведомственных Инструкциях для экспертов Министерства юстиции и экспертов ЭКЦ МВД оговариваются процедура установления срока производства экспертиз, а в отдельных случаях непосредственно срок.

Так, в п. 8 «Инструкции по организации производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» (утв. Приказом Минюста России от 20 декабря 2002 г. № 347)¹, предусмотрено, что руководитель СЭУ по получении постановления о назначении экспертизы поручает ее производство эксперту (руководителю подразделения, руководителю комиссии экспертов, «при этом поручение оформляется в письменной форме *с определением сроков производства экспертизы*. На практике это выглядит как резолюция руководителя на бланке постановления о назначении экспертизы. Установленный срок зависит от наличия экспертов, их нагрузки, объема предполагаемой работы, технологических сроков исследований.

«Инструкция по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (Положение к приказу МВД России от 29 июня 2005 г. № 511)² устанавливает более определенно сроки производства экспертизы. Так, п.12 содержит положение, что «экспертизы в ЭКП производятся, как правило, в срок, не превышающий пятнадцати суток, в порядке поступления материалов. Более длительный срок производства экспертизы устанавливается руководителем в случаях, когда требуется исследование значительного объема материалов, применения продолжительных по времени методик исследования, а также при наличии в производстве у эксперта значительного количества экспертиз, о чем информируется орган или лицо, назначившее экспертизу. Пункт 13 конкретизирует, что срок производства экспертизы исчисляется со дня поступления экспертизы в ЭКП по день подписания руководителем сопроводительного письма к заключению эксперта.

В «Инструкции об организации производства судебно-психиатрических экспертиз в отделениях судебно-психиатрических экспертиз государственных психиатрических учреждений», утвержденной приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 30.05.2005 г.

¹ Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Сборник документов/сост. Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. – Москва : Проспект, 2011. С. 108 – 112.

² Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Сборник документов/сост. Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. – Москва : Проспект, 2011. С. 120 – 130.

№ 370¹, говорится об обязанности руководителя обеспечить контроль за соблюдением сроков производства экспертизы (п.7). Что касается конкретных ее сроков, то п.18 содержит следующее положение: «Общий срок пребывания лица, направленного на экспертизу, в психиатрическом стационаре не может превышать 90 дней». То есть, срок амбулаторной экспертизы, срок стационарной экспертизы фактически не установлен, говорится лишь о максимальном сроке пребывания лица в стационаре.

Производство судебно-медицинских экспертиз урегулировано в Приказе Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 года № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации».² В разделе 3 «Порядок организации и производства экспертиз» в п. 15 установлены обязанности руководителя СЭУ и, в частности, говорится, что руководитель определяет срок производства экспертизы... в пределах срока, указанного в постановлении или определении о назначении судебной экспертизы...». В п. 17 говорится, что руководитель СЭУ или его заместитель по экспертной работе контролирует соблюдение сроков выполнения экспертизы с учетом даты окончания экспертизы, установленной судом при ее назначении...» (почему только судом? – примечание автора).

Таким образом, можно сделать вывод, что в подзаконных ведомственных нормативных актах обязанность контролировать (в системе МВД, Минздрава – и устанавливать) сроки производства экспертизы возложена на руководителя СЭУ, его заместителя, руководителя экспертного подразделения. В ряде документов говорится о праве следователя (суда) устанавливать в вынесенном постановлении срок производства экспертизы, однако, этим правом, как показывает практика, следователи не пользуются, в противоположность судам.

Ознакомление с экспертной практикой производства судебных экспертиз позволяет сделать вывод, что на сроки производства экспертиз влияет также организация взаимодействия следователя с СЭУ: своевременность вынесения постановления о назначении экспертизы, своевременность и полнота представления экспертам объектов исследования, в том числе – сравнительных образцов для исследования, отсутствие волокиты при ответе на запросы экспертов (после направления запроса производство экспертизы приостанавливается до получения запрашиваемых материалов или до 30 суток от даты направления запроса).

Чтобы сократить сроки производства экспертизы (особенно это относится к судебно-медицинским экспертизам), целесообразно ориентировать следователей при назначении в период процессуальной проверки в порядке ст.ст. 144 - 145 УПК ставить перед экспертом (экспертами) минимальное необходимое число вопросов, ответы на которых позволяют решить вопрос о возбуждении (не возбуждении) уголовного дела. Все другие возможные вопросы можно поставить в дальнейшем в ходе следствия при назначении дополнительной экс-

¹ СПС «Консультант Плюс».

² СПС «Консультант Плюс».

пертизы. Уменьшение количества вопросов, разделение их на несколько постановлений – один из выходов по сокращению сроков получения необходимых результатов, с которыми уже следователь может работать, при этом другие вопросы могут решаться в ходе дополнительных экспертиз.

В ряде следственных управлений субъектов РФ для сокращения сроков доставки объектов биологического характера в судебно-медицинские СЭУ были приобретены и переданы в следственные управления переносные минихолодильники, в которых объекты доставляются в установленные сроки (не позднее 3-х суток). Это влияет на общие сроки производства экспертизы, так как обычно районный судебный медик выезжает в Бюро СМЭ и доставляет объекты по мере их накопления – по разным уголовным делам (с разных мест происшествий), 1 - 2 раза в месяц.

При производстве судебно-психиатрических экспертиз следователь должен иметь в виду, что часто после амбулаторной экспертизы возникает необходимость назначения стационарной судебно-психиатрической (психолого-психиатрической экспертизы), что увеличивает сроки психиатрического обследования подэкспертного. С другой стороны, если экспертиза назначена без подготовки достаточного материала для экспертов, позволяющего оценить поведение лица ретроспективно, в момент совершения поведения (особенно это важно для решения вопроса об аффекте) – допросы очевидцев, родственников и др., то эксперты вынуждены направлять запрос о представлении этих материалов, приостанавливая производство экспертизы.

Это недостатки работы следователей, которые должны устраняться в ходе методической работы, а также контроля со стороны руководителя следственного подразделения и уполномоченного сотрудника криминалистического подразделения.

Но имеются и объективные причины длительных сроков производства судебных экспертиз, приводящих зачастую к продлению сроков следствия.

В этой связи, следует отметить, что в ряде регионов отсутствуют стационары для проведения стационарных судебно-психиатрических (психолого-психиатрических) экспертиз в отношении подозреваемых (обвиняемых), находящихся под стражей. Назначение их в другие регионы связано со значительными организационными проблемами (выезды следователей для назначения экспертизы и получения заключения эксперта), оформлением и сроками этапирования (1 – 1,5 месяца).

У органов следствия имеются значительные сложности с назначением судебно-медицинских экспертиз по преступлениям, связанным с некачественным лечением или оказанием медицинских услуг (так называемые, ятрогенные преступления). На практике, как правило, по понятным причинам следователь вынужден назначать такие экспертизы в другие области и регионы, подключая «личные и административные ресурсы», что тоже сопровождается временными затратами и организационными сложностями. Ранее на межведомственных совещаниях представителей правоохранительных органов и Министерства здравоохранения предлагалось создание региональных центров для производства таких экспертиз, обслуживающих закрепленные за каждым определенные реги-

оны России. Как менее затратный проект предлагалось закрепление попарно соседних областей для проведения таких экспертиз. До настоящего времени данные предложения не реализованы, остались лишь на стадии обсуждения заинтересованными ведомствами.

Надо отметить, что, как показывает практика, довольно часто в СЭУ, где проводятся судебно-медицинские экспертизы (особенно комиссионные, комплексные), а также психолого-психиатрические экспертизы постановления следователей накапливаются, а не регистрируются сразу, чтобы снизить сроки производства экспертизы. Они «лежат в очереди» и регистрируются к началу производства экспертизы. При этом «очередь» может быть довольно длительная (например, в Российском центре судебно-медицинской экспертизы комиссионные экспертизы по уголовным делам о врачебных ошибках, с учетом указанных обстоятельств, производство экспертизы может откладываться на 1-1,5 года), при этом следователь вынужден продлевать сроки следствия, ожидая окончания экспертизы. Хотя, например, в ст. 20 Инструкции, регулирующей производство судебно-психиатрических экспертиз, указывается, что постановление о назначении экспертизы регистрируется в течение суток после его поступления в СЭУ в журнале регистрации судебных экспертиз.

Сроки сложных комиссионных, комплексных судебно-медицинских экспертиз зачастую увеличиваются за счет длительности исследований и оформления их результатов привлеченными узкими специалистами – неврологами, хирургами, гинекологами и др., которые не являются сотрудниками СЭУ, а включаются в силу необходимости в комиссию экспертов. Представляется, что в таких случаях устанавливать и контролировать сроки их работы должен руководитель комиссии экспертов, а также руководитель экспертного подразделения и руководитель СЭУ.

Таким образом, только лишь закрепление сроков производства судебной экспертизы в УПК не решит проблемы длительности их производства. Это комплексная межведомственная задача, решение которой, на наш взгляд, предусматривает:

- совершенствование законодательной базы (в частности, уголовно-процессуального закона), в части закрепления полномочия следователя (суда) указывать в постановлении (определении) о назначении судебной экспертизы срок ее исполнения (дополнение ст.195 УПК РФ);
- четкое и своевременное выполнение уже предусмотренной в законе и ведомственных подзаконных актах, регулирующих судебно-экспертную деятельность и полномочия руководителя СЭУ, обязанности руководителя СЭУ, руководителя экспертного подразделения контролировать сроки производства экспертизы, привлечение экспертов, допустивших волокиту к дисциплинарной ответственности;
- решение организационных задач по созданию психоневрологических стационаров для обследования участников уголовного судопроизводства, находящихся под стражей; а также - страдающих открытой формой туберкулеза;

- решение вопроса по организации производства судебно-медицинских экспертиз по материалам уголовного дела о врачебных ошибках (ятрогенные преступления), обеспечивающей объективность экспертизы;
- повышение квалификации следователей, учебно-методическая работа с ними, осуществление постоянного ведомственного контроля за своевременным и качественным использованием следователем специальных знаний экспертов и специалистов.

Литература

1. Багмет А.М., Хмелева А.В., Саньков В.И. «Неразумные» сроки предварительного следствия/Российская юстиция. 2018. № 8. С. 23 – 26.
2. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Судебная экспертиза. Сборник Документов / состав. Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. – Москва : Проспект, 2011. – 160 с.
3. Хмелева А.В. Проблемные вопросы применения норм о назначении и производстве судебных экспертиз и специальных исследований/Российский следователь. 2015. № 6. С. 31 – 34.

Сведения об авторах

- Аксенова Екатерина Васильевна** – студентка 2 курса магистратуры заочной формы обучения Юридического института Российского университета транспорта.
- Ализаде Вера Александровна** – преподаватель Кафедры теории права и сравнительного правоведения Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, соискатель Кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.
- Белый Сергей Сергеевич** – магистрант Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ).
- Борисов Андрей Викторович** – заведующий кафедрой «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика» Юридического института Российского университета транспорта, кандидат юридических наук, доцент.
- Бобовкин Михаил Викторович** – доктор юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета транспорта (МИИТ).
- Валов Сергей Владимирович** – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Московской академии СК России, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.
- Вахмянина Наталья Борисовна** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики Екатеринбургского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации».
- Вдовцев Павел Викторович** – доцент кафедры уголовного процесса Екатеринбургского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», капитан юстиции, кандидат юридических наук.
- Гаврилов Борис Яковлевич** – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.
- Дармаева Валентина Дашеевна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса ФГКОУ ВО «Московская Академия Следственного комитета», кандидат юридических наук, полковник юстиции.
- Ермолович Ярослав Николаевич** – профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», доктор юридических наук.
- Зубанова Мария Вадимовна** – магистрант Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ).
- Иванов Андрей Львович** – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент.
- Казачек Елена Юрьевна** – старший преподаватель кафедры криминалистики, Хабаровского филиала Федерального государственного образова-

тельного учреждения высшего образования «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации».

Каркошко Юрий Сергеевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Екатеринбургского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», подполковник юстиции.

Киселёв Евгений Александрович – доцент кафедры криминалистики, Хабаровского филиала Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент.

Косенко Андрей Михайлович – старший следователь Няганского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ханты-Мансийскому автономному округу; аспирант Московской Академии Следственного комитета Российской Федерации.

Костенко Константин Анатольевич – заведующий кафедрой уголовного процесса Хабаровского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», полковник юстиции.

Новикова Наталья Евгеньевна – канд. экон. наук, доцент департамента учета, анализа и аудита Финансового университета при Правительстве РФ.

Новиков Владимир Александрович – канд. экон. наук, доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, лейтенант юстиции.

Орлов Юрий Юрьевич – магистрант Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ).

Осипова Татьяна Викторовна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Хабаровского филиала Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», полковник юстиции.

Попова Наталья Алексеевна – студентка бакалавриата Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ).

Сабельфельд Татьяна Юрьевна – заведующая кафедрой уголовного процесса Новосибирского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат юридических наук, подполковник юстиции.

Саньков Валерий Иванович – старший инспектор отдела исследования проблем методик расследования преступлений управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции.

Трубчик Ирина Степановна – директор Хабаровского филиала ФГКОУ ВО Московская академия Следственного комитета, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Цховребова Илона Андреевна – инспектор отдела исследования проблем методик расследования преступлений управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Хмелева Алла Владимировна – заместитель руководителя управления научно-исследовательской деятельности (НИИ криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Содержание

	Стр.
Международная научно-практическая конференция « Актуальные проблемы совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства России » (29 мая 2019 г.)	3
Аксенова Е.В., Борисов А.В. Современное состояние карательной политики в Российской Федерации. Социальные последствия жесткой карательной политики	6
Ализаде В.А. Право на жизнь в уголовном судопроизводстве: некоторые аспекты международно-правовой регламентации и закрепления в УПК РФ	12
Белый С.С. Квалифицированные виды незаконной добычи водных биологических ресурсов	21
Бобовкин М.В., Зубанова М.В. Тактико-психологические особенности предъявления для опознания трупа	27
Валов С.В. Правовые и организационные проблемы производства органами внутренних дел неотложных следственных действий	33
Вахмянина Н.Б. Современные проблемы правоприменения ст. 145.1 УК РФ	39
Вдовцев П.В., Каркошко Ю.С. Некоторые проблемные вопросы получения образцов для сравнительного исследования	43
Гаврилов Б.Я. Проблемы законодательного регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности в судопроизводстве по уголовным делам	47
Дармаева В.Д. Обеспечение интересов потерпевших на возмещение вреда, причиненного преступлением	54
Иванов А.Л., Ермолович Я.Н. К вопросу о субъекте нарушения правил обеспечения качества и безопасности товаров, работ, услуг (ст. 238 УК РФ)	58
Казачек Е.Ю. К вопросу о злоупотреблении правом не свидетельствовать против себя, как способе противодействия предварительному расследованию (вопросы теории и практики)	64
Киселёв Е.А., Осипова Т.В. К вопросу совершенствования деятельности следственных органов по расследованию уголовных дел о нераскрытых преступлениях прошлых лет	68
Косенко А.М. О полномочии следователя требовать производства документальных проверок и ревизий	72
Костенко К.А. К вопросу о тенденциях модернизации стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе	78
Новикова Н.Е., Новиков В.А. Учет и отражение в отчетности прибыли и ее распределения между хозяйствующим субъектом и бюджетом	84
Орлов Ю.Ю. Мотивация лиц в преступлении, квалифицируемом по статье 290 Уголовного кодекса РФ	92

Попова Н.А. Основные проблемы расследования компьютерных преступлений в РФ	97
Сабельфельд Т.Ю. Проблемные вопросы о процессуальных сроках на стадии возбуждения уголовного дела	100
Саньков В.И., Цховребова И.А. Тактико-криминалистическое обеспечение получения образцов голоса и речи в ситуации противодействия расследованию	103
Трубчик И.С. К вопросу об установлении личности несовершеннолетнего обвиняемого	111
Хмелева А.В. К вопросу о сокращении сроков предварительного следствия	114
Сведения об авторах	120

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

материалы Международного научно-практического круглого стола

(Москва, 29 мая 2019 года)

Редакционная коллегия обращает внимание, что статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

Подписано в печать 20.06.2019

ISBN 978-5-6041504-9-8

Формат 60x90 1/16

Усл. печ. л. 7,81

Тираж 100 экз.

Печать офсетная

Заказ № 225

Отпечатано в типографии Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
ул. Врубеля, д. 12